

# Пособие по аскетике для современного юношества священник Тимофей

Предисловие

Введение

Предисловие

Предлагаемая книга обращена в первую очередь к юношам, получившим православное воспитание в детстве, с тем, чтобы помочь им преодолеть трудный барьер юности, чреватый многими соблазнами и искушениями, и при этом не потерять свою веру, не запятнать свою совесть, но стать сознательными православными христианами.

Многое из сказанного здесь трудно понять человеку, не имевшему соответствующего духовного опыта. Обойти и совсем не затронуть эти вопросы невозможно, передать их всем понятным языком – вряд ли удастся. И дело тут не в возрасте читателя. Есть лица, которые постоянно ходят в храм, но никогда не переживали и никогда не поймут главного идейного стержня этой книги, потому что они никогда не переживали его всем своим существом.

Эта центральная тема – обращение человека ко Христу как особый сверхчувственный опыт, как поворот духа, как решительная перемена в произволении, в самосознании, после которой человек и ощущает себя, и действительно становится христианином.

Примерами таких обращений полны жития святых. О факте такого великого переворота в человеке говорят и святые Отцы, из которых нам ближе всего и понятнее выразился святитель Феофан Затворник. Необходимость сознательного обращения ко Христу Отцы понимают и исповедуют, но поскольку подвизались они в благочестивые времена, то не всегда описывают обращение как духовный переворот, происходящий зачастую через глубокую внутреннюю катастрофу, подобную Павлову переживанию на Дамасской дороге, когда его, еще дышащего злобою ко Христу, внезапно осиял свет Небесный, огласил

кроткий голос Гонимого им, и вскоре сам гонитель превратился в пламенного проповедника и апостола.

Во времена христианского благочестия православные дети возрастали совсем в иной атмосфере, чем теперь, даже в нынешних верующих семьях и в православных школах. Мир все-таки был другим, не настолько глубоко, как теперь, погрязшим во зле. Человек Пушкинского или даже Шмелевского быта произволением своим поворачивался ко Христу как бы плавно и незаметно для самого себя, ведь ему не нужно было выходить из своего жизненного уклада. Поэтому-то обращение человека ко Христу, превращение его из номинального христианина в духовного и сознательного воина Небесного Воеводы далеко не всегда попадало в рассмотрение церковных писателей, и они редко заостряли на этом внимание.

И лишь святитель Феофан в своем труде «Путь ко спасению» и святитель Игнатий в словах о таинстве крещения заговорили об обращении как центральном моменте всей духовной жизни. Это было время, когда многие христиане оставались таковыми лишь по имени, по быту, по общему государственному укладу, но уже не по совести, не по сердцу, не по горячему убеждению. Вера слабела в них все больше.

Для нашего времени, когда весь уклад жизни сознательно задан в жестком антихристианском ключе, обращение особо важно и оно практически всегда драматично. Наряду с этим господствующее в современном мировом Православии примиренчество и стремление к симбиозу с миром привело к тому, что об обращении как-то забыли. Многие вновь удовлетворяются верою, выражающей себя лишь внешне, сводящейся только к выполнению ряда предписаний.

Вокруг сказанного об обращении ко Христу построилось в книге и все прочее. Эта тема невольно затребовала соответствующего читателя, который по своей душе, по своей жизненной истории узнал бы, о чем идет речь. Попытки православного нравоучения для юношества, предпринятые современными церковными авторами, на наш взгляд, не всегда удовлетворительны именно с этой точки зрения. Юношей зачастую просто учат добру, не выделяя того судьбоносного

момента, после которого человек становится сознательным христианином.

Остается последний и главный вопрос: кому же адресовать свою работу, если далеко не всем взрослым, не говоря о юношестве, она подойдет? Скажем так: книга предназначена для чтения в кругу православной семьи, В чем-то приходится рассчитывать на помощь старших, которые могут скорее понять, узнать и передать подросткам сказанное на этих страницах.

### Введение

Дорогие юные читатели!

К тем, из вас, кто верит в Бога, кто желал бы жить достойно своей веры, кто знает, что такое человеческая душа, что она бессмертна, кто хотя бы слышал о заповедях Божиих, кто знает, что они учат добру, кто вообще любит это добро и стремится к нему – обращена наша книга. Если же для вас понятия о Боге, о совести, о добре и зле – лишь пустые и отвлеченные, мешающие жизни приятной – тогда, пожалуй, нам стоило бы поговорить о тех науках, которые вы проходите в школе – физике, химии, биологии – и досказать то, что недосказано в учебниках, но что очевидно вытекает из самих изучаемых наук. А вытекает из них следующее: мир не мог возникнуть и не может стоять сам собою; жизнь не сводима к движению атомов и молекул; законы материального бытия не определяют всего, а лишь вытекают из законов духовных; и наконец, нарушение этих последних разрушительно и опасно для человека и всей жизни на земле.

Пытаясь поначалу отвернуться и убежать от законов нравственных, данных Богом, человек вновь возвращается к ним же. Если не подействовали убеждения морали, то могут сказать свое слово факты объективной науки. Еще совсем недавно многие люди пытались скрыться от Бога, обращаясь к физике и биологии, но именно там они вдруг стали пред Ним еще более явственны. Можно ли убежать от Вездесущего? Удастся ли спрятаться от Бога в той науке, законы которой Он Сам и установил?

Внешнее познание о Боге, к которому приводит наука, способно расшевелить уснувшую душу. Но этого недостаточно.

Настоящая вера, приводящая не просто к пробуждению, но к исцелению души, познаёт Бога не внешним убеждением, а путем внутреннего, сердечного общения.

Самая характерная особенность вашего возраста как раз и состоит в том, что ваша душа неожиданно открывает для себя некий внутренний источник познания и начинает смотреть на мир совсем другими глазами. Это новое знание лежит не в области рассудка, а в области чувства, почему и говорят про юношей и девушек, ощутивших его в себе, что они теряют голову. Что бы ни говорили вам взрослые, о чем бы ни напоминали и собственные, еще не столь давние размышления, – вы чувствуете, что все это говорилось из совершенно иной сердечной настроенности. И вот юная душа отталкивается от всего простого и привычного. Окружающая жизнь и люди, даже самые близкие, кажутся чужими и холодными, – если только они не опьянены тем же дурманящим ароматом юности.

Вчерашние подростки сознают себя умнее, чем прежде, более знающими жизнь, более понимающими ее сложность. И действительно, знание жизни, такое ее внутреннее постижение, как в эту пору, невозможно преподать за школьной партой. Начинается ниспровержение авторитетов, все подвергается пересмотру и критике. «Папы, мамы, учителя, – ну что они понимают? Дают задание: делать то и се, пятое и десятое, сообщают нечто из тех и других областей знания, но при всем том они совершенно неспособны понять, что происходит в моей душе... А что там происходит?.. Не могу сказать, но во всяком случае что-то очень большое, важное, к чему совершенно не подходит ни сухое школьное знание, ни отвлеченное наставление взрослых, которые учат нас жизни. Жизни-то они нас учат, но жизнь нашей души сейчас совсем другая. Потому и нет для нас авторитета, кроме как в своем собственном кругу, среди тех, кто, как и мы, отверг авторитеты и сам понял жизнь» – вот вкратце мысли юной души о проблеме отцов и детей.

Хорошо, когда эта юная душа, инстинктивно направляясь к стремлениям высоким и достойным, все-таки находит их правильно. Увы, гораздо чаще получается все совсем иначе...

Но не спеши, внезапно повзрослевшая и поумневшая душа! Ведь тебе не было еще ни двадцати, ни тридцати, ни сорока лет, ты не знаешь, чем люди мучаются в таком возрасте. А кто уже прошел эти годы, тому было когда-то и тринадцать, и пятнадцать, и восемнадцать. И напрасно ты думаешь, что взрослые забыли эти годы, когда сами подобно тебе «ходили на голове», никем не понятые, с бурно взрослеющими чувствами и с замедленным ростом рассудительности.

Постарайся почувствовать и понять, что взрослые (хотя бы некоторые из них) говорят с тобою как бы с той стороны высокого забора, на который ты карабкаешься теперь, и рассказывают, какие они набили себе шишки, оказавшись по эту сторону. Ведь те же духовные опасности ждут и тебя, и тех, кто будет после тебя...

Многие поэты и писатели, размышляя о юности, используют такой литературный образ – мотыльки, летящие ночью на огонек свечи. Доводилось ли вам самим наблюдать, как бедняжки легко обжигают свои крылышки и гибнут?

Сравнение это не столько красивое, сколько суровое. Познание ночного блуждающего огонька оканчивается смертью. А смерть не игрушка.

Что такое этот огонек свечи в сравнении с солнцем? – Ровно то же самое, что и новое ваше внутреннее душевное знание в сравнении с Божественным разумом и христианской мудростью. Свет солнечный на земле необъятен, он живет и не обжигает. Огонек свечи замечен лишь в темноте, он манит к себе, он дает возможность что-то поблизости разглядеть, но для прикоснувшегося к пламени мотылька он смертельно опасен.

Увы как часто юность оставляет истинное Солнце правды и берет взамен свечку своего собственного внутреннего познания, углубляясь с нею во тьму греховную! Как редко она способна верить слову старших, а если и прислушается иногда, то лишь по внешнему принуждению. Сколько ребят, даже будучи с детства приучены к вере, к молитве, к церковному благочестию, в эти годы как-то мгновенно теряют и то, и другое, и третье. Свое «Я» для них приобретает больший вес.

Это «Я» ищет легкого и быстрого самоутверждения, самовыражения. Переставший быть ребенком вдруг видит, что мир вокруг довольно грязен и жесток, и если раньше взрослые еще пытались не показывать ему эту грязь, то теперь за это он уже не верит им. Гораздо легче и приятнее теперь послушаться того человека, который эту грязь назовет сладостью, притом вполне законной, естественной и небезобразной, да к тому же еще общепринятой. И вот уже юная душа, ищущая насыщения своих повзрослевших чувств и порывов, готова броситься в этот омут страстей, нырнуть туда с головой, и лишь тогда дойдет до нее зловоние греха.

Человек – существо, привыкающее ко всему. Ведь если долго работать в хлеву, то и его запах перестанет раздражать. Когда-то еще успеет познавший смолоду грех опомниться? Когда еще сумеет он понять, что грех совсем не сладок, даже если к нему привыкнешь? А если и одумается, найдет ли в себе силы встать и возвратиться на оставленный когда-то путь Христов – путь истины, добра и чистоты?

Начиная этот разговор, мы не знаем, в каком состоянии находитесь вы, наши юные читатели. Стремясь познать жизнь, прошли ли вы «огни и воды», которые в сущности лишь блуждающие ночные огоньки соблазнов и мутные болотные топи страстей? Знаете ли грех и в какой мере? А если еще нет, то чем удерживаетесь от него? Только ли внешними обстоятельствами и запретами взрослых, (которые со временем все легче и легче преодолеваются), или теми внутренними преградами, которые именуются страхом Божиим и совестью?

Хочешь ли, благоразумная душа, посмотреть в такое зеркало, в котором ты увидишь себя саму? Увидишь свое взросление, свои собственные чувства и искушения. Хочешь ли поглядеть? Только давай прежде договоримся, что, узнав себя и свою историю, ты будешь внимательна к себе, что один, только один авторитет на земле, ты подождешь отвергать. Нам, учителям, родителям, если не хочешь, не верь. Но как не верить зеркалу, в котором виден насквозь весь твой собственный путь? Не стремись только смотреться в такое зеркало, которое бы тебя приукрасило. Что же, иди и смотри.

И сказал змей жене: подлинно ли сказал Бог: не ешьте ни от какого дерева в раю? И сказала жена змею: плоды с дерев мы можем есть, только плодов дерева, которое среди рая, сказал Бог, не ешьте их и не прикасайтесь к ним, чтобы вам не умереть. И сказал змей жене: нет, не умрете, но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете как боги, знающие добро и зло. И увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание; и взяла плодов его и ела; и дала также мужу своему, и он ел. И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги, и сшили смоковые листья, и сделали себе опоясания (Быт.3:1–7).

Не узнала ли еще себя, душа? Тогда вот тебе перевод на современный язык.

И сказал юной душе весь окружающий ее мир, во зле лежащий: правда ли, что христианское учение лишило тебя всех радостей и удовольствий жизни? Ответила душа: нет, нам многое позволено, но запрещено нам делать то, другое и третье, чтобы не умереть. И продолжал искушитель: ты не умрешь, но станешь Человеком с большой буквы, будешь жить своим, а не чужим умом. Ты, душа, познаешь, что ты сама – мерило всех вещей, что мир существует для тебя, а ты для своего удовольствия. И увидела душа, что запрещенное Богом красиво на вид и сладко на вкус, что легко и свободно кушается другими. Вкусила и сама, дала и другим...

Продолжить ли, юный друг? Доселе ты, возможно, узнаешь всю эту историю на себе самом, то есть сладкую часть ее. Горькую часть ты едва ли распробовал, она будет длиною в целую жизнь, а для нераскаянных продолжится и в вечности.

Скажи, разве эта повесть не про нас с тобою? Разве мы не следуем дурному примеру праматери нашей? Как записавший эту историю тысячи лет назад мог так хорошо знать твою и мою душу? Значит, вероятно, стоит прислушаться. Не для того пала в грех наша праматерь, не для того рождала она детей в скорби и болезни, не для того Адам оплакивал падение свое все 930 лет своей жизни, и не для того передавали люди детям и внукам в течение стольких веков эту повесть, чтобы она, дав

нам ключ к пониманию собственной души, оставалась бы для нас праздною или сказочною!

Бог никого не приводит к Себе насильно, помимо или против человеческой воли. В вашем возрасте становление личности идет быстрее всего. Теперь вы в наибольшей степени на распутьи жизни. Какую выбрать дорогу? Речь, конечно, не о профессии и не о месте жительства. Мы имеем в виду цель и смысл жизни: высокою ли она будет или низкою, на уровне сознания, или безсловесного инстинкта? Простой выбор одного из двух стоит перед тобою: Бог, свет, жизнь, чистая радость на одной стороне; самодовлеющее «Я», грех, смерть, мучение – на другой.

Когда взрослые крестят младенца, а затем приобщают его к источникам благодатной церковной жизни, они лишь помогают ему в будущем самостоятельно выбрать добро, выбрать путь Божий. Но самого выбора они на себя взять не могут. Младенцы не выбирают, они только подражают старшим и слушаются их. А вам предстоит выбирать направление жизни, даже если вы об этом не задумываетесь.

Выросла душа, раскрылись в ней новые мысли и чувства, – вот и новые задачи встают перед нею. Верующим юношам и девушкам надо как бы вновь обретать свою веру, делать ее своею, а не бабушкиною. И тем, кто ненаучен вере в Бога, лучше всего именно сейчас к ней обратиться, пока душа не зачерствела, отравившись тяжкими грехами.

Ты уже, вероятно, слышал такое вульгарное философское рассуждение: один раз живем, нужно взять от жизни побольше. Слышал его когда-то и святой апостол Павел, и передал еще проще: станем есть и пить, ибо завтра умрем (1Кор.15:32). Это общий девиз материалистов, но именно они-то, как ни странно, прожигают жизнь зря и не берут от нее самое важное и нужное.

На самом деле не только жизнь, но и молодость наша дается нам один только раз. Каждый год молодости неповторим, а его потери невосполнимы. То, что потеряно и не сделано в жизни на 43-м году, можно наверстать на 44-м, но то, что утрачено в 16 лет, гораздо труднее вернуть в 17. И невозможно вернуть себе прожитый бездумно и бездарно год.

Самое драгоценное сокровище для человека – смысл его жизни, цель ее, притом высокая и достойная. В молодости многое предрасполагает человека к тому, чтобы найти ее, не ошибиться в поиске и затем посвятить этой цели всю жизнь. Бывает, что люди найдут ее только под старость и уже не могут служить этой цели – сколько примеров тому встречается в церкви каждый священник. И если ты за всю свою молодость ни разу не влюбишься, даже ни разу не засмеешься, если даже все это время будешь прикован к постели, но при этом обретешь Христову веру как свою, – можно уверенно сказать, что молодость твоя прошла не зря, ты взял от нее самое главное. Зато юность, прожитая в разгуле, погублена безнадежно, она оставляет после себя духовную пустыню.

Итак, ищи от жизни большого, прежде чем рассыпаться по ее мелким сладостям и шалостям, чаще всего отнюдь не невинным. А большое – это вера в Бога и добродетель, позволяющая быть в общении с Ним.

В детстве все доброе дается легче, почти без усилий, но зато не очень надежно. Теперь путь к добродетели станет для вас труднее, но пройдя его, вы станете верными сынами Божиими, получите такое великое богатство духовное, которое теперь невозможно вам и описать, и поймете, что только ради этого и следовало жить. Желаете ли выбрать этот трудный путь к благам небесным и вечным? Как это сделать – об этом и пойдет речь в нашей книжке.

## Глава 1. Христианское мировоззрение – основа нравоучения

Дорогие юные читатели!

К тем, из вас, кто верит в Бога, кто желал бы жить достойно своей веры, кто знает, что такое человеческая душа, что она бессмертна, кто хотя бы слышал о заповедях Божиих, кто знает, что они учат добру, кто вообще любит это добро и стремится к нему – обращена наша книга. Если же для вас понятия о Боге, о совести, о добре и зле – лишь пустые и отвлеченные, мешающие жизни приятной – тогда, пожалуй, нам стоило бы поговорить о тех науках, которые вы проходите в школе – физике, химии, биологии – и досказать то, что недосказано в учебниках, но что очевидно вытекает из самих изучаемых наук. А вытекает из них следующее: мир не мог возникнуть и не может стоять сам собою; жизнь не сводима к движению атомов и молекул; законы материального бытия не определяют всего, а лишь вытекают из законов духовных; и наконец, нарушение этих последних разрушительно и опасно для человека и всей жизни на земле.

Пытаясь поначалу отвернуться и убежать от законов нравственных, данных Богом, человек вновь возвращается к ним же. Если не подействовали убеждения морали, то могут сказать свое слово факты объективной науки. Еще совсем недавно многие люди пытались скрыться от Бога, обращаясь к физике и биологии, но именно там они вдруг стали пред Ним еще более явственны. Можно ли убежать от Вездесущего? Удастся ли спрятаться от Бога в той науке, законы которой Он Сам и установил?

Внешнее познание о Боге, к которому приводит наука, способно расшевелить уснувшую душу. Но этого недостаточно. Настоящая вера, приводящая не просто к пробуждению, но к исцелению души, познаёт Бога не внешним убеждением, а путем внутреннего, сердечного общения.

Самая характерная особенность вашего возраста как раз и состоит в том, что ваша душа неожиданно открывает для себя

некий внутренний источник познания и начинает смотреть на мир совсем другими глазами. Это новое знание лежит не в области рассудка, а в области чувства, почему и говорят про юношей и девушек, ощутивших его в себе, что они теряют голову. Что бы ни говорили вам взрослые, о чем бы ни напоминали и собственные, еще не столь давние размышления, – вы чувствуете, что все это говорилось из совершенно иной сердечной настроенности. И вот юная душа отталкивается от всего простого и привычного. Окружающая жизнь и люди, даже самые близкие, кажутся чужими и холодными, – если только они не опьянены тем же дурманящим ароматом юности.

Вчерашние подростки сознают себя умнее, чем прежде, более знающими жизнь, более понимающими ее сложность. И действительно, знание жизни, такое ее внутреннее постижение, как в эту пору, невозможно преподать за школьной партой. Начинается ниспровержение авторитетов, все подвергается пересмотру и критике. «Папы, мамы, учителя, – ну что они понимают? Дают задание: делать то и се, пятое и десятое, сообщают нечто из тех и других областей знания, но при всем том они совершенно неспособны понять, что происходит в моей душе... А что там происходит?.. Не могу сказать, но во всяком случае что-то очень большое, важное, к чему совершенно не подходит ни сухое школьное знание, ни отвлеченное наставление взрослых, которые учат нас жизни. Жизни-то они нас учат, но жизнь нашей души сейчас совсем другая. Потому и нет для нас авторитета, кроме как в своем собственном кругу, среди тех, кто, как и мы, отверг авторитеты и сам понял жизнь» – вот вкратце мысли юной души о проблеме отцов и детей.

Хорошо, когда эта юная душа, инстинктивно направляясь к стремлениям высоким и достойным, все-таки находит их правильно. Увы, гораздо чаще получается все совсем иначе...

Но не спеши, внезапно повзрослевшая и поумневшая душа! Ведь тебе не было еще ни двадцати, ни тридцати, ни сорока лет, ты не знаешь, чем люди мучаются в таком возрасте. А кто уже прошел эти годы, тому было когда-то и тринадцать, и пятнадцать, и восемнадцать. И напрасно ты думаешь, что взрослые забыли эти годы, когда сами подобно тебе «ходили на

голове», никем не понятые, с бурно взрослеющими чувствами и с замедленным ростом рассудительности.

Постарайся почувствовать и понять, что взрослые (хотя бы некоторые из них) говорят с тобою как бы с той стороны высокого забора, на который ты карабкаешься теперь, и рассказывают, какие они набили себе шишки, оказавшись по эту сторону. Ведь те же духовные опасности ждут и тебя, и тех, кто будет после тебя...

Многие поэты и писатели, размышляя о юности, используют такой литературный образ – мотыльки, летящие ночью на огонек свечи. Доводилось ли вам самим наблюдать, как бедняжки легко обжигают свои крылышки и гибнут?

Сравнение это не столько красивое, сколько суровое. Познание ночного блуждающего огонька оканчивается смертью. А смерть не игрушка.

Что такое этот огонек свечи в сравнении с солнцем? – Ровно то же самое, что и новое ваше внутреннее душевное знание в сравнении с Божественным разумом и христианскою мудростью. Свет солнечный на земле необъятен, он живет и не обжигает. Огонек свечи заметен лишь в темноте, он манит к себе, он дает возможность что-то поблизости разглядеть, но для прикоснувшегося к пламени мотылька он смертельно опасен.

Увы как часто юность оставляет истинное Солнце правды и берет взамен свечку своего собственного внутреннего познания, углубляясь с нею во тьму греховную! Как редко она способна верить слову старших, а если и прислушается иногда, то лишь по внешнему принуждению. Сколько ребят, даже будучи с детства приучены к вере, к молитве, к церковному благочестию, в эти годы как-то мгновенно теряют и то, и другое, и третье. Свое «Я» для них приобретает больший вес.

Это «Я» ищет легкого и быстрого самоутверждения, самовыражения. Переставший быть ребенком вдруг видит, что мир вокруг довольно грязен и жесток, и если раньше взрослые еще пытались не показывать ему эту грязь, то теперь за это он уже не верит им. Гораздо легче и приятнее теперь послушаться того человека, который эту грязь назовет сладостью, притом вполне законной, естественной и небезобразной, да к тому же

еще общепринятой. И вот уже юная душа, ищущая насыщения своих повзрослевших чувств и порывов, готова броситься в этот омут страстей, нырнуть туда с головою, и лишь тогда дойдет до нее зловоние греха.

Человек – существо, привыкающее ко всему. Ведь если долго работать в хлеву, то и его запах перестанет раздражать. Когда-то еще успеет познавший смолоду грех опомниться? Когда еще сумеет он понять, что грех совсем не сладок, даже если к нему привыкнешь? А если и одумается, найдет ли в себе силы встать и возвратиться на оставленный когда-то путь Христов – путь истины, добра и чистоты?

Начиная этот разговор, мы не знаем, в каком состоянии находитесь вы, наши юные читатели. Стремясь познать жизнь, прошли ли вы «огни и воды», которые в сущности лишь блуждающие ночные огоньки соблазнов и мутные болотные топи страстей? Знаете ли грех и в какой мере? А если еще нет, то чем удерживаетесь от него? Только ли внешними обстоятельствами и запретами взрослых, (которые со временем все легче и легче преодолеваются), или теми внутренними преградами, которые именуются страхом Божиим и совестью?

Хочешь ли, благоразумная душа, посмотреть в такое зеркало, в котором ты увидишь себя саму? Увидишь свое взросление, свои собственные чувства и искушения. Хочешь ли поглядеть? Только давай прежде договоримся, что, узнав себя и свою историю, ты будешь внимательна к себе, что один, только один авторитет на земле, ты подождешь отвергать. Нам, учителям, родителям, если не хочешь, не верь. Но как не верить зеркалу, в котором виден насквозь весь твой собственный путь? Не стремись только смотреться в такое зеркало, которое бы тебя приукрасило. Что же, иди и смотри.

*И сказал змей жене: подлинно ли сказал Бог: не ешьте ни от какого дерева в раю? И сказала жена змею: плоды с деревьев мы можем есть, только плодов дерева, которое среди рая, сказал Бог, не ешьте их и не прикасайтесь к ним, чтобы вам не умереть. И сказал змей жене: нет, не умрете, но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете как боги, знающие добро и зло. И увидела*

*жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание; и взяла плодов его и ела; и дала также мужу своему, и он ел. И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги, и сшили смоковые листья, и сделали себе опоясания (Быт.3:1–7).*

Не узнала ли еще себя, душа? Тогда вот тебе перевод на современный язык.

И сказал юной душе весь окружающий ее мир, во зле лежащий: правда ли, что христианское учение лишило тебя всех радостей и удовольствий жизни? Ответила душа: нет, нам многое позволено, но запрещено нам делать то, другое и третье, чтобы не умереть. И продолжал искушитель: ты не умрешь, но станешь Человеком с большой буквы, будешь жить своим, а не чужим умом. Ты, душа, познаешь, что ты сама – мерило всех вещей, что мир существует для тебя, а ты для своего удовольствия. И увидела душа, что запрещенное Богом красиво на вид и сладко на вкус, что легко и свободно вкушается другими. Вкусила и сама, дала и другим...

Продолжить ли, юный друг? Доселе ты, возможно, узнаешь всю эту историю на себе самом, то есть сладкую часть ее. Горькую часть ты едва ли распробовал, она будет длиною в целую жизнь, а для нераскаянных продолжится и в вечности.

Скажи, разве эта повесть не про нас с тобою? Разве мы не следуем дурному примеру праматери нашей? Как записавший эту историю тысячи лет назад мог так хорошо знать твою и мою душу? Значит, вероятно, стоит прислушаться. Не для того пала в грех наша праматерь, не для того рождала она детей в скорби и болезни, не для того Адам оплакивал падение свое все 930 лет своей жизни, и не для того передавали люди детям и внукам в течение стольких веков эту повесть, чтобы она, дав нам ключ к пониманию собственной души, оставалась бы для нас праздною или сказочною!

Бог никого не приводит к Себе насильно, помимо или против человеческой воли. В вашем возрасте становление личности идет быстрее всего. Теперь вы в наибольшей степени на распутье жизни. Какую выбрать дорогу? Речь, конечно, не о профессии и не о месте жительства. Мы имеем в виду цель и

смысл жизни: высокою ли она будет или низкою, на уровне сознания, или безсловесного инстинкта? Простой выбор одного из двух стоит перед тобою: Бог, свет, жизнь, чистая радость на одной стороне; самодовлеющее «Я», грех, смерть, мучение – на другой.

Когда взрослые крестят младенца, а затем приобщают его к источникам благодатной церковной жизни, они лишь помогают ему в будущем самостоятельно выбрать добро, выбрать путь Божий. Но самого выбора они на себя взять не могут. Младенцы не выбирают, они только подражают старшим и слушаются их. А вам предстоит выбирать направление жизни, даже если вы об этом не задумываетесь.

Выросла душа, раскрылись в ней новые мысли и чувства, – вот и новые задачи встают перед нею. Верующим юношам и девушкам надо как бы вновь обретать свою веру, делать ее **своею**, а не бабушкиною. И тем, кто ненаучен вере в Бога, лучше всего именно сейчас к ней обратиться, пока душа не зачерствела, отравившись тяжкими грехами.

Ты уже, вероятно, слышал такое вульгарное философское рассуждение: один раз живем, нужно взять от жизни побольше. Слышал его когда-то и святой апостол Павел, и передал еще проще: *станем есть и пить, ибо завтра умрем* (1Кор.15:32). Это общий девиз материалистов, но именно они-то, как ни странно, прожигают жизнь зря и не берут от нее самое важное и нужное.

На самом деле не только жизнь, но и молодость наша дается нам один только раз. Каждый год молодости неповторим, а его потери невосполнимы. То, что потеряно и не сделано в жизни на 43-м году, можно наверстать на 44-м, но то, что утрачено в 16 лет, гораздо труднее вернуть в 17. И невозможно вернуть себе прожитый бездумно и бездарно год.

Самое драгоценное сокровище для человека – смысл его жизни, цель ее, притом высокая и достойная. В молодости многое предрасполагает человека к тому, чтобы найти ее, не ошибиться в поиске и затем посвятить этой цели всю жизнь. Бывает, что люди найдут ее только под старость и уже не могут служить этой цели – сколько примеров тому встречает в церкви

каждый священник. И если ты за всю свою молодость ни разу не влюбишься, даже ни разу не засмеешься, если даже все это время будешь прикован к постели, но при этом обретешь Христову веру как свою, – можно уверенно сказать что молодость твоя прошла не зря, ты взял от нее самое главное. Зато юность, прожитая в разгуле, погублена безнадежно, она оставляет после себя духовную пустыню.

Итак, ищи от жизни большого, прежде чем рассыпаться по ее мелким сладостям и шалостям, чаще всего отнюдь не невинным. А большое – это вера в Бога и добродетель, позволяющая быть в общении с Ним.

В детстве все доброе дается легче, почти без усилий, но зато не очень надежно. Теперь путь к добродетели станет для вас труднее, но пройдя его, вы станете верными сынами Божиими, получите такое великое богатство духовное, которое теперь невозможно вам и описать, и поймете, что только ради этого и следовало жить. Желаете ли выбрать этот трудный путь к благам небесным и вечным? Как это сделать – об этом и пойдет речь в нашей книжке.

## Религиозный характер любых нравственных установок

Молодые люди не любят, когда им *читают мораль*, то есть дают отвлеченные наставления о том, что хорошо и что дурно, что нужно делать и чего нельзя. Только малым детям вполне достаточно бывает простого прямого указания, как нужно поступать, и доброго примера. Взрослеющему же человеку уже требуются разумные обоснования, почему одни поступки хороши, другие безразличны, а третьи и вовсе грешны.

Ваш юный, точнее, предвзрослый возраст сам собою восстает против нравственных аксиом или заповедей, поданных без обоснования. Юный разум готов отвергнуть все, что ему не растолкуют ясно и доходчиво. Юное чувство отвергает почти все, что с ним не согласовано или ему недоступно. Юная воля также не терпит чего-то не согласного со своими желаниями.

Христианство не есть отвлеченная мораль; это не сухой нравственный кодекс и не простой набор каких-то заповедей. Христианство – настоящая жизнь с Богом во Христе Иисусе, в Духе Святом. Пока вас водили в церковь еще маленькими, вы видели сказочный мир, отделенный от обыденной жизни. Дети вполне способны жить в таком мире. Но теперь наступает пора при выходе из детского мира сказки заново обрести свою веру, чтобы на ней строилась вся дальнейшая взрослая жизнь, со всеми ее настоящими трудностями и скорбями.

Нравоучение любой религии неизбежно вытекает из ее общей жизненной философии, то есть из самых главных вопросов:

- Существует ли Бог?
- Каков Он, кто Он или что Он? Может ли Он желать и требовать чего-то от человека?
- Возможно ли и нужно ли человеку общаться с Богом, и как?

Обратите внимание, что по каким бы правилам ни пытались люди строить свою жизнь, все эти правила определяются ответами на поставленные вопросы. Для примера можно взять

два распространенных мировоззрения, которые возможно знакомы и вам, хотя бы поверхностно. Это суть марксизм и валеософия.

Для марксиста ответ на первый вопрос ясен: Бога нет и два других вопроса снимаются сами собой. Обезьяна и труд породили человека, человек – венец природы, а потому и мера всех вещей, причем не отдельный человек, а живущий в коллективе. Человеческое общество само движется к светлому будущему, оно, по сути дела, заменяет собою Бога. Отсюда и нравственный закон. Первая заповедь его – преданность идее коммунизма и прогрессивного развития. (Во всех религиях, в том числе и в марксизме, первая заповедь: возлюби бога, разница лишь в том, что под этим богом понимается.) Отсюда далее следует: убивать человека – плохо, поскольку это венец природы, но закоренелого реакционера, который против прогресса, можно и должно устранить, потому что он мешает коммунистическому божеству – передовому человечеству.

По этой философии создал человека коллективный труд – отсюда исходит нравственный принцип равенства на коллектив. Меньшинство должно всегда подчиниться большинству, индивидуальные способности, не поставленные на службу передовому коллективу (богу марксистов), могут быть только вредны. Человек – мерило всех вещей, потому и самое название этого существа уже звучит гордо, гордость становится добродетелью, лишь бы она не противопоставлялась коллективу. Воровство у марксистов обычно осуждается, поскольку оно означает покушение на собственность коллектива (читай: божества), но грабить эксплуататоров и реакционеров только похвально.

Можно и продолжить разбор коммунистических заповедей, но и без того уже видно главное: ни одна нравственная норма не принимается случайно. Все они следуют из общей мировоззренческой установки: на небе Бога нет, богом объявляется революционное прогрессивное человечество, управляемое передовой партией. Служение и жертвы этому богу по определению именуются добром, противление или даже просто безразличие к нему – злом.

Вместо марксизма ныне все большее распространение получает гуманистическое мировоззрение, в частности так называемая валеософия. Здесь высшей ценностью и мерилем всего является по-прежнему человек, только уже не коллективный, а как отдельная личность. Существование Бога, как основы основ всего мира, напрямую не отрицается, но под Божеством понимается не живая личность, а просто совокупность всех законов бытия, по которым существует этот мир. Уважай эти законы, познавай их, приспособлявай под себя и стремись к здоровью и счастью – вот и все богообщение. Если в марксизме богом названо передовое человечество, то в валеософии – здоровье личности, то есть каждого «Я».

Отсюда и нравственный закон не сложен: что содействует моему здоровью, то и именуется добром. При этом, правда, оговариваются, что причинение зла другому человеку каким-то косвенным образом будет вредно и мне. Ясно, что и в этой религии не одобряются такие вещи, как убийство, воровство, неумеренный блуд, половые извращения и прочие грубые грехи.

Обращение к религиозным обрядам, познание приемов вхождения в некий духовный мир здесь не запрещается (как в марксизме, отрицающем все потустороннее), а скорее рекомендуется. В своем общении с миром невидимым любые религиозные обряды и приемы валеософы используют как средство оздоровления организма и поддержания жизненных сил. Потому и особой разборчивости, в какой именно храм сходить за здоровьем, – здесь не проявляется. Назначение любого религиозного культа остается достаточно земным и чисто практическим: верю в то, что поможет здоровью.

Для обоих рассмотренных учений не существует Бога **личного**, открывающего Себя людям, требующего от них поклонения и послушания и дающего им все блага временной и вечной жизни. Первою заповедью для религий такого несуществующего или мертвого, безличного бога становится человеческий эгоизм – групповой (с небольшой поправкой на личность) в марксизме, или индивидуальный (с небольшой поправкой на коллектив) в валеософии. Не слишком много разницы: не было ли Бога вовсе, или Он послужил лишь

первопричиной мира и системой уравнений, по которой решаются все мировые проблемы, – важно, что выше всего в обеих религиях поставлен человек, как венец развития природы. И все нравственные предписания обеих религий следуют отсюда: это прежде всего гордость, уважение к себе, самостоятельное построение своей жизни, будь ли то светлое будущее всего человечества или собственное здоровье отдельного человека. Возможно и совмещение этих целей в рамках несколько иного религиозного течения, и легкий переход от одной религии к другой.

Итак, вот религии, отрицающие самое бытие личного Бога, или верящие в мертвого бога, в безличное, абстрактное первоначало. Все эти религии водружают на божеский трон самого человека и, отсюда исходя, дают ему правила жизни.

Но есть и религия истинного, живого, личного Бога, Творца всего существующего. Который не оставил Своего творения. Которому оно небезразлично, Который совершает определенные действия для того, чтобы дать человеку возможность быть в вечном и блаженном общении с Собою. Таков вкратце ответ христианской веры на три поставленных в начале этой главы вопроса.

В христианстве человек не может уже рассматриваться как мерило всех вещей или как венец развития природы. Он есть лишь высшее из творений Божиих в материальном мире, притом ответственное за состояние всех прочих видимых тварей. Но сам по себе человек не самостоятелен, над ним стоит Творец его, одаривший его свободой и разумом и в то же время ясно указавший путь, как этою свободой пользоваться во благо. Таким образом, философский эгоизм человекобожеских религий в христианстве отменяется сразу, еще до изречения Богом Своих заповедей человеку.

Прочие же нравственные установки – коль скоро мы признаем Бога живым, личным, благим существом, действующим не только когда-то, но и теперь – должны восприниматься нами из Его собственного слова. Если, предположим, человек не может ни говорить, ни писать, то нам остается лишь по его жестам догадываться, чего же он хочет, и

не всегда мы его поймем правильно. Такому человеку подобны мертвые боги язычников, марксистов, валеософов. Поклоняющиеся им большую половину «выслушанного» вынуждены додумывать от себя. Но не таков живой Бог христиан, и если мы желаем понять, как нам жить, должны прежде всего выслушать Его Самого.

## Богооткровенность Священного Писания (Ветхий Завет)

Слово Божие от нас не скрыто. Это – Библия, Священное Писание. В нем сказано основное и главное о Боге, об истории человечества (точнее сказать: о священной истории взаимоотношений Бога с людьми, начиная от самого сотворения мира и человека), о том, как должно человеку жить, чтобы достигнуть вечного общения с Богом – высшей, главной и последней цели всей земной человеческой жизни.

Но прежде чем говорить о Слове Божием, необходимо уяснить, действительно ли Бог таков, как сказано о Нем в Библии, и действительно ли Библия есть Его Откровение. Ведь все мы, правнуки Евы, в какой-то момент (чаще в юношеском возрасте) слышим внутри себя этот роковой для праматери вопрос: а правда ли Бог сказал? Иными словами: правда ли, что именно Бог это сказал, и истину ли Он сказал?

Здесь обычно верующие говорят: мы верим, и нам того достаточно, – а неверующие заявляют, что слепо веровать они ни во что не хотят. Конечно, акт веры для любого человека есть основа основ всякого знания. Любая наука начинается с недоказуемых положений, принимаемых на веру – аксиом или постулатов. Вспомните, с чего начиналось построение курса геометрии, – именно с аксиом и неопределяемых понятий. Классическая механика основана на трех аксиомах – законах Ньютона, а теория относительности – на предположении о неизменности скорости света во всех системах отсчета. Материализм начинается также с веры в недоказуемое предположение, будто мир возник сам собой по своим естественным нынешним законам.

И любая религия, в том числе христианская, исходит из каких-то недоказуемых положений – догматов. И не пытаюсь здесь доказывать, что Бог сотворил этот мир, а Библия есть Его подлинное Откровение человеку, постараемся убедиться, насколько эти положения и выводы из них согласны с нашим повседневным опытом и знанием, с тем знанием, которым

обладает человечество. Конечно, знание всего человечества ограничено, а идея Всеведущего Неограниченного Бога больше и выше. Меньшим невозможно доказывать или опровергать большее. Подобно тому и в науке из одной общей аксиомы может следовать несколько теорем, и если одна из них оказалась неверною, то это не значит еще, что исходная аксиома неверна, ибо ошибка могла появиться где-то в другом месте логических рассуждений. Зато множество очевидных и верных следствий, не доказывая исходную аксиому, подтверждают ее косвенно. Так и в соотношении науки и веры. Здесь меньшее – человеческое знание – может подтверждать большее – библейскую веру, и таким образом, вера всякого христианина не должна быть слепою.

О вечно сомневающиеся юноши! Да не обвиняет вас никто за само по себе сомнение, лишь бы вы научились сами себя осуждать за леность в исследовании, за удовлетворенность самим своим сомнением. Вера библейская не боится добросовестного испытания любым знанием, доступным человеку. Но в вашем сердце она может рухнуть от беспечности, легкомыслия, от безразличия к вопросу истины, от нежелания истину ценить и дорожить ею.

Вот добрый совет одного известного наставника духовной жизни – святителя Феофана Затворника, высказанный им в конце прошлого века, когда большинство читающей публики (кроме только настоящих ученых) было убеждено, что наука полностью ниспровергает христианскую веру:

«Всякому должно испытать и несомненно увериться истинна ли та вера, которой он держится, и, если она окажется неистинною, отыскать, где та единая истинная, которая истинно ведет к истинному Богу и дарует несомненно вечное спасение... Господь *не несвидетельствована Себе остави* (Деян.14:17), а равно и единой Своей истинной веры; но когда Он попустил, чтобы близ нее на сей земле существовали другие веры и как бы вступали с нею в соперничество, то тем самым на всех наложил обязательство не без смысла держаться Его веры, а по несокрушимым основаниям, ради которых с полным убеждением отвергается все прочее. Сим испытанием

воздается честь вере и удерживается истинное достоинство человека, лица разумного, сознательного, совестного. Вера наша в нашу веру, то есть убеждение в истине православного христианского исповедания, должна быть разумная».

Уяснив сказанное, никогда не верьте тому, кто скажет, будто христианская вера есть вера слепая. И никогда не веруйте во Христа слепую верою. Лучшие годы человеческой жизни, начиная с юных, вполне прилично и уместно посвятить обретению зрячей веры, или прозрению в веру.

«Как же увериться и каким путем испытать? – продолжает Святитель. – К сему два способа: один внешний, научный, а другой внутренний, путь от веры».

Этот второй путь богопознания и составит основной предмет нашего изложения. Наиболее полное и ясное, наиболее несомненное лично для каждого удостоверение в истинности Евангелия доставляет жизнь по Евангелию, практическое исполнение евангельских заповедей. Иными словами, самое ясное, и притом каждому доступное обоснование веры дает жизнь по вере, как сказано Апостолом: *Верующий в Сына Божия имеет свидетельство в себе самом* (1Ин.5:10). Но прежде чем приступить к этому внутреннему, практическому обоснованию веры – к жизни по вере – следует хотя бы кратко рассмотреть внешние способы испытания веры.

Познание Бога верою и жизнью по вере – есть такое же практическое опытное познание, как и научное исследование внешнего мира. Разница в том, что научное знание добывается внешними чувствами, а внутренний духовный опыт богообщения приходит сверхчувственным путем. Но никто не станет даже стремиться к внутреннему богопознанию, если не имеет веры в Бога, а она первоначально основывается у большинства людей все-таки на внешнем опытном знании из самых различных его областей.

Рассмотрим кратко только самые бесспорные факты, признаваемые людьми различных убеждений, которые свидетельствуют об истинности Библии, притом истинности исключительной и глубокой.

Прежде всего отметим, что из всех древних, то есть записанных еще до Рождества Христова, священных писаний разных народов только библейское Откровение говорит о Живом Едином Личном Боге Творце, создавшем небо и землю из ничего. Прочие же писания всех иных древних народов: индусов, китайцев, персов, египтян, халдеев, арийцев, греков, римлян, американских индейцев, – полагают мир порожденным из первоначального безличного существа или вещества, которое потом уже самостоятельно не действует в истории. Это первоначало может в одних религиях привнести божественный элемент во всю природу, в других оно может породить множество различных языческих божеств, но само оно уже нигде не проявляет себя, послужив лишь первотолчком для прочих вещей. По этой причине таковое первобожество всех религий, не основанных на Библии мы вполне справедливо можем почитать мертвым точнее умершим при родах этого мира.

Итак, библейское Откровение в истории человеческой мысли с самого начала ставится особняком от всех прочих попыток объяснения мироздания.

Затем следует признать, что лишь с библейским Откровением лучше всего согласуются данные естественных наук. Среди ученых нет единого общепринятого мнения о том, как возникла Вселенная, жизнь и разум в ней. Тем не менее наукою открыты некоторые объективные законы природы, которые невозможно оспорить. Ибо на основании этих законов создано множество технических изобретений, которые не могли бы работать, если бы сами законы не выполнялись строго и постоянно. Эти законы говорят о том, что никакая упорядоченная структура частиц, никакая «единица жизни», никакая разумная информация никогда не возникают сами собой, а напротив, при первой же возможности самопроизвольно стремятся к разрушению.

Поэтому ни чудесный порядок планет солнечной системы и звезд в галактиках, ни жизнь, ни тем более разум и дух не могли возникнуть сами собою в результате накопления случайных изменений в природе.

Этот обширный и сложный вопрос не раскроешь в двух словах. Мы сделаем только одно примечание. Законы необратимого нарастания хаоса в приложении к термодинамике, химии, теории информации были открыты лишь за последние 150 лет. Древним людям они были неизвестны. И самое интересное состоит в том, что сотворение мира из ничего по описанию Библии с этими законами вполне согласуется. Мир мог возникнуть однажды вопреки этим законам, а затем лишь терять постепенно свою красоту и сложность в полном соответствии с ними. Иными словами, и Библия, и наука предлагают только один сценарий развития мира от первобытного порядка к распаду и хаосу.

Между тем языческие древние откровения полагают, что мир движется в обратном направлении: от первобытного хаоса к порядку, сложности и совершенству, или по меньшей мере циклично: от хаоса к порядку, затем обратно. Такого рода движение противоречило бы существующим законам природы, оно в нынешнем мире ненаблюдаемо и невозможно, но древние люди еще не знали законов природы так, как знаем мы теперь. Поэтому их воззрения на происхождение мира могли опираться или на истинное Откровение свыше, или в противном случае поневоле оказываться ложными.

Говорят иногда, будто наука не признает чудес. Действительно, чудеса не являются предметом ее изучения. Она занимается только воспроизводимыми или постоянно наблюдаемыми явлениями. Но при этом повсюду она в самых основах изучаемых явлений наука наталкивается на чудеса. И на них останавливается.

Чудо – это то, что не может появиться без нарушения ныне действующих проверенных законов природы. И в этом смысле строго научный взгляд на мир останавливает человеческую мысль по меньшей мере в трех главных точках.

Происхождение космоса – чудо.

Происхождение жизни – чудо.

Происхождение разума – чудо.

Ни одно из этих трех явлений не воспроизводилось в природе ни естественным, ни искусственным путем. Более того,

ни одно из них не может самопроизвольно произойти, пока действуют известные законы природы. Ученым остается или назвать вещи своими именами: Чудотворца Богом, а Его действие чудом, или уйти от вопроса в пустую, как скорлупка, фразу: наука ответа не знает или же сочинять на основании известных законов явно противоречивые и ложные объяснения. Жесткая альтернатива: чудо или абсурд.

Перед этим же выбором мы встанем и далее, говоря о евангельских событиях.

Здесь же мы прервем нашу экскурсию в науку. Если у вас пытливый и жаждущий истины ум, вооружите его простым и нелукавым сердцем и целеустремленной волею – и изучите естественные науки, изучите философию и христианскую апологетику. Вы убедитесь, что библейское Откровение не боится таких испытаний но выдерживает их с честью. Христианская вера «не выдерживает» только испытаний гордостью, чванством, равнодушием, беспечностью, неискренностью – в таких умах и сердцах она не держится.

## Свидетельства истинности Нового Завета

Здесь вы можете вспомнить, что первую часть Библии, то есть Ветхий Завет, признает не только христианство, но и иудаизм, и ислам. При этом ни иудеи, ни магометане не признают Иисуса Христа Богом и Искупителем человечества. В опровержение этих двух ложных религий трудно привести прямые доказательства из области науки. Здесь должно обратиться скорее к истории.

Возникновения мира не видел ни один человек, поэтому подтверждения библейского повествования о сотворении можно почерпнуть лишь отчасти из естественнонаучных данных. А пришествие в мир Иисуса Христа произошло на исторической памяти человечества, в эпоху, когда были и государства, и письменность, и записи историков. Поэтому вполне логично было бы сопоставить евангельское повествование с данными истории и археологии, известными нам по другим источникам.

Прежде всего обратим внимание, что само ожидание особого Божественного Посланника, имеющего целью спасти род человеческий от страданий и смерти было присуще многим народам земли. Что же касается народа еврейского, которому дано было Откровение о сотворении мира и его ранней истории (Откровение единственно верное, как мы теперь видим), то наряду с этим Откровением о далеком доисторическом прошлом земли даны были и многочисленные пророческие предсказания о будущем, относящиеся непосредственно к пришествию Мессии, Спасителя мира. Очевидно, что если Бог от вечности действительно определил послать в мир Сына Своего и в Нем спасти человечество от греха и смерти, то и озаботился заранее предупредить об этом людей, чтобы они приняли подаваемое избавление. Эти пророчества Ветхого Завета, во-первых, совершенно несомненно, были изречены за несколько веков до пришествия Христа; во-вторых, и древней, и современной иудейской традицией они относятся именно к лицу Мессии, чем исключается какое-либо иное их растолкование; в-

третьих, они удивительно точно и полно исполнились в лице Иисуса Христа, о чем свидетельствует и само Евангелие.

Пророки предсказали следующие евангельские события: место рождения Мессии (город Вифлеем), Его происхождение из царского рода Давидова, чудесное и ранее никогда не виданное рождение от Девы, время Его выхода на проповедь. Указаны ими и обстоятельства Его кончины до мельчайших подробностей: и предательство ученика, и цена этого предательства, и способ казни, еще неизвестный во Иудее во времена изречения пророчества, и разделение одежд Мессии исполнителями казни, и многое другое.

Изъяснен у пророков и смысл страдания Мессии за грехи всех людей, и духовный характер Его учения, которое установит Новый Завет Бога с человеками и причины отвержения Мессии Его родным народом. Предсказано пророками и Воскресение Мессии и вечная слава Его Царствия.

О жизни учении, крестной казни и даже о Воскрешении Иисуса Христа свидетельствует и ряд нехристианских историков I века, в том числе и очевидцы последних дней Его земной жизни в Иерусалиме. Таких очевидцев было весьма много, ибо на праздник Пасхи в Иерусалим стекались на поклонение чтущие Единого Бога со всех концов света, не только иудеи, но и уверовавшие язычники. Никто бы не стал сочинять небылицу, показывая время и место ее действия при особо большом числе свидетелей. Никто бы не посмел проповедывать такую небылицу самим ее свидетелям, и уж во всяком случае никто из свидетелей не поверил бы в такую проповедь, если бы в основе ее действительно лежала небылица.

Между тем евангельская проповедь начинается учениками Христовыми непосредственно перед очевидцами распятия Иисуса Христа, озадаченными лишь чудесным исчезновением Его Тела из гроба. Апостолы свидетельствуют о Его Воскресении, о том, что Он и есть Мессия. И в кратчайшее время эта проповедь приобретает тысячи сторонников.

Очевидцы тех пасхальных событий в Иерусалиме практически ничего не могли возразить ученикам Христовым на их свидетельство о том, что их Учитель воистину воскрес. Толпы

людей прошли мимо Креста, на котором Он был распят, многие видели, где и как Он был погребен. Зная пророчества о Воскресении, иудеи, распявшие Иисуса, опечатали погребальную пещеру и приставили ко гробу римскую стражу, чтобы предотвратить похищение тела Казненного. Это неслыханное дело также не могло не привлечь внимания множества людей.

И вот на рассвете третьего дня весь город видит, что тело из гроба все-таки исчезло, притом погребальные пелены оставлены на месте в сложенном виде. Римские воины, охранявшие гроб, разделились. Одни описывают, как камень от гроба отвален чудесным образом, другие оговаривают сами себя, утверждая, будто тело украдено учениками Иисуса, когда стража спала. Непонятно, правда, почему не были арестованы и преданы военному суду такие свидетели: ведь за сон на посту римскому воину полагалась смертная казнь. Невозможно также объяснить, каким образом большой камень, который могли сдвинуть с места несколько человек, оказался столь быстро и безшумно отвален, что спящие стражники этого даже не услышали.

Все, кто слушали проповедь апостолов (как и мы, современные люди), поставлены перед выбором: или верить в безпримерное и спасительное чудо, или же верить в грубую, явно сфабрикованную за деньги, не выдерживающую никакой проверки на правдоподобие, версию врагов Христовых. Чудо или абсурд? Многие из уверовавших в чудо потом и сами видели явление воскресшего Христа и могли убедиться, что это не призрак, не галлюцинация, а именно воскресение нетленного тела.

Впоследствии, проходя по разным странам, апостолы встречали многих людей, уже слышавших о Христе или даже бывших свидетелями Его последней Пасхи. Благодаря этому евангельская проповедь в самое кратчайшее время охватывает весь древний мир. И это несмотря на ожесточенное почти повсеместное сопротивление ей со стороны иудеев, а потом и язычников. Безспорный факт быстрого и повсеместного распространения Благовестия невозможно объяснить, если не

верить в истинность Евангелия и в могучую сверхчеловеческую, Божественную силу слова тех, кто его проповедывал, силу Духа Святого, данную им. Ведь в своей проповеди они никогда не опирались на силу земной власти или оружия, напротив, часто шли на смерть сами, не пытаясь защитить себя. Ни одно другое религиозное учение на свете не распространялось так быстро так свободно и ненасильственно, притом столь простыми и неучеными людьми – и это при ожесточенном сопротивлении практически всех остальных известных вероисповеданий.

Наконец, кроме письменных нехристианских свидетельств о Христе, в том числе и о Его Воскресении, в нашем распоряжении имеется очень важное вещественное доказательство – плащаница (погребальное одеяние) Иисуса Христа. В продолжение вот уже ста лет ученые подробно исследуют эту реликвию. Плащаница представляет собою древнее полотно, в которое завернуто было тело Человека, перенесшего бичевание, несение тяжелого предмета (креста) на плече, увенчание терновым венцом, распятие, прободение копием в правый бок, из которого истекли, не смешиваясь, кровь и вода. Художественное изготовление такого изображения на ткани, то есть подделка, полностью исключается. Мало кто сомневается, что это и есть подлинное погребальное одеяние Самого Иисуса Христа.

Плащаница несет и два удивительных научно необъяснимых свидетельства о Погребенном в ней. Во-первых, вполне правильное изображение лица на ткани, которое не могло бы получиться путем простого прикладывания, потому что всякое лицо рельефно и не может дать правильного плоского отпечатка. Во-вторых, тело исчезло из плащаницы непостижимым образом, без разворачивания ткани. Любая ткань, отделяемая от засыхающей раны, несет и следы такого отделения. Этих следов на плащанице нет. Притом тело должно было исчезнуть из плащаницы не позднее чем через двое суток, иначе отпечатки не смогли бы сохраниться. Так покинуть свой погребальный саван мог только Тот, Кто воскрес!

Впрочем, конечно, не все исследователи плащаницы верят в действительность Воскресения. Некоторые принимают два

названных чудесных свидетельства за неразрешенные пока загадки науки. Так и должно быть Господь дает место и нашей вере, ибо *без веры угодить Богу невозможно* (Евр.11:6).

Итак, пришествие Иисуса Христа, Его учение, Его крестная смерть являются вполне достоверным историческим фактом, который на сегодняшний день не подвергают сомнению не только сами иудеи и мусульмане, но и многие атеисты. Единственно спорным остается вопрос: воскрес ли Христос? Если да, то ничего не остается, как признать Его Богочеловеком, Спасителем мира, и *веруя в Него, иметь жизнь во имя Его* (Ин.20:31). А если нет? Значит, вместо Бога придется признать Его обманщиком, и не веруя в Него, иметь жизнь во имя борьбы с Ним?

Первый путь избрали христиане. Вторым путем предпочли иудеи и в значительной степени мусульмане. Эти пути определили само лицо той, другой и третьей религии, ее духовные проблемы и интересы, которые также нелишне сопоставить между собою.

Какими вопросами заняты раввины, искушавшие Иисуса Христа и не желавшие веровать в Него как в Мессию? – Можно ли в субботу исцелять человека (даже если только в этот день он мог прийти в синагогу и встретиться там с Иисусом)? Можно ли в субботу растирать колосья руками? Можно ли вкушать пищу не помывшись? Если женщина была замужем за несколькими братьями, то чьею женою она будет после воскресения мертвых? Все это не нами придуманные вопросы. Этими и подобными им проблемами занимается раввинская премудрость даже до сего дня. Может ли такая религия обрядовых и телесных действий насытить душу, жаждущую Бога? Может ли она дать человеку смысл жизни, может ли раскрыть человеку его собственную душу, может ли дать ему живой опыт общения с Богом?

Решайте сами. По-моему, нет. Знакомство с иудаизмом показывает его мертвящую пустоту. Отвергшие Христа иудеи не случайно именуются богоубийцами. Они не только распяли Самого Воплотившегося Бога, они убили в себе тем самым всякое живое религиозное чувство. Воистину, отступив от Бога

Живого, они поклоняются теперь мертвому богу Талмуда, почти как язычники.

Подобную же духовную пустоту обнаруживает и ислам. Подумайте сами, можно ли верить религии, принуждающей человека к поклонению Богу насильно, призывающей физически истреблять всех несогласных с Магометом – якобы для их же пользы, – а в будущей жизни обещающей своим верным служителям бездну плотских удовольствий – объедение, множество жен, рабов и так далее?

Это духовное убожество иудаизма и ислама является следствием отвержения ими Иисуса Христа как Богочеловека, и искупления, принесенного Им на Кресте. Особенно эта пустота заметна по сравнению с богатством православного душеведения. Вера во Христа дает верующим возможность живого богообщения, через которое они познают человеческую душу и Самого Бога (насколько Он Себя открывает), притом не поверхностно, не примитивно, а глубоко и истинно.

Здесь наш краткий обзор внешних свидетельств об истине христианской веры заканчивается, и мы вплотную подходим к границе внутреннего богопознания. Область христианского учения, занимающаяся анализом внешнего знания, именуется апологетикой « может быть разделена на три части: 1) естественнонаучную, 2) историческую и 3) сравнительно-религиоведческую. Мы наметили только общий план всех трех разделов, по которому можно и должно каждому в меру своих сил исследовать человеческое знание, свидетельствующее о сверхчеловеческой (сверхнаучной, сверхисторической, сверхчувственной) истине христианства.

Если кто-то скажет: я и так верую во Христа, не нужно мне ни научное, ни историческое, ни религиозное обоснование христианства, – то мы ответим ему следующее: или вера твоя пуста и вообще не может называться верою, но лишь признанием каких-то холодных и нейтральных истин, не имеющих отношения к твоей жизни. Или же вместо внешних свидетельств необходимо иметь гораздо более глубокие внутренние свидетельства, идущие не от чувственного познания дел Божиих, а от сверхчувственного опыта общения с Самим

Богом. Многие святые, неискушенные в различных областях человеческой мудрости, но просто имевшие чистыми ум и сердце, имели и это внутреннее богообщение. Но достиг ли ты уже такой духовной высоты?

Напротив, наше время характеризуется сильнейшим оскудением внутреннего богопознания, но во утешение верующим Господь дает нам ныне (как никогда еще прежде) богатое внешнее свидетельство истинности христианства. Пренебрегать апологетикой неразумно, это свидетельствует, скорее всего, о религиозном равнодушии. Конечно, внешнее знание само по себе недостаточно и никоим образом не может заменить правильного сверхчувственного богопознания. Тем не менее усердное изучение апологетики способно расположить и приготовить человека к этому более важному, собственно религиозному деланию.

Притом между внешним и внутренним богопознанием нет жесткой границы. Вспомните двух учеников Христовых, которым явился Он Сам в день Своего Воскресения, когда они шли из Иерусалима в Еммаус. Господь не открыл Себя им сразу, а лишь объяснил им Писания, свидетельствующие о Мессии. Но эта, можно сказать апологетическая, беседа весьма тронула их сердца. И тогда их таинственный Спутник непостижимым образом дает им узнать Себя, узнать истину Своего Воскресения, притом совершая все без единого слова. Это внесловесное, внутреннее, сверхчувственное знание является самым нужным и неопровержимым для них, но, обратим внимание, приходит оно не сразу, а лишь после некоторого предварительного внешнего научения от Писания.

Вот образ правильного сочетания внешнего и внутреннего богопознания.

Изучите внешние свидетельства истинности Христовой веры. Пусть они согреют ваши сердца и приготовят их к внутреннему сердечному знанию Бога и общению с Ним.

## Православная Церковь истинное Христианское сообщество

Предположим теперь, что занятия апологетикой уже убедили нас в подлинности и богодухновенности Священного Писания. Значит, нравственные заповеди Библии есть подлинные наставления, данные Богом человеку. Но различных христианских направлений насчитывается не одна сотня, и все они принимают вроде бы одни и те же заповеди. Почему же так получилось, что понимание одного и того же Писания у всех разное?

Дело в том, что заповеди Божий не есть только набор каких-то инструкций, одинаковых на все случаи жизни. Такое понимание заповедей только по букве и привело иудейских законников к потере правильных духовных и нравственных ориентиров, к лицемерному прикрытию своей порочности и внутреннего эгоизма видимостью исполнения предписаний закона. На самом же деле, как учит Псалмопевец, *оправдания Господня права, веселящая сердце, заповедь Господня светла, просвещающая очи* (Пс.18:9). Иными словами, цель всех заповедей закона Божия – очищение сердца, но этого никак невозможно добиться путем лишь внешнего исполнения конкретных мелочных предписаний.

С другой стороны, духовное понимание заповедей не означает их произвольного трактования. Как найти золотую середину между мелким иудейским законничеством и широтой нравственных льгот, лукаво вводимых под предлогом того, что *человек оправдывается не делами закона, а только верою в Иисуса Христа* (Гал.2:16)?

Ответ заключается в том, что истинную веру невозможно уложить ни в какую книгу, даже в священную. До пришествия Мессии народ Израиля получил писанное по Божественному Откровению законодательство через пророка Моисея – Ветхий Завет. Проходит несколько столетий, и Сам Господь объявляет через пророка Иеремию, что после пришествия Мессии даст Он верующим в Него закон совершенный, лучший любого

написанного: *Вот завет, который Я заключу с домом Израилевым после тех дней, говорит Господь: вложу закон Мой во внутренность их и на сердцах их напишу его, и буду им Богом, а они будут Моим народом (Иер.31:33).* И далее: *Все сами будут знать Меня, от малого до большого (Иер.31:34).*

Закон Нового Завета, написанный на сердцах – это и есть то внутреннее богопознание, о котором мы уже сказали выше. Оно необходимо каждому христианину, даже имеющему основательное знание науки и глубокую убежденность в истинности ее свидетельств о Христе. И это внутреннее богопознание и богообщение передается не только письменным словом – Священным Писанием, – но и живой традицией. Хранителем этой живой традиции появляется Церковь, которую Господь Иисус Христос Сам основал на земле из Своих учеников и их преемников.

Скажем даже больше: Церковь, основанная Христом, важнее Священного Писания. Судите сами. Во дни жития Своего на земле Иисус Христос не написал Сам Своего Евангелия на память людям. Он не водил с Собою среди учеников какого-либо секретаря-скарипта который занимался бы записью Евангелия. Он не давал, судя по всему, апостолам такого поручения, как записать Евангелия, и на будущее. Его как будто не занимал и такой вопрос: умеет ли вообще кто-либо из Его учеников писать. А вот об основании Церкви Он говорил ученикам прямо: *Создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее (Мф.16:18).*

Евангелие, то есть слова и дела Иисуса Христа, действительно оказалось написано золотыми буквами на сердцах учеников – первых членов Христовой Церкви. Но самая первая книга Нового Завета – Евангелие от Матфея – появилась не ранее чем через восемь лет (а по мнению большинства историков – через 30 лет) после Вознесения Иисуса Христа. Это было время, когда число христиан росло особенно быстро, Церковь была, а Писания еще не было. И потом именно Церковь во всех частях мира собрала те изначально известные и почитаемые всеми ее чадами книги, которые назвала Новым Заветом, отвергнув при этом книги подложные.

Таким образом, из всех христианских обществ, именующих себя церквами, должно найти ту, которая неразрывно хранит и передает из поколения в поколение не только Священное Писание, но и живое, устное и письменное Предание, живой духовный опыт. Чтобы сохранить книгу писанного закона, необходимо ее внимательно переписать тому человеку, который понимает язык и значение книги. Так и для передачи содержания Нового Завета, написанного Господом не на бумаге, а на сердцах, необходимо и переписывать с одного сердца на другое тем людям, которые имеют подготовленные для этой цели сердца. Вот как важно живое преемство церковного Предания!

Разделения в Церкви начались достаточно давно. В ереси и расколы вовлекалось порою очень много людей. Но проходило время, иногда целые века, и Господь ясно показывал, где Его Церковь, а где общества, отколовшиеся от нее. Эти общества вырождались духовно, дробились на более мелкие части и явно засыхали, теряя своих последователей. Почти ни одно из них не дожило до наших дней. Так продолжалось до XI века, когда Западная Церковь, принявшая некоторые догматические искажения, отделилась от Восточной, по сути от всей остальной Вселенской Церкви. Это разделение не преодолено и до сих пор и, конечно, догматическое искажение не прошло даром для отпавших латинян (или, как они сами себя именуют, католиков). Их путь к внутреннему богопознанию совершенно несовместим ни с Преданием Древней Церкви, ни с нашей православной традицией; более того, православными Отцами с древних времен он рассматривается как путь ложный, путь бесовской прелести. Самое главное заблуждение латинства – подмена Живого Христа римским папою, которого они почитают непогрешимым хранителем истины, наместником Иисуса на земле, почти что Его живым воплощением.

Латинская церковь в XVI веке была потрясена до основания протестантскими расколами. Протестанты с самого начала были разделены на несколько больших групп, которые со временем раздробились на сотни более мелких и продолжают дробиться по сей день. Общая черта всех протестантских направлений

состоит в том, что они принципиально отвергают все церковное Предание, как якобы человеческие выдумки и признают только Священное Писание (да и то в сокращенном виде). Сама их раздробленность показывает, что ни одно из этих сообществ Вселенской Христовой Церкви считаться не может. От православной церковной традиции протестантов отличает стремление к общему религиозному упрощенчеству – и в богослужении, и в богословии, и в церковном благочестии, и в понимании духовной жизни.

Католики и протестанты составляют огромное большинство из всех, именующихся христианами, но, знакомясь с огромным духовным богатством Православия, наиболее честные из них признают, что именно Православная Церковь сохранила и приумножила наследие Древней неразделенной Церкви во всей полноте. Обычно лишь самые духовно-глубокие натуры из католиков и протестантов переходят в Православие. Обратный же переход православных в католичество или протестантство случается обычно с теми, кто мало знает историю Церкви, ее учение и традицию и равнодушен к ним. Для таких людей это уже шаг на пути к прямому безбожию, к потере живой христианской веры.

Нам с вами надлежит сохранить достояние Православной Церкви, единственной духовной правопреемницы Церкви Апостолов, Церкви Христа. Самая большая беда современных православных в том, что мы не дорастаем до своего Православия, что наши сердца остаются мелкими и нечистыми, не готовыми принять на себя начертание Нового Завета, который тем не менее в наибольшей возможной полноте хранится именно в Православии.

## Понятие о православной аскетике

Итак, заповеди Божий можно правильно хранить и понимать лишь в Церкви Бога Живого, приводящей человека к живому богообщению. Этот духовный опыт Церкви, как плод такого богообщения, отразился в многочисленных сочинениях духовных писателей, живших на протяжении всей истории Церкви.

Чтобы сказать новое слово в науке, требуется прежде основательное опытное знание ее самой. Нужно знать, что в ней уже установлено ясно и твердо, о чем строятся лишь догадки, и что неизвестно вовсе. Но и этого мало. Для любого открытия любому ученому нужна особая познавательная интуиция. Нужен бросок мысли в область неведомого, и он совершается, по признанию многих ученых, как бы сам собою, как бы извне, как некое откровение свыше.

Так же и с художественным творчеством. И художнику нужна школа, навык, твердое знание своего мастерства. Но для гениального художественного произведения этого мало. Нужно еще ясно ощущаемое всяким художником вдохновение свыше.

А теперь сами подумайте, как человеку постичь и донести до людей нечто важное из области духовной жизни? Для этого ему потребуется крепкая вера и основательный опыт христианской жизни. Венцом этого опыта должен быть определенный нравственный уровень, особая чистота сердца и любовь к Богу, проверенная многими трудами и скорбями. Это так же необходимо учителю Церкви, как ученому образование, а художнику мастерство. Но этого недостаточно. Для уяснения, а тем более изречения Божественных истин необходимо особое действие Святого Духа.

Большинство церковных учителей долгими трудами и скорбями приобрели духовный опыт и сделались живыми сосудами Духа. Потому Церковь и почитает их не просто наставниками, а святыми учителями или святыми Отцами.

Писания святых Отцов можно распределить по следующим основным направлениям: догматика, мистика, литургика и

другие. Сочинения, раскрывающие веру Церкви в суть Откровения, то есть учение о Боге: о Трех Лицах Единого Божества, о Воплощении Сына Божия и прочем, составляют область богословия, именуемую догматикой. Догматы даны Церкви изначально, в Откровении Ветхого и Нового Завета, но раскрывались и уяснялись они в течение длительного времени, зачастую в ходе борьбы с неверными учениями и искаженными трактовками Священного Писания – ересями.

Важное место занимает в святоотеческих трудах апологетика, как мы кратко рассмотрели ее в этой главе. Это обоснование подлинности Священного Писания Ветхого и Нового Завета и раскрытие значения его учителями Церкви в свете знания истории, философии и естественных наук своего времени.

Есть у святых Отцов сочинения, посвященные православному богослужению, его смыслу и значению, а также сами тексты молитв и церковных песнопений. В совокупности эти труды именуются литургическими.

Есть сочинения, посвященные правильному духовному руководству – пастырские труды. Записан, насколько это возможно описать, и опыт живого богообщения, дошедшего до высоких духовных откровений – это мистическое богословие.

Нашим же предметом станет один из центральных предметов святоотеческого наследия – нравственное учение Церкви, именуемое иначе **аскетикой**. Каков должен быть нравственный облик христианина и как ему добиваться исправления своей души, своего характера и поведения?

Обратите внимание, что Господь Иисус Христос учил прежде всего именно нравственности, доводя до глубокого и совершенного понимания прежде данные людям заповеди, а догматы, пророчества, обетования сообщал лишь ученикам, уже начавшим жить по этим заповедям. Среди своих наставлений Спаситель сказал такие слова: *Мое учение – не Мое, но Пославшего Меня; кто хочет творить волю Его, тот узнает о сем учении, от Бога ли оно* (Ин.7:16–17).

Смысл этих слов состоит в том, что заповеди Божий можно правильно уразуметь, лишь пытаясь исполнять их практически.

И вот православная аскетика как раз и представляет собою целую сокровищницу практического духовного опыта христианской жизни. Этот опыт не просто богат по охвату множества людей, трудившихся в исполнении заповедей Божиих, он важен и по примерам той нравственной высоты, которой они достигали. Без изучения и применения святоотеческих аскетических писаний правильное понимание и исполнение заповедей Божиих просто невозможны.

Аскетические писания в Православной Церкви начинаются еще со времен Самого Господа Иисуса Христа и Его апостолов. В Евангелии и в посланиях святых апостолов уже преподаются основные нравственные уроки и ориентиры. Затем на протяжении всех двадцати веков истории Церкви аскетические писания в ней не прекращаются, хотя все Отцы толкуют в них об одних и тех же евангельских заповедях, сохраняя дивное согласие между собою. Казалось бы, сколько можно учить об одном и том же, не пора ли остановиться?

Однако такой остановки в истории Церкви мы не встречаем. Ее и не должно быть, потому что в разные времена в Церковь приходят разные люди, с разными грехами и с разным уровнем духовной подготовки. Церковь на земле живет среди мира и, конечно, ощущает мирское влияние. Каков этот мир? Почитает ли он Христа, равнодушен ли к Нему или враждует против Него? От этого сильно зависят наставления Церкви своим чадам.

Кроме того, не все христиане ведут одинаковый образ жизни. Есть в Церкви дети, есть юноши, есть живущие семьями, есть посвятившие себя чистому безбрачному монашескому житию. Заповеди Божий для всех одни, и все мы должны стремиться через исполнение их достигать Царства Небесного. Но конкретные наставления по духовной жизни для всех этих разных состояний верующих должны быть разными.

Отметим при этом, что некоторые аскетические писания святых Отцов полезны и даже необходимы для любого пола, возраста и общественного состояния. Таковы многочисленные творения святителя Иоанна Златоуста, преподобных Аввы Дорофея, Иоанна Лествичника, Никодима Святогорца,

святителей Тихона Задонского, Игнатия Брянчанинова, Феофана Затворника. Их произведения можно по достоинству именовать аскетическою классикою. Много полезного можно извлечь всем из чисто монашеских аскетических писаний: преподобных Антония Великого, Макария Египетского, Марка Подвижника и других. Наконец, неисчерпаемый источник духовных поучений и нравственных уроков и примеров мы находим в житиях святых, в патериках и отечниках, цель составления которых и была показать примеры достойной (а иногда и напротив, недостойной) христианской жизни.

Замечено, что наибольшим интересом пользуются у верующих наставления тех духовных писателей, которые жили недавно и лучше понимали духовный мир современного человека. Особо отметим писания подвижников XX века: святителя Иоанна Шанхайского, митрополитов Макария Невского и Антония Храповицкого, архиепископов Никона Рождественского и Аверкия Таушева, епископа Варнавы Беляева, оставивших аскетические наставления нашим современникам.

Наше время поставило всем христианам, особенно молодежи, совершенно особые, невиданные ранее условия. Потому и сегодня разговор об аскетике еще не закончен и простого повторения того, что сказали святые наставники прежде, уже недостаточно. Требуется свежее современное слово, и оно в Церкви звучит. Другое дело, что авторитет ныне живущих авторов не может, естественно, приравняться к голосу прославленных Церковью святых прошлого.

Христианской жизни невозможно научить, просто ссылаясь на авторитет любого наставника, даже святого. Наша речь ведется из опыта – святоотеческого и собственного, и обращена она к вашему собственному духовному опыту. Потрудитесь и проверьте. Убедитесь сами, как правы святые Отцы, как хорошо они знают человеческую душу. Убедившись в этом, следуйте их наставлениям.

## Глава 2. Православное учение о человеке

Мы уже разбирали на примерах связь между мировоззрением и нравоучением в религиях мертвого бога. Подобная связь прослеживается и в христианском вероучении. Прежде чем уяснить для себя и принять правила благочестивой жизни, требуется познать самого себя, что есть человек по учению Слова Божия и Отцов Церкви.

Кратко сказать, человек есть высшее из творений Божиих, созданное по образу и подобию Самого Творца, сотворенное с целью более тесного блаженного общения с Ним и разумного доброго владычества над прочею тварью. Но при этом нужно помнить, что человек есть существо падшее, поврежденное грехом и склонное ко греху, а потому не сохранившее своих первозданных достоинств. Человек еще несет в себе образ Божий, но уже искаженный.

Постараемся теперь побеседовать обо всем этом подробнее.

## Образ Божий и подобие Его в человеке

Человек сотворен по образу и подобию Божию. Это прямое учение Божественного Откровения (Быт.1:27) святые Отцы раскрывают на основе своего духовного опыта.

Когда мы произносим сами эти слова, «образ» и «подобие», то прямой их смысл указывает на то, что в человеке должно быть нечто, так сказать, похожее на Бога. И вот святые Отцы указывают нам эти черты сходства.

Прежде всего они обращают внимание на царское достоинство человека среди всей прочей твари. Человек был создан последним и был поставлен владеть всем вещественным миром по воле Божией, разумно, добросердечно. Вся же прочая тварь, живая и неживая, создана человеку в помощь и в назидание. Одни твари человек использует для своей жизни, а глядя на другие постигает премудрость и благодать своего Творца. Таким образом, все Божие творение полезно человеку для души и тела, а сам человек является хозяином Божия мира, **по образу** Самого Вседержителя, Который и есть в полной и превосходной мере Владыка всякой твари, включая ангелов и человеков.

Другая важная черта образа Божия в человеке – способность к самостоятельному творчеству, даже склонность и тяга к нему. Редкий человек совсем не желает создать какой-либо предмет для своей пользы, какой-либо художественный образ или научную идею, иными словами, такую вещь, в основе которой лежит его собственная оригинальная мысль.

Эти две черты мы выделим особо, как присущие собственно только Богу и человеку. Конечно, ими понятие образа Божия в человеке не исчерпывается. Человеку сообщена Творцом разумная духовная сущность, бессмертная душа по образу вечности Самого Бога. Человеку предоставлена свобода нравственного выбора по образу бесконечной свободы Божией, то есть возможность самостоятельно избрать путь угождения Богу или путь противления Ему. Свойства нашей души: ее уникальность в каждом человеке, ее свобода и бессмертие, ум,

способный к абстрактному мышлению, чувства, способные воспринимать Божию святость и красоту, – все это, несомненно, суть черты Божия образа. Но они свойственны и другим нравственным созданиям Божиим, а именно ангелам.

Господство же над видимой тварью и способность творчества предоставлены в исключительное пользование только человеку. Ангелы не поставлены владеть над миром или творить что-либо самостоятельно. О них так говорит Священное Писание: *Не все ли они суть служебные духи, посылаемые на служение для тех, которые имеют наследовать спасение* (Евр.1:14). В этом смысле человек, по замыслу Создателя, призван был быть даже выше их.

Названные нами стороны образа Божия еще не исчерпывают этого понятия полностью. Ни Библия, ни святые Отцы не перечислили нам всех этих черт по пунктам. Есть и еще нечто в человеке от этого образа, что вообще непостижимо для нас.

Образ Божий дан человеку неотъемлемо, раз и навсегда. И в то же время сходство, единение человека с Богом изначально не было полным и совершенным. Человеку надлежало свободно выбрать путь к Богу и самому потрудиться для того, чтобы уподобиться Ему.

Эта возможность развития образа Божия в человеческой душе в лучшую сторону и именуется подобием Божиим. Образ есть понятие статичное, а подобие – динамичное. Если эта фраза непонятна, то можно сказать проще. Подобие отличается от образа, как урожай от посаженных семян, как готовое изделие от исходных материалов. Без семян не будет урожая, но урожай – это нечто большее самих семян. Так и образ – это то, что дано изначально и не отбирается, а подобие – это то, чего человек мог бы достичь, то, чем мог бы он украсить в себе первоначальный образ – путем добродетельного жития.

Но первые люди в раю выбрали путь непослушания Богу, и о подобии Божиим пришлось забыть надолго. А образ Божий, хотя и не исчез, но исказился в человеке до неузнаваемости. Ведь черты образа Божия мало еще что говорят о достоинстве

человека, все их можно обратить во зло, в дела **неподобные**. Так и случилось.

Господство человека над миром превратилось в борьбу с творением Божиим, в осквернение и погубление его. Ум, способный постигать предметы духовные и общаться с Творцом, обратился к общению с падшими ангелами и многому дурному сумел научиться от них. Творческие способности обратились на множество злодейственных изобретений в области науки, техники и культуры.

Так помрачен и искажен в нас образ Божий. Но Господь Иисус Христос, пострадав за нас, восстановил этот образ для всего человечества в целом. И каждому из нас даруется возможность этого восстановления верою во Христа и благодатию Святого Духа. Мы имеем возможность принять плоды нашего искупления, восстановить омраченный образ и вернуть утраченное подобие Божие.

Православная Церковь знает множество примеров того, как это достигается. Таковы все наши святые. Глядя на их жития, мы можем увидеть, что такое восстановленный во Христе человек. Он не только избегает всякого греха, но и обретает вновь такие свойства, которые имел Адам до падения. Вот, положим, наши русские чудотворцы Сергий Радонежский и Серафим Саровский, достигшие такой чистоты сердца, что им послушно повиновались дикие медведи. Святому Герасиму Иорданскому служил лев, которому этот пустынный исцелил больную лапу.

Таких подвижников принято именовать преподобными, потому что они, уподобляясь в своей жизни Господу, восстановили в себе подобие Божие. Это уподобление не имеет границ: человек может бесконечно приближаться к Богу, достигая обожения или *причастия к Божественному естеству* (2Пет.1:4). Можете ли вы такое представить: ограниченный по естеству и притом грешный человек получает возможность соединиться по благодати с Самим Неограниченным и Святым Богом? А ведь именно в этом и состоит назначение человека. И святые его достигли. Многие из них духовно ощущали это единение с Богом, и если мы такого опыта пока не имеем, то

все же будем помнить цель, с которою мы созданы, и стремиться к ней путем, указанным нам Христом и святыми Его.

## Дух, душа и тело

Говоря об образе и подобию, мы пытаемся судить о человеке по его Творцу. Можно посмотреть на человека и иначе: с точки зрения его собственной природы. И такой подход также дан в Писании.

Человек состоит из души и тела. Он поставлен Творцом на грани между видимой и невидимой, вещественной и неведущей природой, будучи чем-то похож на животное, а чем-то на ангела. Тело наше вполне материально, оно когда-то было создано из земли особым творческим действием, подобно тому, как из земли же созданы и все прочие животные по роду их. (Здесь заметим, что эти слова имеют совершенно прямое научное значение. Теория происхождения человека от обезьяны непонятна даже тем, кто ее придумал. А история поисков разных «обезьяно-людей» составляет самую позорную страницу в науке – так много в ней было подделок, фальсификаций, натянутых объяснений, неудержимой фантазии художников и популяризаторов этой богоборческой идеи!)

Тело человека имеет сходство с телом животных, но это никоим образом не означает, что оно произошло или произведено от тела какого-либо животного. Это означает лишь то, что телом своим человек относится к миру живой природы.

Особым вдохновением вложена в человека душа – значит, человек есть нечто большее, чем его тело. А есть ли душа у животных?

Есть. И об этом говорит нам и Писание, и повседневный опыт. Писание повествует: И сказал Бог: *да произведет земля душу живую по роду ее, скотов и гадов, и зверей земных породу их. И стало так* (Быт.1:24). Иными словами, Божественным замыслом и повелением из земли возникли души и тела животных в их таинственном соединении.

И опыт, и наука говорят нам, что в любом живом теле есть нечто большее этого тела. Если в правильной последовательности собрать все молекулы, из которых состоит, положим, живая клетка, то мы получим мертвую клетку. Никакая

жизнь не бывает без того, чтобы всякое живущее существо само хотело бы жить и вело себя соответствующим образом. Даже амеба стремится выплыть в ту воду, которая ей лучше подходит. Подобно тому и все иные растения и животные равнодушны к факту своей жизни, и насколько им дана возможность, они стремятся приблизиться к более выгодным условиям существования и избежать невыгодных.

В этом проявляется некая жизненная сила, присущая всему живому и недоступная нашим чувствам или приборам. Она же проявляется в стремлении всякого живого произвести подобное себе потомство. Эта жизненная сила не есть свойство сложных молекул живых организмов. Она есть нечто большее, и в сущности нам неизвестное. В Писании часто слова «душа» и «жизнь» употребляются как взаимозаменяемые.

Кроме того, высокоорганизованные животные проявляют и некие умственные способности, и чувства, и желания, и свойства характера: лисица хитра, собака предана, осел упрям, кошка ласкова, волк зол, а заяц труслив. Это известно и детям. Даже среди собак и кошек можно наблюдать различные «черты характера» равно и различные умственные способности.

Все это: от простой жизненной силы, инстинктов самосохранения и умножения рода до характера зверя – все свойства живого, несводимые к биохимическим процессам его организма, относятся к душевной стороне жизни животных. Душа животных в сущности своей нам неизвестна – повторим это еще раз, но зато мы знаем, что по сути дела все черты душевности животного присущи и человеку, поскольку и он тоже живое существо, созданное тем же Творцом из той же земли.

Но, естественно, душа человека выше души животных. Она не произведена от земли, а особо вложена в тело Богом при сотворении. Потому-то она и способна нести в себе образ и подобие Божие.

Отличает душу человека от душ животных прежде всего великое и непреодолимое отличие в их общих чертах: в разуме, в чувствах, в намерениях. Подобным же образом и тело человека, будучи в чем-то похожим на тела животных,

отличается от них качественными, непреодолимыми различиями.

Животные способны соображать, а человек способен мыслить абстрактно. Например, обезьяна отличит два банана от трех, но возвыситься до понятия числа, прибавляя в уме к двум один и в этой арифметике не вспоминая о бананах, она неспособна. Число 2 существует для нее, если только она видит перед собою эти бананы или апельсины. Человек же способен мыслить более отвлеченными понятиями.

Животные способны общаться друг с другом звуками и знаками. Но не умея мыслить отвлеченными понятиями, они неспособны и к грамматическому построению своей речи. А человек к этому способен. Потому животные издавна именуются бессловесными, не в смысле отсутствия у них своего языка, а в смысле неспособности выражать свои мысли отвлеченными словами. Заметим, что тело человека приспособлено к тому, чтобы в нем жила словесная, мыслящая душа. В человеческом мозгу есть речевые центры, а челюсти прекрасно приспособлены для членораздельной речи. Сложное строение внутреннего уха позволяет человеку держать равновесие на двух ногах, а строение руки позволяет совершать очень тонкую работу. Все это – уникальные особенности только человеческого тела.

Но главное отличие души человеческой – качественное. Душа человека – создание нравственное, способное не только думать и говорить в отвлеченных понятиях, но и устремляться мыслию в область умозрительного, сверхчувственного бытия. Душа человека способна знать своего Творца, способна общаться с Ним, понимать Его волю и судить по ней о своих намерениях, хороши они или худы, добры или злы.

Как тело животного качественно отличается от человеческого, так и душа животного качественно отличается в этом от человеческой. Слово «качественно» в обоих случаях означает одно: у человека есть нечто, а у животного вовсе нет.

И вот это главное, качественное отличие человеческой души от животной, эту высшую сторону души человека, полностью отсутствующую у животных, принято именовать

духом. Дух – неистребимое религиозное начало, живущее в человеке. Духом человек находит своего бога (истинного ли или ложного), духом поклоняется ему, духом решает вопрос о смысле и назначении своей жизни. Всеми этими вопросами животные никогда не задаются.

Мы уже говорили о том, что полностью безрелигиозных людей вообще нет. Любой атеист верит в отсутствие Бога, в великую творческую силу материи, поклоняется твари вместо Творца, но он действительно духом своим в это верит, этому поклоняется и посвящает порою своей вере многие годы жизни. Да, как ни странно, именно этой «вере в неверие», именно этому «богу-не-Богу» приносятся многие и дорогие жертвы, и своеобразная духовная жизнь, но это именно жизнь) духа, а не животной души.

Святому чувству Божественного в духе человеческом в прямом подчинении стоит совесть, которая диктует человеку, что сообразно с волею его божества и подлежит исполнению, а что противно этой воле и запрещено. Совесть зачастую способна руководить человеческими поступками, а еще чаще она оценивает наши поступки после их совершения и либо одобряет, утешает нас, либо напротив, безжалостно грызет нас своими укорами.

Таким образом, совесть для человека является внутренним источником внешней власти: и законодательной, и исполнительной, и, особенно, судебной. Немного необычное, парадоксальное определение: «внутренний источник внешней власти». Вы спросите: так что же есть совесть: наш внутренний духовный орган, или какой-то внешний?

В духе человека, как в его высшей части, уже открываются ворота в мир, превысший земного. В человеческой же свободе остается выбор, на какую сторону их отворить: к Богу или к диаволу. Этим выбором и определится голос совести. Он будет для нас внешним, исходящим к нам от нашего бога (истинного или ложного). Да и сам этот голос в некоторой мере в нашей власти. Как голос радиоприемника можно приглушить или усилить, так можно поступить и с голосом совести в духе. Таким образом, совесть и оказывается внутренним источником

внешней власти, внешним голосом, на который мы сами способны влиять.

Утрачивая духовные проявления, человек все более утрачивает и собственно человеческий облик. Если он совсем не руководствуется совестью и ничего святого для него не остается, то про него и говорят, что он либо оскотинивается, либо звереет, то есть приближается к животному состоянию. Такой человек утрачивает и свою неповторимую личность. При этом он способен сохранять черты душевные – мысли, чувства, желания, свойственные и животным. Если дух в нем мог бы отмереть полностью, мы получили бы новый вид двуногого животного.

## Три силы души

Поняв теперь, что такое человеческий дух, мы уже легче поймем и состав низшей части нашей души. Эта низшая часть души, или собственно душа, имеет все то, что имеют в зачатках высшие животные и что еще остается даже у полностью бездуховных, безсовестных людей.

Выделяют три силы души: разум, чувства и волю, или мысли, переживания и желания. Во всех этих трех отношениях душа человеческая превосходит душу животную, созданную из земли: предметы наших мыслей, чувств и стремлений могут быть и должны быть выше земных предметов.

Практически все мыслительные способности животных проверяются и развиваются на чисто материальном стимуле: животное за свою сообразительность должно получить пищевое вознаграждение и, наевшись досыта, оно уже не станет более напрягать свои мозговые извилины.

Подобно и чувства животных определяются обычно внешними реакциями: ласков человек к собаке – она верна ему, тепло кошке на печке – она урчит от **удовольствия**, радостно птицам вернуться весною к своим гнездам и справлять свадьбы – они славят Бога своими песнями, но ведь сами не сознают этого.

Наконец, и желания животных практически полностью сводимы к плотским потребностям. Бывает, конечно, что они играют, но ведь и игра у них – просто телесное удовольствие.

Такова душевная деятельность животных. А человеческая душа может ли ограничиться только такими проявлениями? Или ей требуется нечто большее?

## **Потребности духа, души и тела человека и их деятельность**

Задумываясь над этим вопросом, мы приходим к тому, что наши дух, душа и тело имеют свои потребности. Телесные потребности человека просты и всем известны: еда, питье, сон, тепло – все то же самое, что и у животных. А душевные потребности человека сложнее. И если у животных душевные потребности практически полностью подчинены телесным, то у человека они выше.

Человеческий ум находится в постоянном движении. Разные мысли приходят в него или рождаются в нем. Ум не может оставаться вполне праздным или замкнутым в себе. Он требует себе внешних раздражителей или впечатлений. Человеку хочется получать информацию об окружающем мире. Это потребность разумной части души, притом самая простая. Более высокая потребность нашего разума – тяга к размышлению и анализу, свойственная кому-то в большей, а кому-то в меньшей мере.

Чувствительная (эмоциональная) сторона души требует и для себя свойственных ей впечатлений. Это, в первую очередь, эстетические запросы: созерцать, слушать что-нибудь красивое в природе или в человеческом творчестве. У некоторых же художественно-одаренных натур возникает потребность и к творчеству в мире прекрасного: неодолимая тяга рисовать, лепить или петь. Более высокое проявление чувствительной стороны души – сопереживание радости и горя других людей. Есть и иные сердечные движения.

Наконец, и у волевой стороны души есть тяга к самопроявлению. Впервые просыпается она еще у ребенка вместе с первыми словами: «я сам» (в смысле: сам сделаю то или другое). В общем, это естественная потребность человека – не быть чьим-то чужим орудием или автоматом, а принимать решения самостоятельные. Наши желания, будучи поражены грехом, требуют наибольшей воспитательной работы, чтобы быть направленными на добро, а не на зло.

Есть у людей и духовные потребности: знать Бога, общаться с Ним, творить волю Его в соответствии с голосом совести.

Соответствует потребностям и всякая деятельность человека. Телесным потребностям служит всякий производительный труд, плодом которого являются вещи, полезные для телесной жизни. К душевной деятельности относится вся культурная жизнь человечества. Наука занимает преимущественно разум, искусства водятся по большей части чувствами; политическая, военная деятельность главным образом связаны с волевой стороною души. Наконец, религиозная деятельность призвана удовлетворять духовным запросам. Конечно, резких границ между всеми этими сферами деятельности нет, как нет границ и между цветами радуги, хотя мы и различаем эти цвета.

## Соотношения между духом, душой и телом

По замыслу Создателя тело должно подчиняться Душе, а душа духу. Или, иными словами, душа должна служить рабочим органом для духа, а тело предназначено осуществлять деятельность души. У неповрежденного грехом человека именно так и происходило: Божественный голос раздавался в самом святилище духа, человек понимал этот голос, сочувствовал ему, желал исполнить его указание (то есть волю Божию) и исполнял ее делом при посредстве своего тела. Так и ныне, чаще всего поступает человек, обучившийся с Божией помощью всегда руководствоваться голосом христианской совести, способной верно различать добро и зло, восстановивший тем самым в себе образ Божий.

Такой восстановленный человек внутренне целен, или, как говорят еще о нем, целеустремлен или целомудрен. (Во всех словах один корень – **целый**, тот же корень и в слове «исцеление». Такой человек, как образ Божий, исцелен.) В нем нет внутреннего разлада. Совесть возвещает волю Божию, сердце ей сочувствует, ум обдумывает средства к ее осуществлению, воля желает и добивается, тело без страха и ропота подчиняется воле. И по совершении действий совесть же доставляет человеку утешение на его нравственно-верном пути.

Но грех извратил этот правильный порядок. И едва ли в этой жизни возможно встретить человека, живущего всегда целомудренно, цельно, по совести. У человека, не перерожденного Божией благодатью в аскетическом подвижничестве, весь состав его действует вразнобой. Совесть иногда пытается вставить свое слово, но гораздо громче раздается голос душевных желаний, ориентированных большей частью на плотские потребности, к тому же нередко излишние и даже извращенные. Ум устремлен к земным расчетам, а чаще и вовсе отключен и довольствуется лишь поступающей внешней информацией. Сердце руководится непостоянными сочувствиями, тоже греховными. Сам человек толком не знает,

для чего он живет, а следовательно, и чего он хочет. И во всей этой разноголосице не поймешь, кто же командир. Скорее всего – тело, ибо его потребности большей частью стоят на первом месте. Телу подчинена душа, а на последнем месте оказываются дух и совесть. Но поскольку такой порядок явно не естествен, то он постоянно нарушается, и вместо цельности в человеке идет непрерывная внутренняя борьба, плодом которой является постоянное греховное страдание.

## Понятие о страстях

Это страдание возникает оттого, что некоторые силы души или тела претендуют на командную роль духа в человеке и захватывают ее. Например, потребность в питании выходит из пределов разумного и во многом подчиняет себе человека, заставляет постоянно заботиться о количестве и качестве пищи. В таком случае говорят, что человек подчиняется страсти чревоугодия. Это одна из распространенных плотских или телесных страстей. Другие плотские страсти суть: лень, пьянство, курение, наркотическая зависимость, блудная страсть (в ее грубом проявлении). Иными словами, плотские страсти – это извращенно развитые плотские потребности. Кончатся они нередко просто телесными расстройствами и болезнями. И справедливо. Тело – часть подчиненная. Пытаясь руководить человеком, оно калечит само себя.

Более тонки, разнообразны и опасны страсти душевные: тщеславие, человекоугодие, зависть, гнев, пустословие... Сребролюбие и блудная страсть стоят как бы между телесным и душевным, точнее это и телесные, и душевные страсти.

Наконец, есть страсти и духовные, самые неукротимые и злые. Их можно свести к двум. Для людей, не живущих духовной жизнью, главная страсть – окамененное нечувствие или паралич духа. Пытающихся жить духовно подстерегает не менее страшная опасность, в которую некогда впал диавол – это гордость, превозносящаяся не просто над людьми, но над Самим Богом.

С телесными и душевными страстями своими люди иногда пытаются бороться более или менее успешно, Духовные же страсти собственными нашими усилиями совершенно неизлечимы. Развившись в душе человека, они приводят его порою к полной потере человеческого облика.

Обычный падший человек представляет собой целый сгусток разных страстей. Обратившись ко Христу, он преодолевает до некоторой степени окамененное нечувствие – исключительно содействием Божией благодати. Дальше

христианская духовная жизнь представляет собою борьбу и с прочими страстями, концом которой и являются очищение сердца, восстановление образа Божия, правильного соотношения между духом, душой и телом. А главное, человек возвращается к правильному богообщению во Христе Иисусе и в Духе Святом.

Страстное состояние есть по сути дела непрерывное и бесполезное страдание. В слове «страсть» тот же корень, что и в слове «страдание». И мучение от страстей может перейти за человеком в вечность, если он не успеет до смерти искренне покаяться.

И напротив, свобода от страстей на евангельском языке именуется блаженством, что означает отсутствие греховного страдания. Например, от окамененного нечувствия свободны нищие духом и плачущие, от сребролюбия – милостивые, от гнева – кроткие и миротворцы. Всех их Спаситель в Евангелии именует блаженными. И это блаженство, конечно, переходит с ними и в вечность.

## Свобода человека и его произволение

Выбор между страданием и блаженством, между грехом и добродетелью, между страстями и Богом предоставлен самому человеку, на его собственное произволение.

Произволение – особая функция духа, в которой заключена вся тайна человеческой личности. Его следует отличать от естественной воли. Например, мы можем сказать о постящемся, что он хочет есть, и можем сказать, что он хочет не есть, а поститься. То и другое будет верно, если правильно понимать, что имеется в виду под словом «хочет». Хочет есть он своей естественной волею, а отказывается от пищи своим произволением.

Так и мученик, хочет жить своей естественной волею, но выбирает своим произволением страдание и смерть за Христа, чтобы вечно жить с Ним.

Воля наша находится в падшем, греховном состоянии. Желания наши остаются неверными и развращенными еще долгое время после того, как произволением мы стали на сторону Бога против греха.

На нашу волю действуют и Бог, и люди, и демоны, показывая и внушая нам разные желания. Но на произволение наше не действует никто, кроме нас самих. Так устроил Бог. И в этом одна из главных тайн Его создания, именуемого человеком, – что Он не желает вмешиваться в самое святилище наше, оставляя нам собственный выбор между добром и злом на наше произволение.

Впрочем, у человека, победившего греховные страсти и желания, естественная воля не противоречит произволению, а произволение уже не выбирает. Выбор уже сделан раз и навсегда: человек избрал путь христианской жизни и укрепился на нем, делом доказал, куда склонилось его произволение. Такой человек победил только греховные искушения, не просто справился с подобными делами, он и желания нечистые сумел побороть. И естественная воля его в полном и постоянном

согласии с произволением больше не ищет греха, как у человека страстного, еще не очистившегося.

И напротив того, возможность выбора, постоянные колебания этого выбора свидетельствуют о греховном падении нашей воли и нашего духа, о нашем болезненном состоянии рабства страстям. А настоящая свобода человека-христианина не есть свобода нынешнего выбора. Это свобода прошлого доброго и окончательного выбора в пользу Бога.

У человека, находящегося в состоянии окамененного нечувствия, произволение практически самостоятельно не проявляется. Оно полностью подчинено естественной воле, водимой греховными страстями. Здесь тоже все решил прошлый злой выбор, свободы почти не видно, есть лишь жалкое рабство страстям.

И тем не менее свобода произволения у человека не отнимается до самой смерти. Пока живы, мы можем покаяться. Но и покайся, можем снова вернуться в греховное рабство. Любой выбор – дело нашего свободного произволения!

И вот вы видите, что такое человек по Божественному замыслу и в реальной жизни: очень тонкое, сложное создание, стоящее на грани видимого мира и невидимого; создание, испорченное грехом. Как оно должно жить, чтобы соответствовать воле своего Творца? Для этого Господь оставил нам Свои заповеди.

## О заповедях Божиих

Во всем сотворенном мире Бог установил особые законы, благодаря которым в нем поддерживается красота и гармония. Такие же законы предначертаны и нашей душе, и они должны нами строго соблюдаться, чтобы душа не погибла. Эти законы и составляют суть **Божиих** заповедей.

Очень условно заповеди Божий можно сравнить с инструкцией по эксплуатации, которую выдает изготовитель на свое изделие. Только сам конструктор знает, для каких целей он придумал машину и как она должна работать. Подобно тому только Сам Творец наш может указать истинную цель человеческой жизни – Царство Небесное, и средства к достижению этой цели – нравственный закон Свой.

Изделие, используемое не по назначению или с нарушением предписаний изготовителя, приходит в негодность. Душа, живущая не для блаженной вечности, засыхает, опутывается страстями, в конце концов погибает.

В детстве ты, вероятно, видел и в недоумении останавливался перед высоковольтными щитами или трансформаторами с надписью: «Не влезай, убьет». Рисунок черепа, пронзенного красной молнией, призван был иллюстрировать грозную опасность. Ты тогда ничего не понимал в электротехнике, но предупреждения слушался. Ведь высокое напряжение опасно для жизни любого человека, независимо от того, знает ли он механизм действия электричества на свое тело или не знает. Влезать в высоковольтную сеть опасно всякому.

Вот так и относись к Божиим заповедям и запретам. Просто так Бог не станет человеку что-то указывать и запрещать. На каждом виде человеческого греха начертана заботливою рукою та же надпись, что и на высоковольтном столбе. Другое дело, что смертное поражение от греха не всегда бывает мгновенным, но и этим не следует обольщаться и злоупотреблять Божиим долготерпением. Божии заповеди – это не просто благие

пожелания или добрые советы, это строгие законы, проводящие границу между жизнью и смертью.

Так установил Бог первую Свою заповедь для людей еще в раю. О древе познания добра и зла сказал им почти теми же словами; не прикасайтесь, чтобы не умереть. Адам и Ева не послушались. И хотя души их от тел отлучились не в тот же час, а спустя сотни лет, это не значит, что Бог сказал неправду. Предупредил Он их: умрете! – и умерли, куда деваться.

Привыкай и ты относиться к греху, как к смертному яду и высокому напряжению: не влезай, убьет!

При этом нужно помнить, что заповеди Божии нельзя полностью свести к жесткому набору предписаний. Их нельзя понимать только как своеобразную «инструкцию по эксплуатации человека». Соответственно и в нарушении их кроется не только самоубийственная человеческая глупость. Равно и Бога нельзя обвинить в том, что Он задал человеку жесткие правила, как будто бы не мог или не хотел освободить от них человека.

Заповеди Божии даны любящим нас Творцом, Который осыпал человека благодеяниями, Который еще большие блага приготовил нам для будущей жизни и Который ждет от нас ответной любви. Любовь же эта ни в чем ином выразиться не может, как только в послушании Богу. Вот и получается, что заповеди даны Господом не по произволу, а по любви Его к нам. И нарушая заповеди, человек не просто вредит себе, используя «изделие Божие» не по назначению – он отвергает Божию любовь. А потому становится **виновен** перед Создателем.

Итак, по отношению к человеку заповеди Божии суть правила жизни, ведущей к цели ее – вечному блаженству. А по отношению к Самому Законодателю заповеди составляют священный завет Божественной любви к нам. И в том, и в другом понимании заповеди Божии отражают волю неизменяемого Бога, а потому и сами они абсолютны и непреложны.

Смертоносное действие греха не во всем похоже на электрический удар. Ведь Бог – это не бездушный рок, а живой

Законодатель и Судия. Каждый грех и каждую добродетель любого человека Он оценивает по отдельности, каждого награждает или наказывает с учетом его личных человеческих особенностей и жизненных обстоятельств и в общем плане Своего промысла о всех людях. Далеко не всякий грех получает воздаяние на земле, в этой временной жизни, а еще реже награждается здесь настоящая христианская добродетель. Потому справедливость и милость Божию мы можем понять только с учетом посмертного воздаяния каждому по делам его.

Апостол Павел учит, что закон Божий духовен. Это значит, что он требует исправления самых наших чувств и намерений, а потому его нельзя свести к внешнему исполнению определенных предписаний и инструкций, как это сделали иудеи, постоянно обличаемые за это Спасителем в Евангелии. Бог видит и судит прежде всего именно наши намерения, и лишь потом – их материальные последствия, то есть наши дела. Бога не обманешь. Даже доброе с виду дело не принесет добрых плодов, если сделано с недобрым намерением, с тайным умыслом или с корыстным расчетом.

## О врожденной греховной испорченности

Всякий человек, только приступающий к исполнению заповедей Божиих, находится еще в состоянии греховного растрения.

Грех поселился в нас еще с момента согрешения первых людей в рай. Мы уже рождаемся с греховными задатками, нас тянет на грех сама наша испорченная, падшая природа.

Справедливо ли всем людям страдать от греха за преступление заповеди одним человеком? – так, случается, спрашивают маловеры. Отвечать им можно встречным вопросом: а справедливо ли тогда мы все искуплены Одним Человеком – Богочеловеком Иисусом Христом? Ты хочешь даром получить Его оправдание и искупление? Придется тогда потерпеть, преодолевая в борьбе и мучении свое греховное повреждение.

На самом деле Бог не напрасно связал весь человеческий род узами родства, производя всех людей от одних родителей. Это родство не только телесное, но и духовное, ведь всякая душа зачинается от родительских душ, до какой-то степени наследуя их качества. Представь себе, если бы Бог создал в начале две человеческих пары, то до какой степени взаимной вражды дошли бы они после падения? Нынешний расизм и нацизм показались бы детским лепетом по сравнению с тою взаимною ненавистью. Но соединив всех заранее, Бог и для будущей жизни приготовил единение человеческого рода, в котором каждый спасенный и сохранит свою личность, и будет соединен с другими людьми.

И Сам Искупитель наш, приходя на землю, не из воздуха сгустился, но от Девы Марии родился, приняв от Нее человеческую плоть и душу и не приняв только греха нашего.

Вот добрая цель, для которой все человечество сделано родственным, и вот неизбежное следствие этого родства – наследование греха.

Поэтому если просто человеку начать жить по голосу своей природы, если постоянно удовлетворять своим естественным

телесным и душевным потребностям, то даже для верующего во Христа человека такая жизнь закончится на земле полным расстройством души и вечными муками после смерти. Ведь наши потребности извращены грехом и только кажутся естественными. Их необходимо сознательно ограничить, воспитать и преобразовать двумя важнейшими инструментами: благодатью Божией и собственным произволением. Мы уже сказали об этом немного другими словами, когда речь шла о страстях. Теперь приведем лишь некоторые пояснительные примеры.

Возьмем греховные привычки: к курению, к спиртному, к азартной или компьютерной игре. Нужны ли эти пристрастия нашей душе или телу? – Конечно нет. Может ли человек быть здоровым, счастливым, полезным для других, если никогда в жизни не пробовал ни табака, ни водки и не увлекался азартными играми? – Конечно да – ответит и ребенок. Наоборот, все эти привычки вредят телу и душе. Это тоже знают даже дети. Что же тогда влечет человека в самый первый раз к самоубийственному деянию, когда не может еще быть у него ни страсти, ни привычки к этому греху? Кроме того, человек уже заранее знает, что это грех и вред, а краткого ложного удовольствия от греха он еще не ощутил. Какая же страшная злая сила заставляет несчастного грешника совершать такое безумие?!

Конечно, пример окружающих, внешний соблазн, льстивые речи, праздность, – но не только! В самой душе нашей живет какая-то необъяснимая тяга ко греху, так что от всякого, даже очевидного, даже противного и явного греха нам необходимо воздерживаться усилием собственного произволения. А иначе – никак не получится.

Другой пример – наша мстительность или злопамятность. Как сильно эта страсть может мучить порою человека даже не особенно злого по природе! Такой человек чаще всего понимает, как это вредно ему самому, как это стыдно перед людьми и грешно перед Богом. И ничего в такой момент не может с собою поделаться, пока откуда-то извне не найдет на него некоторое облегчение от страсти. Значит, ярость сама уже каким-то

образом живет в нас. С какого времени? С того самого, как мы себя помним.

Помнишь ли свои самые ранние годы? Учили ли тебя злиться или мстить? – Наверняка нет, учили совсем противоположному. А почему вообще нужно ребенка с пеленок учить добру? Потому что он уже с рождения склонен ко злу, которое только еще не раскрылось и не укрепилось в нем.

Более того, спроси родителей о себе или понаблюдай за другим младенцем, умеет ли ребенок «показывать характер» еще до того, как начнет себя помнить? – Непременно убедишься, что так и есть.

Так живет в нас грех с самого рождения. Просыпается он и в некрещеных, и в крещеных младенцах, хотя, быть может, по разному. И это не только наше житейское наблюдение. Вот что говорит об этом же апостол Павел: *Знаю, что не живет во мне, то есть в плоти моей, доброе; потому что желание добра есть во мне, но чтобы сделать оное, того не нахожу (Рим.7:18)*. И далее: *По внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божию; но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих (Рим.7:22–23)*.

В этой речи под добрым законом ума можно понимать требование совести, согласное и с заповедями Божиими, и с собственным произволением человека, а под законом греховным во плоти (членах) – страсти, требования падшей человеческой природы. Видишь, даже став произволением на сторону Господа, как трудно (а без посторонней помощи невозможно), преодолеть человеку насилие своего же падшего греховного естества! Апостол продолжает: *Бедный я человек! кто избавит меня от сего тела смерти (падшей природы – с. Т.)?* И сам же отвечает: *Благодарю Бога моего Иисусом Христом, Господом нашим (Рим.7:24–25)*. Иными словами, только жизнью во Христе, по заповедям Евангелия, падшую природу свою удастся переломить, исцелить, выправить. И удастся это лишь тем, кто по слову Апостола научится *жить не*

*по плоти, а по духу (Рим.8:4), иными словами подчинять плоть духу, а не полагать ей во всем.*

## Без борьбы с грехом – смерть!

Без Христа, без Его действенной благодатной помощи, грех нам в себе не одолеть никак. Теперь станет понятно нам и другое слово Апостола: *Нет другого имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы нам спастись* (Деян.4:12). Это решительное слово не есть сравнение или образное выражение. Это подлинная правда, которую нужно понимать прямо и буквально: хочешь ли, чтобы жила душа твоя? – борись с грехом в себе по заповедям Иисуса Христа с Его благодатной помощью. А не станешь бороться – навеки погибнешь.

Посмотри вокруг себя. Большинство окружающих никак не желают напрягать себя на борьбу с грехом. И что же? Сколь многие поработочены грубыми страстями: пьянством, блудом, нечувствием. Страсти эти всесторонне убивают душу и тело: сначала волю, потом чувства и разум. Если в таком состоянии человек умирает, трудно надеяться, что при смерти душа оживет, а по смерти она уже точно никогда не оживет.

Ты скажешь: ну не все же вокруг горькие пьяницы. А я добавлю: есть еще наркоманы, маньяки, садисты и прочие, уже потерявшие человеческий облик. Но ты продолжишь: и все равно их, пожалуй, не большинство. Но как можно судить о душевном состоянии нормально живущих людей, верующих, но в церковь ходящих редко и о борьбе с грехом вспоминающих лишь иногда?

Конечно, легкое ли дело «проверить на жизнь» чужую душу! Но подумай сам, проживши жизнь и не отягощаясь воспоминаниями о Боге, о совести, о суде и посмертном воздаянии, можно ли приучиться любить Бога, постоянно молиться Ему, предпочитать Его волю, Его близость всем житейским предметам и привязанностям? – Конечно нет. Но, с другой стороны, что требуется от души, отошедшей в вечность, кроме этой любви к Богу и близости к Нему? В Царстве Небесном нет земных занятий и развлечений, там не едят, не пьют, не развлекаются. Небожители предстоят Господу, славят Его и молятся Ему. Что делать там душе, крепко привязанной ко

всему земному и не находившей источника своей жизни в Боге? Она и в раю не найдет жизни своей в Нем, а любимые ею земные предметы и привязанности будут ей недоступны. Лицом она останется повернутой к земле, а к Богу – спиной. Что ждет ее в таком случае, кроме вечной неудовлетворенности и удаления от лица Божия? Разве только одно это не есть уже вечная мука?

Простая и обыденная смерть души, не посвятившей себя Богу, смерть без особо тяжких грехов и преступлений.

Но ты снова можешь возразить: это, мол, все чисто умозрительное рассуждение, а как увидеть это своими глазами?

Быть может, придется тебе, как многим людям, продолжительное время наблюдать за приближением к смерти человека неверующего или маловерующего и настоящего христианина – и сравнить. Сам увидишь тогда, как тяжок конец неверующего. Еще задолго до смерти его охватывает глубокое уныние, душа пустеет. Впрочем, и ранее она была наполнена пустотой, только это было незаметно. Истинный смысл и значение земных пристрастий видится лишь на краю могилы. Такого старика уже ничем не утетишь, ничем не разгонишь его смертную тоску. Ничего ему больше на земле не нужно и неинтересно. Земное в душе умирает, а небесное в ней не родилось. Жить такому человеку больше не хочется, и он порою сам себе просит смерти, но когда смерть подступает вплотную при очередном приступе болезни, то оказывается, что умирать-то ему со своим духовным багажом страшно. Вряд ли он мучится совестью, напротив, часто он искренне считает, что прожил жизнь вполне достойно. При этом может помнить и какие-то старые грехи, но совсем не испытывает от них особой неловкости. Остается он со своей собственной «праведностью», без Христа перед лицом смерти. И, конечно, не выдерживает.

Спросишь: какая же эта душа? Да никакая. Ни о чем не мыслит, мало что чувствует, ничего не хочет. Тело еще требует есть, пить и дышать, а душе ничего не надо, кроме как отогнать иногда свою смертную тоску. По мере приближения конца и потери сознания эта тоска может переходить и в смертный ужас. Умиравший заговаривается, иногда видит видения, иногда и

кричит неистово – и не только от боли. Впрочем, такие вещи трудно передать словами, христианину когда-нибудь нужно будет увидеть все это самому. Кто видел, тот меньше спрашивает, благоговей перед таинством смерти и прося себе христианской кончины.

И такую кончину, Бог даст, придется тебе увидеть. Христианин и к смерти приближается без уныния. Ему есть о чем подумать, есть чего ждать и о чем молиться. Сердце его все более наполняется глубоким таинственным содержанием, которого мы, здравствующие, понять не можем, ибо это тайны горнего мира. И самый час смерти, несмотря на болезни предсмертные, христианин встречает спокойно, с какой-то даже неземной радостью, которая иногда может изобразиться на лице почившего. Такая душа в час смерти жива, мы это ясно видим и чувствуем.

Не оттого ли некоторые начинают относиться к вере своей внимательно лишь после того, как доведется им кого-то проводить до могилы. Обо всем этом стоит задуматься уже теперь, ведь умирать придется и нам, к тому же неизвестно, когда призовет нас Господь на суд Свой. Пока Он дает нам и силы, и здоровье, и возможность познать Себя, и свободу выбора жизненного пути. Дает возможность и грешить, если нам этого хочется.

Но придет час, когда всем этим жизненным авансам настанет конец и придется отвечать за то, как мы ими пользовались, отвечать даже не головою, а бессмертной душой.

В этих словах для тебя, вероятно, не много нового. Но, к сожалению, мало у кого эта простая истина – о нашей вечной ответственности за земную жизнь – уже теперь определяет их поведение. Наша врожденная греховность препятствует нам приобрести веру живую, действующую, более глубокую, чем простое книжное знание. И здесь на помощь приходит Сам Господь.

## Глава 3. Обращение ко Христу

Без Христа, без Его действенной благодатной помощи, грех нам в себе не одолеть никак. Теперь станет понятно нам и другое слово Апостола: *Нет другого имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы нам спастись* (Деян.4:12). Это решительное слово не есть сравнение или образное выражение. Это подлинная правда, которую нужно понимать прямо и буквально: хочешь ли, чтобы жила душа твоя? – борись с грехом в себе по заповедям Иисуса Христа с Его благодатной помощью. А не станешь бороться – навеки погибнешь.

Посмотри вокруг себя. Большинство окружающих никак не желают напрягать себя на борьбу с грехом. И что же? Сколь многие поработены грубыми страстями: пьянством, блудом, нечувствием. Страсти эти всесторонне убивают душу и тело: сначала волю, потом чувства и разум. Если в таком состоянии человек умирает, трудно надеяться, что при смерти душа оживет, а по смерти она уже точно никогда не оживет.

Ты скажешь: ну не все же вокруг горькие пьяницы. А я добавлю: есть еще наркоманы, маньяки, садисты и прочие, уже потерявшие человеческий облик. Но ты продолжишь: и все равно их, пожалуй, не большинство. Но как можно судить о душевном состоянии нормально живущих людей, верующих, но в церковь ходящих редко и о борьбе с грехом вспоминающих лишь иногда?

Конечно, легкое ли дело «проверить на жизнь» чужую душу! Но подумай сам, проживши жизнь и не отягощаясь воспоминаниями о Боге, о совести, о суде и посмертном воздаянии, можно ли приучиться любить Бога, постоянно молиться Ему, предпочитать Его волю, Его близость всем житейским предметам и привязанностям? – Конечно нет. Но, с другой стороны, что требуется от души, отошедшей в вечность, кроме этой любви к Богу и близости к Нему? В Царстве Небесном нет земных занятий и развлечений, там не едят, не пьют, не развлекаются. Небожители предстоят Господу, славят Его и молятся Ему. Что делать там душе, крепко привязанной ко

всему земному и не находившей источника своей жизни в Боге? Она и в раю не найдет жизни своей в Нем, а любимые ею земные предметы и привязанности будут ей недоступны. Лицом она останется повернутой к земле, а к Богу – спиной. Что ждет ее в таком случае, кроме вечной неудовлетворенности и удаления от лица Божия? Разве только одно это не есть уже вечная мука?

Простая и обыденная смерть души, не посвятившей себя Богу, смерть без особо тяжких грехов и преступлений.

Но ты снова можешь возразить: это, мол, все чисто умозрительное рассуждение, а как увидеть это своими глазами?

Быть может, придется тебе, как многим людям, продолжительное время наблюдать за приближением к смерти человека неверующего или маловерующего и настоящего христианина – и сравнить. Сам увидишь тогда, как тяжок конец неверующего. Еще задолго до смерти его охватывает глубокое уныние, душа пустеет. Впрочем, и ранее она была наполнена пустотой, только это было незаметно. Истинный смысл и значение земных пристрастий видится лишь на краю могилы. Такого старика уже ничем не утетишь, ничем не разгонишь его смертную тоску. Ничего ему больше на земле не нужно и неинтересно. Земное в душе умирает, а небесное в ней не родилось. Жить такому человеку больше не хочется, и он порою сам себе просит смерти, но когда смерть подступает вплотную при очередном приступе болезни, то оказывается, что умирать-то ему со своим духовным багажом страшно. Вряд ли он мучится совестью, напротив, часто он искренне считает, что прожил жизнь вполне достойно. При этом может помнить и какие-то старые грехи, но совсем не испытывает от них особой неловкости. Остается он со своей собственной «праведностью», без Христа перед лицом смерти. И, конечно, не выдерживает.

Спросишь: какая же эта душа? Да никакая. Ни о чем не мыслит, мало что чувствует, ничего не хочет. Тело еще требует есть, пить и дышать, а душе ничего не надо, кроме как отогнать иногда свою смертную тоску. По мере приближения конца и потери сознания эта тоска может переходить и в смертный ужас. Умиравший заговаривается, иногда видит видения, иногда и

кричит неистово – и не только от боли. Впрочем, такие вещи трудно передать словами, христианину когда-нибудь нужно будет увидеть все это самому. Кто видел, тот меньше спрашивает, благоговей перед таинством смерти и прося себе христианской кончины.

И такую кончину, Бог даст, придется тебе увидеть. Христианин и к смерти приближается без уныния. Ему есть о чем подумать, есть чего ждать и о чем молиться. Сердце его все более наполняется глубоким таинственным содержанием, которого мы, здравствующие, понять не можем, ибо это тайны горнего мира. И самый час смерти, несмотря на болезни предсмертные, христианин встречает спокойно, с какой-то даже неземной радостью, которая иногда может изобразиться на лице почившего. Такая душа в час смерти жива, мы это ясно видим и чувствуем.

Не оттого ли некоторые начинают относиться к вере своей внимательно лишь после того, как доведется им кого-то проводить до могилы. Обо всем этом стоит задуматься уже теперь, ведь умирать придется и нам, к тому же неизвестно, когда призовет нас Господь на суд Свой. Пока Он дает нам и силы, и здоровье, и возможность познать Себя, и свободу выбора жизненного пути. Дает возможность и грешить, если нам этого хочется.

Но придет час, когда всем этим жизненным авансам настанет конец и придется отвечать за то, как мы ими пользовались, отвечать даже не головою, а бессмертной душой.

В этих словах для тебя, вероятно, не много нового. Но, к сожалению, мало у кого эта простая истина – о нашей вечной ответственности за земную жизнь – уже теперь определяет их поведение. Наша врожденная греховность препятствует нам приобрести веру живую, действующую, более глубокую, чем простое книжное знание. И здесь на помощь приходит Сам Господь.

## О сверхчувственном познании Бога

Как бы ни был человек воспитан с детства: в христианском ли благочестии или, наоборот, в полном безбожии, но если теперь он исповедует себя христианином и имя христианское для него есть самое важное на свете, то значит, когда-то в его жизни непременно был переломный момент. В тот час вера вошла в его сердце каким-то неодолимым порывом, стала его собственной частью, главным признаком его личности. И этот момент разделил его жизненный путь надвое. Такой переворот в душе принято называть обращением. Иногда обращение к вере может состоять из нескольких отдельных эпизодов, которые резко воздействуют на душу, каждый в свое время.

Важно, что человек становится верующим не потому, что его этому долго учили, и он просто выучил серию уроков. Уроки лишь способствовали тому, чтобы вера вдруг зажглась в его сердце и стала его собственной. Бывает, что с детства наставленные в вере юноши и девушки изменяют своей вере, и тоже как-то резко, непонятно почему. Таких случаев, к сожалению, больше, чем обращений ко Христу в том же возрасте.

Если отвращение от Бога человек совершает только сам, чисто своими силами (в этом отвержении веры гордо видя свою самостоятельность, на самом деле жалкую и смешную), то обратиться ко Христу своими силами не может никто. Для этого нужно особенное действие благодати Божией. Иисус Христос свидетельствует: *Никто не может придти ко Мне, если то не дано будет ему от Отца Моего (Ин.6:65)*. Между тем воля Отца Небесного в том, *чтобы всякий, видящий Сына и верующий в Него, имел жизнь вечную (Ин.6:40)*, то есть чтобы никто из грешников не остался бы в неведении Бога и в неверии, *но обратился и жив был (Иез.33:11)*.

Если же Бог ищет нас (ведь Он всегда действует в соответствии со Своей волей), то почему же не всякого находит? Потому что люди сами бегут от Него, затворяют от Него свои сердца, не дают Ему посетить эти сердца благодатью,

неспособны делают ся ощутить ее. Но всякому, кто желает принять благодать, кто искренне просит об этом, она подается.

Так теперь и для вас, стоящих на пороге взрослого возраста, когда личность человеческая уже окончательно должна определиться, встает главный вопрос: нужен ли нам Христос и вера в Него?

Теперь, невольно оглядываясь назад, вы вспомните все свои детские впечатления, связанные с церковью, молитвой, духовными книгами для детей. Все это сегодня подлежит вашей собственной переоценке. Будете ли вы и дальше ходить в храм и молиться или нет, но ясно пока лишь одно, что так, как делали вы это раньше, теперь уже не сможете. Духовная жизнь становится другою. Веру свою вам надлежит обрести как бы заново.

Как искать внешние, объективные обоснования веры, об этом мы говорили в первой главе. И там же сказали, что внешних свидетельств без внутреннего богопознания для обретения веры решительно недостаточно. Внешние свидетельства даны многим, да не очень-то многих они убеждают. Нужно свидетельство внутреннее. И в то же время самостоятельно его невозможно получить, ведь это свидетельство Самого Бога. Как же быть?

Кратко сказать, нужно приготовить свое сердце к принятию этого особого Божественного посещения. Для этого необходимо приподняться над житейскими делами, развлечениями и удовольствиями, а также над обычным обывательским самодовольством. Некоторым людям в этом помогает Сам Господь, смиряя их какими-то скорбями, чтобы они, оторвавшись от земли, взглянули на Небо. Но этот способ подходит не для всех. Иных сколько ни отворачивай от земли, они тем больше к ней прилепляются.

Вообще, невозможно объяснить, почему у одних людей бывает обращение к Богу, а у большинства нет. Среди обратившихся есть пришедшие от скорбей, а есть лица, с виду вполне благополучно живущие. Есть те, кто по здоровью или по каким-то иным причинам развлечений юности не знал, но есть те, кто, как говорят, хватал жизнь полным ртом. И среди

необратившихся часто встречаются люди, прекрасные по душевным качествам, но совершенно глухие и тупые духовно. Как это объяснить? Никак. Это тайна нашего свободного произволения.

Здоровыми или больными, благополучными или несчастными выглядели обратившиеся к Богу люди, но все они, несомненно, были несчастны внутренне. Много ли, мало ли было у них земных благ и земных занятий – они страдали и искали ценности иного порядка. Бог на малое время дал им увидеть будущее блаженство, дал им возможность лишь слегка ощутить его. Те, кто оценили такой дар, начали трудиться над его приобретением.

Хочется надеяться, что если читатель добрался до этой страницы, то такой опыт он уже имеет, или хотя бы не удовлетворяется чисто житейским благополучием. Тогда он поймет, о чем пойдет речь дальше. Мы подходим к самым глубоким и святым человеческим переживаниям. Описать Божественное посещение человека, после которого он обратился ко Христу, невозможно. Это непостижимое и глубоко личное духовное событие для каждого свершается по-своему. Но нужно сказать о самом этом факте и его роли во всей христианской жизни, а также о некоторых, самых общих чертах такого мистического опыта.

Это бывает по-разному, во сне или наяву, иногда на границе жизни и смерти, но чаще в обычных условиях. Божественное посещение при обращении обыкновенно не лишает человека земного сознания; он воспринимает окружающий мир почти как обычно, но довольно равнодушен к нему.

Наяву при этом обычно не бывает никаких видений, не слышится голосов и не ощущается запахов, но дух человека внезапно просветляется. Поводом к этому может быть какое-то внешнее впечатление: присутствие в храме, горячая молитва в какой-то нужде, чтение какой-то духовной книги, уединенное созерцание природы, слушание духовной музыки и тому подобное. Но само переживание несомненно далеко уходит от впечатления, ставшего ему поводом.

Просветление состоит в том, что какой-то предмет нашей веры: сотворение мира Богом, Воплощение, смерть и Воскресение Христа, бессмертие души и ее вечная участь, – из умозрительного, из сообщаемого книжным знанием вдруг становится совершенно несомненным личным ощущением, фактом личного духовного опыта, более явным для человека, чем его чувственные ощущения в данный момент. Ты вдруг познаешь, например, что Христос воистину воскрес, как будто бы Он стоял перед тобою, как перед Фомой, хотя, повторю, видения ты не видишь. Ты находишься не на Небе, а на земле и в обычном сознании, но факт Воскресения для тебя в этот момент более реален, чем то, что ты, положим, стоишь сейчас в храме на пасхальной службе.

Как ты это знаешь – невозможно рассказать. Если переживал уже – вспомнишь, если нет, то узнаешь потом.

Переживание это почти всегда связано с Крестом Христовым и Воскресением, хотя бы косвенно. В обычном состоянии рассудочными выкладками тайну нашего Искупления объяснить невозможно. По человеческой логике в смерти Сына Божия за грехи людей нет ни милости, ни справедливости. По ней грешники не стоят крови Воплотившегося Бога, они стоят своей смерти – и пусть умирают. По ней же Отец Небесный поступает жестоко, посылая Сына Своего на Крест. Но не смущай своей веры этими логичными и неизбежными сомнениями. Тайну Креста не одолеть рассудком, ее можно только пережить особым духовным опытом. Это и бывает в момент обращения. Почему мы и говорим, что человек обращается именно ко Христу, а не к Богу вообще. Он умер за меня и воскрес, чтобы и я воскрес, – для холодного ума эти слова ледяные. Но для сердца в **тот момент...** О, это уже не просто слова!

Состояние такого вознесенного, открытого духа можно кратко и очень условно пояснить двумя чертами. Одновременно человек чувствует неимоверное обличение в совести, ощущает свою нравственную нечистоту и недостойность, и в то же самое время столь же ясно переживает милость Божию, любовь Божию к себе – такому отвратительному грешнику. Как могут

сочетаться эти два чувства, казалось бы взаимоисключающие друг друга – опять же неизъяснимая тайна. Впрочем, это та же тайна Искупления, но осмотренная как бы с другой стороны, с человеческой.

Случается, что в сновидениях человек видит какой-то особенный свет, или ему являются кто-либо из святых, Божия Мать или даже Сам Господь. Нередко повторяется история емаусских путников: Божественный Посетитель воспринимается как бы под другим именем, в ином образе, но потом, открыв Себя, без единого слова наполняет душу небывалым умилением и уходит тут же, не оставляя даже в памяти какого-либо зрительного образа для воспоминания. Человек просыпается в слезах, говоря: так это был Ты! – и не может описать даже самому себе внешнего вида Посетителя.

## Обращение блаженного Августина

Для пояснения всего сказанного выслушаем рассказ блаженного Августина о своем обращении, которое он подробно описывает в своей известной книге «Исповедь».

Блаженный Августин родился в 354 году, был с детства знаком с христианской верой, но образование и воспитание получил языческое. Он увлекался всякими развлечениями света, но имея глубокий ум и горячее сердце, искал истинную мудрость и смысл жизни. Одно время он находился под влиянием учения еретиков – манихеев, но вскоре начал понимать их заблуждения. Тогда же он встретился со святым Амвросием, епископом Медиоланским, и многому научился из его проповедей. Умом и сердцем Августин уже видел, что учение Христово истинно, но узы старой, светской жизни еще держали его.

И вот однажды некий знакомый рассказал Августину и его другу Алипию о жизни и подвижничестве недавно почившего египетского пустытника Антония, которого Святая Церковь именует Великим и почитает как основателя египетского монашества. Рассказ произвел на друзей глубокое впечатление. Вот что пишет о своих дальнейших переживаниях блаженный Августин, обращая речь ко Господу:

«Вне себя от жгучего стыда угрызался я во время рассказа. Беседа окончилась... Чего только не наговорил я себе! Какими мыслями не бичевал душу свою, чтобы она согласилась на мои попытки идти за Тобой! Она сопротивлялась, отрекалась и не извиняла себя... Как смерти боялась она, что ее вытянут из русла привычной жизни, в которой она зачала до смерти...

Кидаюсь я к Алипию и в смятении ума кричу: «Что же это с нами? Ты слышал? поднимаются неучи и восхищают Царство Небесное, а мы вот с нашей бездушной наукой валяемся в плотской грязи!»...

В своей сердечной смуте кинулся я в сад, где в жаркой схватке, в которой я схватился с собой, никто не помешал бы до самого конца ее... Я безумствовал, чтобы войти в разум, и

умирал, чтобы жить; я знал, в каком я зле, и не знал, какое благо уже вот-вот ждет меня... Душа моя глухо стонала, негодуя неистовым негодованием на то, что я не шел на союз с Тобой, Господи...

Глубокое размышление извлекло из тайных пропастей и собрало «пред очами сердца моего» всю нищету мою. И страшная буря во мне разразилась ливнем слез... Не помню, как упал я под какой-то смоковницей и дал волю слезам: они потоками лились из глаз моих – угодная жертва Тебе... «Доколе, Господи, гнев Твой! Не поминай старых грехов наших!» Я чувствовал, что я в плену у них, и жаловался, и вопил: «...Почему не сейчас? Почему этот час не покончит с мерзостью моей?»

Так говорил я и плакал в горьком сердечном сокрушении. И вот слышу я голос из соседнего дома, не знаю, будто мальчика или девочки, часто повторяющий нараспев: «Возьми, читай! Возьми, читай!»... Нигде не доводилось мне это слышать. Подавив рыдания, я встал, истолковывая эти слова, как Божественное веление мне: открыть книгу и прочесть первую главу, которая мне попадется... Взволнованный, вернулся я на то место, где... уходя, оставил апостольские Послания. Я схватил их, открыл и в молчании прочел главу, первую попавшуюся мне на глаза: *Будем вести себя благочинно, не предаваясь ни пированиям и пьянству, ни сладострастию и распутству, ни ссорам и зависти; но облекитесь в Господа нашего Иисуса Христа и попечения о плоти не превращайте в похоти* (Рим.13:13–14)... После этого текста сердце мое залили свет и покой; исчез мрак моих сомнений» («Исповедь», кн. VIII).

С этого часа Августин решается стать христианином и начать новую жизнь.

## Обращение ко Христу – поворот духа

Плод такого Божественного посещения души, заметный не только на примере блаженного Августина, всегда один и тот же: человек выслушивает ясно раздающийся в совести призыв: живи иначе! Хочешь достигнуть лишь слегка показанного тебе будущего блаженства – стань другим! И в этот момент каждому из нас легче всего от души воскликнуть: ей. Господи, непременно стану!

Если бы только было нужно, человек в тот час бывает готов легко расстаться с жизнью, только бы не потерять навеки так близко ощущаемое милосердие Божие. Вот время совершить главный поворот в самом святилище своей души – в духе, принести обет верности Христу, засвидетельствовать пред Ним свое доброе произволение и укрепить оное Его силою и благодатью: Господи, паче жизни хочу и от всего сердца **принимаю решение** быть Тебе верным и повиноваться Тебе, только не оставь меня окаянного, но спаси!

Такой момент может иметь блеклую земную аналогию. Православный человек прошлого века понял бы ее легко, надеюсь и ты поймешь. В школьной программе изучается роман Л. Н. Толстого «Война и мир». Вспомни переживания Николая Ростова, когда юный кавалерист впервые видит перед строем своего Государя, слышит его краткую воодушевительную речь к войскам и ничего так не желает, как только умереть за него в бою. Это чувство свойственно не одному только Николаю, но и каждому православному русскому воину. Несомненно, и сам Толстой в юности, когда не был еще ни еретиком, ни злобным кощунником, неоднократно переживал такой подъем верности и любви к своему Государю и описал эти чувства с натуры.

Так вот, теперь душа твоя увидела не земного Царя, а Небесного в том лишь самом малом отблеске Его вечной славы, который только способна выдержать. Царь возвестил ей, что началась для нее война – битва с грехом и дьяволом, что Он, ее Полководец, желает увидеть душу верною и мужественною. Он обещает ей и награду – участие в триумфе Своей победы.

Ради любви к Царю, ради этого будущего триумфа душа готова на любые скорби, труды и опасности, и рада бывает умереть за Него, чтобы только вечно жить с Ним.

Потом с нею, несомненно, произойдет то же, что и с Николаем Ростовым в первом бою. Душа ощутит страх, боль, опасность, почти полное охлаждение своего первого чувства. Могут быть у нее измены и падения, за ними может прийти долгое отчаяние. Но и тогда воспоминание первого святого одушевления поднимет падшего, споткнувшегося духовного воина и подвигнет на новую битву.

Даже апостол Петр пережил горечь падения, но разве смог бы он так быстро восстать через покаяние, если бы за час до своего отречения не обещал Господу положить за Него душу свою? Не нужно было делать этого при всех, не нужно было при этом надеяться только на свою храбрость и, конечно, нехорошо было сравнить себя с другими учениками: *если и все соблазняются, но не я (Мк.14:29)*. И все же в сердце своем нужно иметь такое святое, горячее расположение: за Тебя, Господи, готов в темницу и на смерть! Вот Иуда был настроен совсем иначе, потому и не смог принести покаяния и спастись от страшного греха своего, хотя и пожалел было о нем.

Не знаю, доводилось ли уже или еще доведется тебе пережить все это: и предвоенный парад, и первый бой, и первые греховные раны, и лазарет покаяния, где подобно Царевнам-мученицам Ольге и Татьяне, тебя посетят дщери Царя Небесного: страх Божий и милость Его, и вернут тебя на передовую черту первой решимости. Ибо с этой черты, с этой первой решимости и начинается духовная жизнь христианина.

По Божиему замыслу дух должен в нас господствовать, повелевая душою, а через нее и телом. Потому и восстановление падшего человека (если повторить все сказанное на языке прошлой главы) начинается обращением к Богу человеческого духа. В духе и происходит главная перемена: во-первых, ему открывается непосредственно Сам Бог в благодатном посещении, во-вторых, просыпается совесть и громко возвышает свой обличительный голос, в-третьих, возникает решимость (произволение) как-то действовать во

славу Божию и ради своего спасения. Блаженна душа, вкушившая Божественную сладость и восставшая из глубины греховных дел, чувств и мыслей!

Если ты узнаешь по своей собственной душе, о чем шел здесь разговор, если сам себя считаешь обратившимся ко Христу, то вот и для тебя началась невидимая брань под Его крестовой хоругвью против греха и диавола. Будь воином и помни, что христианин – имя героическое. Жизнь дается христианину для подвигов, а не для мелкого мещанского прозябания. За то и обещаны нам небесные награды. Не всем христианам довелось полагать души свои за Православного Царя земного, но все жители рая подвизались когда-то на земле за Царя Небесного.

Не забудь, что наше обещание Господу верности имеет и свое богослужбное, церковное выражение. Это наши крещенские обеты. Мы отрицались от сатаны и сочетались Христу. Если человек крестится взрослым, то по смыслу таинства он должен прежде пережить обращение ко Христу или искать этого обращения, получая его в самом крещении. Иначе сказать, эти два момента – обращение и крещение – должны иметь самую прямую, непосредственную связь. Без обращения крещение бездейственно, оно остается лишь в каком-то потенциальном значении, если не сказать горше: прямо поругано.

В таком же значении крещение действительно и для младенцев. Там тоже принесены обеты за них крестными восприемниками. Они за детей отрицались от сатаны и сочетались Христу. И сила младенческого крещения также может быть отвергнута и поругана, если в свое время не подтвердится собственным обращением крещеного человека ко Господу. И подготовка взрослого ко крещению, и православное церковное воспитание ребенка лишь предваряют обращение и последующую ему собственную духовную жизнь. Но без этого глубоко личного акта они могут потерять весь свой смысл.

## **А если обращения еще не было?**

Если ты не можешь узнать в своей душе описанных здесь переживаний, не торопись смущаться. Во-первых, невозможно заранее описать чувства другого человека. Особенности обращения для каждого будут своими. Главное, что непременно должно появиться в результате обращения, – это стремление жить далее по-христиански, решимость к этому полная, безоговорочная, не допускающая компромиссов, не планирующая путей к отступлению. Таких моментов решимости в жизни может быть несколько, и все они каким-то образом подкрепляются от Бога предощущением Его милости.

Во-вторых, может случиться и так, что этот момент для тебя еще впереди. Взросление ребенка, превращение его в зрелого человека – дело долгое, непростое и для всякого протекающее по-своему. И тело, и душа, и дух у каждого становятся зрелыми к какому-то своему особенному сроку, не у всех одновременно.

Может быть, ты просто пока ходишь со старшими в церковь, и просто собственная лень и обычные дела и увлечения подростков мешают тебе там бывать и молиться. Может быть, опытом ты еще и не знаешь, что такое тяжелые, мучительные сомнения в вере, что такое искушения от окружающих, стремящихся прямо или незаметно убить твою веру. Все это еще впереди.

А пока вера и молитва составляют просто какую-то часть твоей жизни, среди других ее частей (и вероятно, не первую): учебы в школе, занятий по дому, игр с товарищами. Но сознание того, что вера – это не рядовая, а самая главная часть жизни, быть может, еще тебе неизвестно. В таком случае твоя еще неиспытанная вера – заслуга не твоя, а старших. Но снова повторим: настал уже или близок момент, когда веру тебе придется как бы вновь обрести, чтобы она стала твоею личною. Иначе – послушай внимательно! – вера твоя умрет. И так очень часто случается в наше время.

## Потерять веру – самое страшное

Здесь стоит задуматься, даже если ты еще не переживал своего личного обращения к Богу. Представь себе, что очень скоро, через год, а то и раньше (а может, такое уже было) окружающие люди осмеют, например, в твоём присутствии молитву и пост, хождение в церковь и загробную жизнь, церковные таинства и жития святых. Они сделают это остроумно, смешно, не злобно, как бы даже участливо, а потому вроде бы убедительно. Могут и без насмешки столь же деликатно внушить тебе, что есть у нас дела более важные, чем церковность. И внутри тебя заговорит чей-то неведомый голос: а ведь и правда, если такие умные, веселые и добрые взрослые люди (да и почти все вокруг, кроме немногих близких) не живут по-церковному, а только признают Бога, то зачем и мне утруждаться? Не проще ли жить как все.

И вот, выслушав этот голос, юноша или девушка берется устраивать жизнь свою самостоятельно в общих заданных рамках. Но только оставлением молитвы и прекращением посещения храма дело не кончается. Скоро после такого решения ты станешь своевольным, упрямым, недовольным, капризным, жестоким, насмешливым, подчеркнуто холодным к чужому горю, в особенности к тому самому горю, которое причинит близким перемена твоего характера. И все доброе, чему тебя учила церковная жизнь, ты бросишь и забудешь в один миг. Не страшно ли тебе такое?

На старших можно не обратить внимания, переживут, им не впервые. Но отрезать от своей души столько добрых впечатлений, потерять доверие очень немногих, но близких и достойных людей в обмен на расположение к тебе людей пустых или вовсе чуждых – стоит ли идти на это?

Припомни, как случалось, молитва твоя, еще детская, была услышана. Припомни, как Господь помогал тебе, исполняя даже детские, вроде бы несерьезные прошения. Как светло было и на душе, и в храме! Ты ведь чувствовал, что Бог рядом и слышит тебя, что Он всегда поможет тебе в трудную минуту. А каково

все это потерять! Помнишь сказку Андерсена про снежную королеву? Ведь она не только для детей написана. Это для тех взрослых, которым уже попал осколок дьявольского зеркала и в сердце, и в глаз, которые посидели в царстве льда, складывая из своих ледяных мыслей слово «вечность», – и конечно, не имели ни малейшего успеха в этом занятии. Но потом молитвенные слезы (сначала сестрины, материны, а потом и свои) растопили у них сердечную льдину, промыли глаза, и в одно мгновение слово «вечность» сложилось само собою. Вернувшись из ледяного дворца домой, они прочли в бабушкином Евангелии слова Христовы: *Если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное* (Мф.18:3).

Вот таким-то детям хорошо и вовремя читать такие сказки. Они узнают самих себя. Но посмотри, какое это редкое счастье – обращение в самых ледяных чертогах мира сего, ненавидящего Господа. Сколько юных сердец, окаменевши по безпечности, не оттаяли уже никогда! Найдется ли такая Герда, которая пойдет извлекать тебя из этой холодной мрачной глубины и у которой хватит слез растопить твоё сердце!

А даже если такая душа на свете найдется, будет ли толк от ее трудов и слез, которые ты будешь отвергать спокойно и жестоко? Не вы, а мы – видим этих матерей, все глаза проплакавших о своих детях. Видим и то, как эти дети постоянно швыряют в эти горячие сердца свои грязные льдышки.

Приди когда-нибудь, если будет возможность, к часовне блаженной Ксении в Петербурге на Смоленском кладбище. Лучше в будний день и еще до открытия, пока нет ни шума, ни очереди у свечного ящика. Посмотри на людей, которых там застанешь. Наверняка ты встретишь там такую же Герду, борющуюся за чужую по духу и родную по крови душу. Сильна ее молитва, а у самой блаженной Ксении еще сильнее, но растопят ли они вместе этот айсберг в чем-то сердце – не знаю...

Как нетрудно сломать, испортить любую вещь – всегда проще, чем ее сделать. А осквернить, опоганить собственную

душу – гораздо легче. Как же трудно потом восстановить ее!

Если сказанное западет тебе на еще живое, теплое сердечко, то прошу тебя, помолись Господу и попроси, чтобы помог тебе сохранить его таким, чтобы сделал сердце твое еще и преданным, и любящим, чтобы даровал, укрепил, сохранил твою веру, чтобы поддержал ее Своею благодатью. Помолись просто своими словами, как уж получится, лишь бы искренне и горячо. Бог непременно услышит и ответит тебе в подходящее время. Каков будет этот ответ – знает пока только Он, а вскоре узнаешь и ты. И тогда все сказанное здесь станет тебе яснее и нагляднее.

## Необходимые предостережения

Теперь необходимо сделать тебе целый ряд важных предупреждений, касательно любых духовных переживаний. Здесь прошу твоего особенного внимания, чтобы все сказанное в этой главе, будучи неправильно понято, не принесло бы тебе вреда вместо пользы.

Свое обращение ко Господу необходимо закрепить говением, исповедью и причащением. Надеюсь, что подготовка к исповеди и причащению для тебя уже не новость, ты и сам знаешь, что нужно для этого делать. Но в этот раз все должно пройти с гораздо большим духовным подъемом, чем обычно. Эта исповедь и причащение будут как бы началом исполнения твоего обета верности, данного Господу.

Имей в виду, что внутренний мир человека очень сложен. Духовное с душевным тесно связано, и мы не всегда можем разобраться в своих переживаниях и ощущениях: душевные они или духовные, от нас ли самих, от Бога или от бесов происходят. Помни, что диавол не дремлет, ищет твоей гибели. И фантазия у него очень богатая: и во сне и наяву может так закружить наше воображение, что мы и не отличим его картинок от благодатного видения. Чтобы этого не случилось, прими такие меры. Прежде всего, хорошенько запомни и затверди себе: даже если бы встретился ты лицом к лицу с Самим Господом, побеседовал с Ним, это вовсе не значит, что ты уже спасен и попадешь в рай. Ты ощутил Божественную благодать – помни, что практически все обратившиеся ко Христу принимали ее, а потом некоторые из них вновь отпадали от веры и церкви. Чем ты лучше других? Ничем. Ты в той же самой опасности вечной гибели, что и прежде, только видишь путь истины и имеешь надежду на спасение. Но все это еще не в твоих руках.

Иногда благодать, вызывающую обращение ко Христу, именуют предваряющей в том смысле, что ею Бог лишь совне касается нашего сердца. Спасение же наше совершается лишь тогда, когда благодать станет нашим собственным достоянием,

когда наша душа станет настолько чиста и светла, чтобы обладать ею. Но и живущая в такой чистой душе благодать не принуждает свободного произволения человека. Даже такой почти святой человек имеет возможность отпасть от благодати и навеки погибнуть. Пока живем на земле, никуда не исчезает опасность ада.

Предваряющая благодать подается и вне Православной Церкви. И там случаются очень горячие обращения к вере во Христа. А вот что будет дальше? Ведь нужна правильная духовная жизнь, нужно очищение сердца от страстей. Это целая наука, правильно понимаемая и хранимая лишь в Православии. Если бы дело кончалось только обращением ко Христу, в рай никто бы и не попал.

Диавол всячески старается прельстить обратившегося к Богу. Одним он внушает, что все уже сделано, спасение наше уже при нас, нужно только не сделать каких-то страшных преступлений и все будет хорошо. Таково прельщение многих протестантов.

У других враг разжигает желание почаще повторять счастливые, восторженные чувства своего обращения. Люди так желают этих духовных восторгов, не очистив сердце от страстей, что пытаются вызывать их искусственно с помощью разгоряченного воображения. И диавол охотно рисует им всевозможные живописные картины, являясь регулярно в виде разных святых, Божией Матери или Самого Христа, беседует с доверившимися ему подолгу, ублажает их, подает им чисто душевные утешения вместо духовных. И человек, полагая себя близким другом Божиим, впадает в страшную гордость и самомнение. Православные Отцы такое состояние называют прелестью. Такова по большей части мистика католиков и некоторых из наиболее «духовных» протестантов.

Что же касается нашего обращения, то первые переживания, скорее всего, от Бога. Врагу нет смысла способствовать нашему выходу из чисто плотских и душевных ощущений, ему незачем показывать нам духовный мир. Когда же по милости Божией и мы коснулись впервые предметов

духовных, тут-то он и старается перехватить инициативу и всю духовную нашу жизнь подчинить себе.

Это подобно тому, как до пришествия в мир Иисуса Христа не было сколько-нибудь заметных личностей, выдававших себя за Мессию. После же Его пришествия такие появляются чуть ли не каждый век, а в наши дни этих самозванцев живет и действует несколько человек одновременно. Одни называют себя христами, другие утешителями (ссылаясь на иного Утешителя – Духа Святого, о Котором предсказывал Христос), есть и такая дама, которая ощущает в себе две души: и Христа, и Богородицы. Эти личности даже внешность свою подделывают под узнаваемые на иконах изображения. На самом-то деле, если вдуматься, все это обилие лжехристов должно убеждать нормального человека в том, что единственно истинным из них мог быть только Первый – Иисус Христос, а все остальные – лишь диавольские, актерские подделки под Него.

Вот и наши духовные ощущения первый раз были настоящими, но если мы будем невнимательны, горды, духовно-сластолюбивы, если не придем к глубокому покаянию, то рискуем оказаться в том или ином состоянии прелести, ложной духовности. Вот почему так важна после обращения подробная, прочувствованная исповедь и вовсе неуместны после него самоуспокоенность и кичение в сердце.

Итак, осознав и запомнив, что благодатным посещением нельзя гордиться, ни в коем случае не ищи такого же переживания вторично, не проси об этом Господа в молитве. Если действительно благодать посетила тебя, то верный признак этого – ощущение собственной нечистоты, отвратительной, мерзкой, совершенно чуждой тому свету, благу и теплу, которые пришли к душе совне. Возникает и спасительный страх за свою вечную участь. Это признаки добрые. Но о них нельзя позабыть, оставляя в памяти лишь утешение.

Духовная радость, подаваемая нам Христом в момент обращения, не есть Его главная цель. Ему важно пробудить нашу совесть, чтобы мы стали на Его сторону своим произволением и дальше стремились бы идти к Нему. Не ищи

же «хорошего настроения», а добивайся именно поворота произволения. «Хорошее настроение» без очищения души бесы создадут тебе запросто, только бы ты не думал о покаянии и воображал себя духовным. Между тем покаяние и благодушное терпение в этой жизни скорбей как наказаний за грехи, – вот что необходимо душам нашим больше чем всякие утешения, в том числе духовные. Для утешений нам отведена целая вечность, а для скорбей лишь краткое земное странствие.

Во избежание тонкого и незаметного надмения, не спеши рассказывать о своих духовных ощущениях никому, даже самому близкому человеку. Духовнику же следует рассказать о самом факте обращения и, конечно, ответить на его вопросы. Есть такие тайники духа, куда кроме Бога никого пускать не нужно. Храни воспоминание своего обращения всю жизнь, как невеста во все время разлуки с женихом хранит его портрет в самом сокровенном месте. Никогда не забывай, к чему обязывает нас такое Божественное посещение.

Став старше. Бог даст, прочтешь книги православных Отцов-мистиков: Григория Богослова, Макария Египетского, Симеона Нового Богослова, Максима Исповедника, Григория Паламы. Сравнив их писания со своим духовным опытом, ты узнаешь в себе лишь малую часть того, что пережили они. Их опыт духовных откровений и созерцаний неизмеримо богаче нашего с тобою. И все они предупредят тебя об опасностях диавольского обмана и прельщения, все дружно будут говорить о необходимости покаяния и очищения сердца.

## Самоощущение христианина

Итак, мы вплотную подошли с тобою к тому моменту, откуда обычно начинают святые Отцы свои аскетические наставления.

Все они обращаются к человеку, которого уже не нужно убеждать в необходимости особых усилий для достижения Царства Небесного, или, как их обычно называют, аскетических подвигов. Такой человек, получив первое опытное познание будущих вечных благ, и самого себя воспринимает уже по-новому. Иными словами, у обратившегося к Богу возникает **самоощущение христианина**.

Если бы тебя спросили раньше: ты кто? – ты ответил бы: я ученик, или сын таких-то родителей, или, положим, русский человек, или болельщик такой-то футбольной команды. Человек отвечает на такой вопрос всегда в зависимости от того, чем сам он выделяет свою личность среди других людей.

И вот настает для тебя такой момент, когда хотя бы самому себе на такой вопрос ты ответишь не задумываясь: я – христианин! И от всего сердца повторишь слова церковных песнопений: Христос моя сила, Бог и Господь! Ты моя крепость, Господи, Ты моя и сила, Ты мой Бог, Ты мое радование. Вся жизнь, вся надежда моей души – в Нем одном.

Потом уже на второй вопрос: а еще кто ты? – ты скажешь свое имя, назовешь своих родителей, национальность и так далее. Но первое и главное: я – христианин! -будет всегда неизмеримо выше всего.

Какое подлинно великое и славное имя! В скольких житиях мучеников оно звучит в устах страдальцев как победная песнь и горячее исповедание. Скажи от всего сердца: я – христианин, и вот Сам Христос близ тебя со Своей всемогущею помощью. *Во Христа крестившись, мы во Христа облеклись (Гал.3:27)*. Оживают и для меня эти странные на первый взгляд слова Апостола: *Испытывайте самих себя, в вере ли вы; самих себя исследывайте. Или вы не знаете самих себя, что Иисус Христос в вас? Разве только вы не то, чем должны быть (2Кор.13:5)*.

Я – христианин! Уже не диаволу принадлежу, не миру, во зле лежащему. Христос умер и за меня. И меня Он призвал к участию в Воскресении Своем. Но пока я разлучен с Ним. Он посетил, призвал меня к Себе, но между мною и Им стена моих грехов, моя падшая природа, все скопище моих греховных страстей. Я еще по эту сторону всеобщей человеческой смерти, но уже имею в себе залог будущей вечной жизни. Ведь я – христианин!

Доселе я даже не знал, кто я, зачем живу, зачем мне даны сознание, разум, сердце, что ожидает меня после краткой земной жизни. Эти вопросы прежде и не возникали во мне. Жизнь для меня пестрела лишь игрушечными блестками мелких удовольствий, и очень скоро они должны были превратиться в пустоту, тоску, безотрадность. Этого не произошло, ведь я – христианин!

И пусть многие люди не поймут меня, не имея того сокровища, которое дано мне теперь. Они столь же несчастны, как и я был несчастлив еще совсем недавно. Жаль, что они этого не видят, но пусть даже они ожесточатся против меня, как восстали и против Господа моего, – они никогда не смогут отобрать у меня сокровища, дарованного мне Спасителем моим. Ведь теперь я – христианин.

Как приблизиться к Нему, как сделать душу свою способною воспринимать Его чудный свет и не опаляться им? Конечно, большую часть этого дела совершит Его благодать, но что требуется от нас? Об этом и пойдет речь дальше.

Теперь же важно, что поворот нашей жизни обозначился, мы знаем цель своей жизни и в ней черпаем себе силы и утешение.

...Как же все-таки хорошо, что теперь и ты – христианин!

## Глава 4. Мір и удаление христианина от него

В час обращения ко Христу ты увидел свою душу, освещенную Его светом, и ужаснулся, как она грязна и как нуждается в очищении. В ней оказалось такое множество греховных, гадких или просто лишних, сорных мыслей, чувств, желаний. И все они подлежат удалению. До обращения душа наша не представляла для нас интереса, а потому превратилась в проходной двор для демонов. Мы в ней сами не были хозяевами, а только пользовались ею. И самой душе хотелось стать на положенное ей место: подчиняться духу и властвовать над телом. Но дух не мог ею командовать, а тело не желало ей повиноваться. Теперь же правильный естественный порядок может начать восстанавливаться.

Христос хочет превратить тебя в Своего раба, сына и друга. Первый шаг на этом пути Он уже сделал, начав с самого святилища духа твоего. Он приоткрыл тебе Свою милость, возбудил совесть, даровал тебе самосознание христианина и решимость быть им. Теперь дух твой уже с христианской точки зрения смотрит на душу и тело и видит их полное расстройство и болезненность. Вся душа, как некая сплошная гнойная рана, на которой почти нет живого места, принесена теперь в лечебницу Христову на исцеление. И коль скоро речь зашла о лечебнице, то первое ее свойство и требование к ней – чистота. Так и душа никогда не станет внутренне чистою, если прежде не очистить все внешние входы ее, если не перекрыть сначала все внешние питательные источники, из которых питаются мучащие душу греховные страсти.

Больному телу часто прописывается диета. Больной душе она еще более необходима. Душа и тело могут быть исцелены только при условии всестороннего воздержания, прежде всего – удалением себя от греховных соблазнов и мірского образа жизни.

## Аскетическое понятие мира

Что такое «мір» в святоотеческом понимании? Это слово следует отличать от слова «мир», означающего дружбу, согласие, отсутствие вражды. В дореволюционной орфографии эти слова, как видишь, даже пишутся по-разному, хотя произносятся одинаково. Но и само слово «мір», отличаясь от «мира», имеет не одно значение. Оно означает всю тварь, созданную Богом и оскверненную грехом человека. Оно же означает и человеческое общество в совокупности. Оно же означает общество людей, не являющихся христианами и окружающих Христову Церковь. Кроме того, оно же означает и совокупность понятий, интересов и правил жизни, господствующих в обществе безбожном и проникающих в душу христианина.

От міра в последнем понимании этого слова нам и должно удаляться.

Обратим внимание, что одно и то же слово взято для обозначения двух понятий: и всего сообщества людей и всего собрания страстей. Случайно ли это? Нет, ибо на протяжении всей истории человечества большинство в обществе служило не Богу, а своим греховным намерениям и страстям, возведенным в правила жизни и противопоставленным Божиим заповедям. Верные же Господу почти всегда оказывались в меньшинстве и собственно к ним применялось выражение: люди не от міра сего (Ин.8и 18, 36).

Исключение составляют, впрочем, времена, когда православная вера была господствующей в государстве и обществе. Тогда целые народы стали христианскими, а общественные нравы глубоко пропитались христианскими началами. И это, конечно, были благословенные времена, принесшие в небесную Церковь великое множество спасенных душ. Но и тогда истинно верные Христу, служившие Ему от всего сердца, отмечали в своих согражданах холодность и лицемерие, объясняемые господством в них мірского противобожного духа. Именно в те времена многие истинные

рабы Божии удалились от міра в пустыни и горы, в поисках подлинного, не возмущаемого соблазнами служения Господу.

Можно и иначе пояснить, почему одно и то же слово обозначает и общество людей и совокупность страстей. У людей мирских и интересы в мире сем, они касаются лишь предметов земных, временных, преходящих. У христиан же главная цель и смысл существования не в этом мире, не на земле, а за его пределами – в вечности, почему они и именуются *не от міра сего*.

Каким бы ни был мир во времена христианского царства, но нам важнее (и гораздо проще) понять, каков он теперь. Мір тогдашний был сложен, непостоянен, изменчив в своем отношении ко Христу. А ныне уже нет места оценкам половинчатым: мір сей Богу прямо враждебен. Будучи когда-то воспитан на христианских понятиях о смирении, милосердии, честности, безкорыстии, благородстве (или, по меньшей мере, испытал глубокое влияние сих начал), он в целом добровольно отказался от них, а прежде, конечно, отрекся от Самого Того, Кто принес в языческий погибающий мір эти высокие благородные начала.

Нынешний мір враждебен Христу уже не по неведению, а по сознательному отказу, отступлению от Него. Само собою понятно, что такой отказ еще хуже, чем древнее дохристианское незнание и заблуждение.

Особо следует сказать о нынешнем духовном состоянии нашего отечества. О, если бы ты мог себе представить, насколько оно в самом деле ужасно! Православный русский народ практически полностью перемолот в долголетней большевицкой мясорубке. Остатки его, сохранившие еще православное сознание, вымирают как в России, так и за границу, зачастую не успев преемственно передать свою традицию, свой духовный опыт нынешнему поколению. Обращающиеся ко Христу в наше время русские люди вынуждены преодолевать крепко вбитое в умы и сердца наследие советчины и, кроме того, активно навязываемые ныне народу гуманистические идеи Запада. Поэтому возвращение к

православным истокам удастся лишь немногим и с большим трудом, если удастся вообще.

Мир, враждебный Христу, технически переоснастился, вооружился такими средствами воздействия на общественное сознание, которых наши предки не знали. И если тогда им было трудно противостоять мирскому духу, то что же теперь! Главным средством, формирующим сознание людей, воспитывающим не только ум, но и сердце, стало телевидение и радио. Ими владеют крупнейшие банкиры, которые на разграблении нашей страны сделали себе фантастически огромные состояния. Христа лично и Православие в особенности они ненавидят по своей старой национально-религиозной традиции. Чему они смогут нас научить?

Вдобавок они не вполне самостоятельны, а связаны со своими международными коллегами, которые финансировали большевиков в революцию, которые сделали все для уничтожения нашей Церкви и Родины. Теперь же, когда наша страна проиграла долголетнее противостояние Западу – экономическое, военное, идеологическое – мы попали под колониальную зависимость от этих самых финансовых хозяев мира. Кроме старой иудейской ненависти ко Христу и Его последователям, они руководствуются в своей политике огромным экономическим интересом к нашей стране. Население России (благодаря революциям, репрессиям да коллективизациям) к настоящему времени равно населению Японии. Огромная богатая земля, на которой живем мы с тобою и фактом своего существования мешаем им пользоваться этими богатствами в полной мере.

Поэтому, естественно, в их планах будущего мирового порядка нет места русскому народу. Он должен быть уничтожен. Тихо и эффективно это можно сделать при помощи телевидения, насаждающего массовый разврат, а также при помощи искусственно созданных социально-экономических трудностей: безработицы, бедности, преступности, наркомании, пьянства и т. п.

Уничтожение нашего народа, как этнической и духовной единицы, ведется совершенно сознательно. Ни одно

нормальное правительство не допускает у себя в стране такого попустительства наркомании, алкоголизму, порнографии, абортам, «планированию семьи» в сторону ее сокращения. У нас это все делается, потому что мы страна не свободная, а проигравшая войну и планомерно очищаемая от коренного населения. Так поступают только с побежденными государствами и народами.

К примеру, в Америке правительством вот уже несколько лет проводится в школах работа по воспитанию у юношества половой воздержанности, проповедуется единобрачие, осуждаются аборты и извращения. На эти цели государство тратит весьма солидные деньги. Уровень религиозности американских школьников по недавним опросам оказался неожиданно высоким. Ведь и в школах у них преподается не только атеистический, но и христианский взгляд на мир и человека. Так поступает разумное правительство самостоятельной страны, но поступает так – у себя дома. К нам, как видишь, мерки совсем другие.

Все это отступление от темы сказано тебе вовсе не для зависти или ненависти. За американских школьников, имеющих возможность в школе научиться хотя бы неполной и искаженной вере во Христа, можно только порадоваться. Но при этом нужно верно и глубоко осознать, кто, зачем и как формирует общественное сознание в нашей стране, чтобы всеми силами сопротивляться этому ядовитому мирскому влиянию.

Что могут нынешние оппозиционные, патриотические голоса противопоставить телевизионной монополии банкиров на умы и сердца? Чтобы получить голос в нынешнем российском информационном поле, нужно каким-то образом «вписаться» в рамки, заданные хозяевами этого поля. Поэтому всей правды и от оппозиции практически не слышно. Увы, и патриоты большей частью рассуждают в понятиях мира сего, ищут только земного блага для своего отечества. Да и всегда ли для него, а не для самих себя?

Наконец, в наши дни иные церковные деятели направляют свои усилия на дружбу и сотрудничество с сильными мира сего, на тесные экономические связи с ними, а вовсе не на проповедь

какой-либо «неотмирности» для своих чад. Все это привело к тому, что православный христианин, *ищущий Царства Божия и правды Его* (Мф.6:33), стал редкостью не только в обществе, но даже в православном храме.

Между тем единственно возможное, физически доступное средство выхода из такого положения состояло бы в уничтожении развратного информационно-идеологического влияния в нашей стране. Патриоты оказались не в силах захватить останкинскую башню, и многие сложили головы под ее стенами осенью 1993 года. Но мы в силах уничтожить останкинский филиал в своей квартире – выключить собственный телевизор. И поверь, что если бы это сделало большинство русских людей, если бы они не пошли в пивные, на дискотеки, в публичные дома, в секты и другие непотребные места, если бы пожалели отдавать свои копейки на развратные видеокассеты и на газеты тех же банкиров – вот тогда наша страна жила бы совсем по-другому. Вся власть духовных поработителей стоит **только** на нашей греховной привязанности к миру сему.

А пока для христианина первая задача на его тесном пути – суметь не поддаваться общему лицемерию, плотскому мудрованию и поиску благ земных, жить не так, как живет большинство. Христианин современный неизбежно будет ощущать трагическое одиночество в мире сем, иногда скрашиваемое лишь немногими единомышленниками, также избегающими мирского духа.

## Библейское наставление об уклонении от мира (Ветхий Завет)

Что же заповедуют нам Священное Писание, святые Отцы, здравый смысл и собственный опыт? Вот первая благодать посетила и нас, мы обещались Христу, вверились Ему, хотим идти за Ним и сохранить Его дар. Следует прислушаться, сколь много говорят и Сам Спаситель, и Его пророки, и апостолы о необходимости удаления от мирских безбожных обычаев и сообществ, причем поставляют они это главной необходимостью.

В первой же книге Библии мы читаем, что как только возникло общество людей, появилась и необходимость его разделения. Первый братоубийца Каин был изгнан с сестрой-женою и положил начало особому нечестивому народу, потомки которого именуются *сынами человеческими*. Остальные же потомки Адамовы, именуемые *сынами Божиими*, не отпадали в такое нечестие и жили обособленно. Так продолжалось около тысячи лет, во всяком случае до смерти самого Адама. Потом Бытописатель прямо говорит, отчего произошло всеобщее развращение в роде людском: оттого, что *сыны Божии* переженились на дочерях человеческих, позабыв свою обособленность. В этих браках рождались исполины, которые в отличие от чахлах потомков трясущегося Каина имели здоровье, телесные и душевные силы *сынов Божиих*, а направили эти силы и способности на нечестивые дела *сынов человеческих*. Эти страшные человеческие «гибриды» наполнили землю такими злодействами и беззакониями, что Богу ничего не оставалось, кроме как истребить их потопом. При этом Бог избрал, отделил от этого нечестивого мира праведного Ноя и семью его, которых спас в ковчеге и от которых произвел новый род человеков.

Благочестие Ноя иссякло в нескольких поколениях его потомков, и если бы они совместно затеяли какое-нибудь общее дело, то, зная их природу, можно заранее предположить, что оно было бы направлено не на добро. Так и получилось.

Деянием всего человечества стала Вавилонская башня – памятник собственной гордости и безбожию. И опять Господь разводит людей в разные стороны, чтобы живущие еще более-менее благочестиво могли сохранить свои добрые нравы, не перенимая злых. Ведь арифметика человеческого греха немного необычна: добрый пример † злой пример совместное злодейство. Среднее между добрым и злым воспитанием не есть полудобро, а именно зло, если не сказать двойное зло.

Поэтому постоянным делом Бога-Промыслителя во всю историю Ветхого Завета стало отделять праведников от нечестивых, которых всегда оказывалось больше. Ибо человеческая природа поражена грехом, ей проще и удобнее всегда выбирать зло. *Всяк помышляет в сердце своем на злая во вся дни* (Быт.6и 8, 21). Эти слова Бог повторяет дважды: до и после потопа во объяснение Своих промыслительных действий.

Среди нечестивого большинства Бог избирает праведного Авраама и велит ему выйти из своего отечества. Он не повелевает праведнику бороться с нечестивыми, убивать их, но велит просто жить отдельно. Так Он поступает и с Лотом, изводя его из развратного Содома, который наказывает огненным дождем. Так поступает Бог и далее, предпочитая Исаака Измаилу, а Иакова Исаву. Так заботится Он об избранном племени, в котором еще хранится ведение Единого Бога, выводя это племя из сообщества нечестивых: сначала из Халдеи в Палестину, затем оттуда в Египет и обратно. Все эти перемещения имели лишь одну цель: поселить этот народ более-менее независимо и обособленно, чтобы не перенимал он мерзкие идолослужения и нравы окружающих племен.

Выведя израильтян из Египта, Господь очистил этот народ сорокалетним блужданием в пустыне. Он не хотел, чтобы люди, развращенные психологией сытого египетского рабства, донесли свои нравы до земли обетованной и передали их потомству. И действительно, эти ропотники, хулители Божией воли вымерли за годы блужданий. В самой Палестине многократно повелевал Господь Своим избранным жить отдельно, даже попускал им истребить множество язычников. Общение с язычниками всегда очень быстро приводило

израильтян к забвению Бога и отпадению в идолослужение и потому было большим злом в сравнении даже с жестокостями войны. Израиль же постоянно противился в этом Богу, постоянно изменял Ему и отпадал в идолопоклонство, перенимая и прочие отвратительные нравы язычников. Вновь отделяет Господь два относительно еще благочестивых колена, создавая им Иудейское царство, отделенное от прочего Израиля, чтоб хотя бы в этом малом царстве сохранить остатки верных.

Когда и это не помогает, согрешивший народ попадает в тяжкий плен вавилонский. Господь и там повторяет нечто подобное «пустынному очищению» от скверн египетских. За семьдесят лет в этом плену вымирают духовные блудодеи, а остальным предоставляется возможность вернуться на свою родину и отстроить храм. На этот трудный путь встают не все, а лишь лучшие, остальные же предпочитают сытную спокойную жизнь Божиему избранию. Таким образом. Господь совершает очередное разделительное действие.

Мы еще не вспомнили о том, что за все время этой истории Бог постоянно избирает из народа Своего пророков, возвещающих волю Его, и им также заповедует совершенно отдельный образ жизни.

Видишь ли теперь смысл этого длительного процесса, который принято именовать библейской или священной историей? Постоянный выбор, затем выбор из выбранного, постоянное отделение благочестивых (или хотя бы не безнадежно развратных) от всех остальных – безнадежных в духовном плане людей. Главный же итог всего этого многократного ветхозаветного выбора – Препоблагословенная Дева, от Которой воплощается Спаситель, и те ученики, которых Он избирает и соделывает основанием Своей новой Церкви, нового избранного народа Своего. Кто поверил их проповеди о смерти и Воскресении Иисуса Христа, тот получает Божие избрание, остальным же израильтянам выносится приговор отвержения: *Се, оставляется вам дом ваш пуст (Мф.23:38).*

Мы скажем чуть ниже, что заповедуют нам Христос и апостолы относительно мира, окружающего Церковь, а пока

закончим ветхозаветные свидетельства на эту тему, но уже не из исторических книг, а из нравоучительных.

Помнишь ли, с чего начинается Псалтирь, первый стих первого псалма? *Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых, и на пути грешных не ста, и на седалищи губителей не седе.* Это первая строка, начало начал всякой добродетели.

С чего начинается Книга Притчей Соломоновых? После краткого введения мы читаем в первой же главе: *Сын мой! если будут склонять тебя грешники, не соглашайся; если будут говорить: «иди с нами, сделаем засаду для убийства, подстережем непорочного без вины... жребий твой ты будешь бросать вместе с нами, склад один будет у всех нас», – сын мой! не ходи в путь с ними, удержи ногу твою от стези их, потому что ноги их бегут ко злу и спешат на пролитие крови* (Притч.1:10–16).

Не слишком уж сложное наставление, но оно идет самым первым. Если юноша не смог преодолеть такое искушение со стороны нечестивых людей, всю прочую премудрость в него не вложить и никакой добродетели его не обучить. Конченный будет человек!

И не стоит думать, что это наставление не имеет прямого отношения к нам с тобою. Против какого праведника замышляют засаду и убийство человеки мира сего? Не против ли Того Самого, Который совсем недавно посетил твою душу? По их прихотям Ему не должно более жить в душе твоей. Там они и уготовляют Ему убийство. Пусть, решили они, живет где-нибудь, только не в твоей душе. Это не образное сравнение, это сущая правда, ужасная правда о нашей духовной жизни! *Сын мой! не соглашайся!*

С чего начинается Книга Екклесиаста? Опять же с размышлений о суете мирской, о пустоте всех земных дел человеческих, о том, что в них нет ничего вечного и постоянного, а потому достойного того, чтобы посвятить им свою душу и сердце. И кончается она так: *Выслушаем сущность всего: бойся Бога и заповеди Его соблюдай, потому что в этом – всё*

*для человека, ибо всякое дело Бог приведет на суд, и все тайное, хорошо ли оно или худо (Еккл.12:13).*

## Новозаветные наставления на ту же тему

Послушаем теперь, чему учит Христос Своих учеников. Вот Его слова, сказанные названным братьям, которые еще не уверовали в Него: *Вас мир не может ненавидеть, а Меня ненавидит, потому что Я свидетельствую о нем, что дела его злы (Ин.7:7)*. На последней Тайной вечери с учениками, уже уверовавшими в Него, говорит немного иначе: *Если мир вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел. Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое; а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир (Ин.15:18–19)*.

Из сопоставления этих двух изречений видно, что чем ближе человек ко Христу, тем меньше у него общего с миром, который постепенно возненавидит любого верующего христианина.

В другой раз Спаситель сказал фарисеям: *Вы выказываете себя праведниками пред людьми, но Бог знает сердца ваши, ибо что высоко у людей, то мерзость пред Богом (Лк.16:15)*. Что же высоко у людей? То самое, что ценит мир безбожный: слава, богатство, напускная добродетель, лицемерное богопочитание.

Потому, как свидетельствует евангелист Иоанн о пришествии Мессии, *мир чрез Него начал быть, и мир Его не познал (Ин.1:10)*.

Что же заповедал Господь Своему малому стаду, которое Он избрал от мира? Уклониться от духа этого мира, перенести гонения от него, но при этом и просветить его, избрать из него тех, кто уверует.

Евангельское наставление продолжили апостолы. В самый день Сошествия на них Святого Духа апостол Петр учит уверовавших в Воскресшего Христа: *Спасайтесь от рода сего развращенного (Деян.2:40)*, понимая под этим родом неверующих в Господа.

Эта же мысль встречается постоянно в посланиях апостолов. Так, святой Иаков, нареченный брат Господень,

пишет: *Прелюбодеи и прелюбодейцы! не знаете ли, что дружба с миром есть вражда против Бога? Итак, кто хочет быть другом миру, тот становится врагом Богу (Иак.4:4)*. Здесь не было речи о каких-то супружеских изменах, поэтому слово прелюбодеи относится просто к миролюбцам, которые, любя мир, изменяют своему Богу, своему христианскому имени.

Не менее категоричен и святой Иоанн: *Не любите міра, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей. Ибо всё, что в мірѣ похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от міра сего. И мир проходит, и похоть его, а исполняющий волю Божию пребывает вовек (1Ин.2:15–17)*. Похоть плоти, похоть очей и гордость житейская суть основные страсти, удобно поддерживаемые и развиваемые жизнью по правилам міра. Сюда можно отнести и блуд, и сребролюбие, и чревоугодие (похоть плоти), постоянное рассеяние и окамененное нечувствие (похоть очей), тщеславие и честолюбие (гордость житейская в отличие от гордости духовной). Без отречения от міра никому не освободить своего сердца от этих страстей.

Апостол Павел также постоянно делает различие между *внутренними* (Церковью) и *внешними* (міром) и велит устраниваться от соблазнительных примеров: *Я писал вам в послании – не сообщаться с блудниками; впрочем не вообще с блудниками міра сего, или лихоимцами, или хищниками, или идолослужителями, ибо иначе надлежало бы вам выйти из міра сего. Но я писал вам не сообщаться с тем, кто, называясь братом, остается блудником, или лихоимцем, или идолослужителем или злоречивым, или пьяницею, или хищником; с таким даже и не есть вместе (1Кор.5:9–11)*. Имеется в виду, что контакты с блудниками міра сего поневоле остаются, но на самом поверхностном уровне: соседских, торговых, совместных рабочих отношений. Там же где предполагается общение тесное, душевное, братское, – а именно в Церкви – там явно греховные соблазнительные примеры совершенно нетерпимы и недопустимы. Они подлежат общему осуждению и либо врачуются покаянием, либо носители

их изгоняются, чтобы дурной пример через общее попустительство не заразил многих.

В другом месте апостол Павел высказывается еще короче и прямее: *Не обманывайтесь: худые сообщества развращают добрые нравы (1Кор.15:33)*. И еще: *Не преклоняйтесь под чужое ярмо с неверными, ибо какое общение праведности с беззаконием? Что общего у света со тьмою?* – и продолжает словами пророка Исаии: – *И потому выйдете из среды их и отделитесь, говорит Господь, и не прикасайтесь к нечистому; и Я прииму вас (2Кор.6:14–17, Ис.52:11)*. Те же слова повторяет и апостол Иоанн в своем Откровении, когда описывает суд Божий над Вавилонской блудницею, под которою понимается некое церковное сообщество последних времен, пропитавшееся духом міра и полностью изменившее через это Господу: *Выйди от нее, народ Мой, чтобы не участвовать вам в грехах ее и не подвергнуться язвам ее (Откр.18:4)*.

Свидетельства и наставления апостолов на эту тему можно и продолжить. Но мы, ограничившись приведенным, обратим внимание на то, какими людьми и при каком их служении все это сказано. Апостолы не в пустыню бежали, а шли к людям, в мір, в города и селения, проповедовали в больших собраниях и перед иудеями, и перед язычниками. Их первую и прямою задачею было принести миру то спасение, которое даровано человеку Иисусом Христом. И апостолы своею проповедью опять же выделяют спасаемую (желающую спасения, принимающую спасение) часть міра, превращают ее в Церковь Бога Живого, а Церковь эта – не от міра сего, как и говорил Сам Христос о Своих учениках.

## Святоотеческое наставление о мире и современность

Быть может, не стоило приводить всю эту массу свидетельств Писания, если бы удаление от мира было бы лишь некою -составною частью христианского жителства, некой частною заповедью. Но это гораздо больше. Удаление от мира – основа основ. Без этого невозможно не только какое-то духовное и нравственное улучшение человека, но даже просто сохранение христианской веры.

Если мы с тобою не стяжали еще, допустим, кротости, чистоты сердца, не научились правильно молиться, то для нас еще не все потеряно. Мы можем еще, занимаясь всем этим, как-то духовно расти, исправляя свои греховные уродства души. Но если при этом мы не удалимся от мира, будем продолжать жить, как все вокруг, будем ценить и любить то, что ценит и любит безбожное большинство, то в духовном смысле мы не дойдем даже до начальной точки. Ни о какой нашей добродетели, ни о каких духовных приобретениях не может быть и речи, пока образ жизни нашей, наши понятия и вкусы решительно не изменятся.

Что же означает для наших условий удаление от мира? На этот вопрос отвечали в свое время и для своего круга слушателей практически все святые Отцы, аскетические наставники. Мы же выслушаем более внимательно близкого нам по времени святителя Феофана Затворника, обращавшегося в своей проповеди к простым прихожанам.

«Есть удаление от мира телом – это удаление в пустыню. Но есть удаление от мира, не выходя из мира, – удаление от него образом жизни. Первое не всем уместно и не всем под силу; а второе для всех обязательно и всеми должно быть выполнено. И вот к сему-то приглашал нас святой Андрей в своем каноне, когда советовал удалиться в пустыню благозаконием. Итак, брось обычаи мира и всякое твое действие, всякий шаг так совершай, как повелевает благий закон евангельский, и среди мира будешь жить как в пустыне. Между тобою и миром сие

благозаконие станет как стена, из-за которой невиден будет мир. Он и перед глазами у тебя будет, но не для тебя. У міра будут свои чередования изменений, а у тебя свой чин и свои порядки. Он пойдет в театр, а ты в церковь; он будет танцевать, а ты класть поклоны; он будет на гуляньи, а ты дома в уединении; он в празднословии и смехотворстве, а ты в молчании и богохвалении; он в утехах, а ты в трудах; он в чтении пустых романов, а ты в чтении Божия слова и отеческих писаний; он на балах, а ты в беседе с единомысленными или с духовным отцом; он в корыстных расчетах, а ты в самопожертвовании; он в мечтаниях страстных, а ты в богомыслии. И так начертай во всем себе правила и заведи порядки жизни, противоположные обычаям міра, и будешь в мире вне міра, как в пустыне. Ни тебя не будет видно в мире, ни міра в тебе. Ты будешь в мире пустынножитель» (Слова к говеющим о покаянии и причащении, 45).

Итак, от нас требуется изменение порядков жизни на противоположные обычаям міра. Человек, в наши дни искренне пришедший ко Христу, отбрасывает целый ряд ненужных мирских знакомств, привычек, удовольствий и развлечений. Несомненно, накануне обращения он их уже не любил своим сердцем, иначе и само обращение его вряд ли бы состоялось. Но эти мирские узы имеют свойство порабощать нас, опутывать при помощи привычек, и мы держимся ими, даже если и не любим их. Но первая благодать обращения подает нам все необходимые силы, чтобы более-менее просто и безболезненно оторваться от этих уз, только бы мы сами этого захотели.

## Мы в мире и мир в нас

Апостол Павел учит нас своим примером все мирские преимущества, как то: мнение людей, славу, богатство, связи, социальное происхождение и воспитание – ради Христа, по его выражению, *почитать тщетою* или, по-славянски: *вменять в уметы* (Флп.3:8). *Уметы* – значит сор, подметаемый мусор. Вот правильная оценка мирским ценностям и отличиям! И действительно, от них не так сложно избавиться, что и подчеркивает Апостол, употребляя это слово: уметы. Нечто мы должны просто смахнуть со своей жизни, как подметаемый веником мусор. Это относится к телевизору, зрелищам, танцам, безбожным газетам и компаниям безбожных приятелей, к стяжательству вещей и деланию мирской карьеры. Все это, действительно, мусор, с которым, повторим, сравнительно просто расстаться. Но, конечно, тому только человеку, который пережил обращение ко Христу и прикоснулся к жизненным ценностям более высокого порядка.

Гораздо труднее будет расстаться с теми страстями, которые живут в нашем сердце и постоянно порождают в нем мирские привязанности. Изгнать из сердца похоть плоти, похоть очей и гордость житейскую, этих «представителей мира сего» в нашем сердце – вот труд всей жизни, который мало кому еще удастся. Сребролюбие, чревоугодие, праздное любопытство, лень, блудные помыслы будут жить в нас долгое время после того, как мы выключим телевизор и оставим худые знакомства. Но не думай справиться с этими душевными недугами, пока не исполнишь первейших действий, пока не расчистишь хотя бы внешний двор души своей.

Апостол Павел достиг того состояния, когда, по его выражению, *мир для меня распят, и я для мира* (Гал.6:14). Общепринятое святоотеческое объяснение этих слов таково. Мир распят для человека, когда он не живет по-мирски, а человек распят для мира, когда он по-мирски уже не мыслит, не чувствует и не желает, когда ничего мирского в его душе уже не

обретается. Вот тот предел, к которому должно стремиться в отречении от мира.

У сознательно верующих христиан складывается свой особый быт и круг знакомств, свои порядки жизни и темы для бесед. Кстати, знаешь ли, что значит слово «свобода»? Оно означает «свое бытие», то есть особый уклад жизни. Свободен от мира не тот, кто самовольно попирает законы общежития, но тот, чей уклад жизни посвящен Богу.

Преодолевай привязанность мирскую воспоминанием своего обращения. Не потеряй все великую силу этого первотолчка своей веры. Станешь бороться с соблазном таким напоминанием первой полученной благодати, станешь призывать в помощь Господа – получишь по милости Его *благодать воз благодать* (Ин.1:16).

Вероятно, ты слышал житие Марии Египетской. Когда она после своего обращения и покаяния удалилась в пустыню, то не только тяжкие скорби этой уединенной жизни мучили ее, но и жгучая тяга обратно к миру, его пирам и блудам. Но преподобная стойко преодолевала эти искушения. Не помнишь ли, чем именно? – Воспоминанием своего обращения и обета, данного перед иконою Божией Матери в притворе Иерусалимского храма, и, естественно, горячей молитвою. Поступай так и ты.

Поможет тебе в этом и обыкновенный юношеский максимализм и меньшая, чем у зрелых людей, связанность общественным мнением. Мир нас осуждает, это неудивительно, как говорит Апостол, *они и дивятся, что вы не участвуете с ними в том же распутстве, и злословят вас* (1Пет.4:4), но все-таки мы станем жить по своим, христианским понятиям, имея с миром лишь самые внешние, гражданские отношения, но не допуская его до ума и сердца.

## Удаление от мира, гордость и любовь к ближнему

Как бы ни презирали и не оскорбляли нас представители мира за презрение к миру, они непременно станут нас уважать. Впрочем, при одном условии: при отсутствии гордости и превозношения в нашем сердце и в поведении.

Презрение к миру не должно демонстрировать. Везде, где начинается с позы и с фразы, ими обычно и кончается. Неприятие мира должно по мере христианской жизни углубляться в сердце все глубже. А все глубокое не терпит показных проявлений.

Мир обречен, привязанное к нему человечество не увидит жизни вечной. Делать вид, будто мы этого не понимаем, было бы лицемерием. Но когда перед тобой стоит конкретный человек, не рассматривай его, как наследника геенны. Презирай мир как некое абстрактное целое, но конкретного ближнего нам заповедано любить таким, каков уж он есть.

Гуманисты и коммунисты поступают наоборот. Ради блага человечества они постоянно, тихо или громко, убивают конкретного человека. В этом давно замеченное отличие заповеди Христовой от безбожного «человечестволюбия», противоположного настоящему человеколюбию Божию.

Будь особенным (не в наружности, но в общей линии поведения) и при этом не гнушайся никем. В учебе, в труде, в беде (но не в грехе!) помоги всякому: и безбожнику, и недоброжелателю. Только сердце с ними не разделяй, чтобы не остыло и не прилепилось к греху. При длительном соблюдении этих двух условий в сердце начнет расти и укрепляться христианская любовь к ближнему. Пока же для нас доступна лишь малая часть ее, да и ту мы часто оскверняем тщеславием или презрением.

Трудный это путь. Обращение современного молодого христианина зачастую встречает семейное сопротивление. Исполняется слово Христово: *Враги человеку – домашние его* (Мф.10:36). Это – самая тяжкая из всех мирских уз, когда

главные представители мира для нас – наши ближайшие родственники.

Если такая ситуация уже сложилась и в твоей семье, не мечтай, что есть какие-то общие рецепты и решения. Много раз согресишь и в ту, и в другую сторону, и соблазнам поддашься, и ближних несправедливо обидишь, пока-то найдешь золотую середину. Одно утешение здесь: это удел многих современных христиан, ты не одинок на этом пути.

Такие семейно-нравственные проблемы решаются уже частным порядком, но все же нужно сделать общее замечание. Спаситель говорит: *Кто любит отца или мать более нежели Меня, не достоин Меня* (Мф.10:37). Это не просто Его воля, это верно даже по человеческому размышлению. Узы собственного греха еще преодолимы. Узы же греха, закрепленные мирскими узами, гораздо более тяжки.

Когда отвращение от мира лицемеры противопоставят любви к ближнему и тем больно ударят в твою совесть, вспомни пример святого апостола Иоанна Богослова. В юности он был так горяч в своей преданности Иисусу, что Тот Сам дал ему имя Сын громов. Однажды Иоанн встретил некоего человека, изгонявшего бесов именем Господа Иисуса, но не ходившего вслед за апостолами, и запретил ему впредь это делать. Сам Христос не одобрил такого поступка ученика. В другой раз Иоанн предлагал свести с неба огонь на самарян, не принявших Иисуса с учениками, за что также получил порицание от Учителя своего (Лк.9:49–55). Все это было, когда Иоанн был еще юношей.

Затем в зрелом возрасте в своих посланиях Апостол учит всячески избегать общения с людьми порочными и еретиками. А под конец жизни именно он, глубокий старец, узнав, что один из его учеников, возлюбив мирскую жизнь, отпал от веры и стал преступником, – разыскивает его и умоляет покаяться. Грешник от отчаяния и стыда бежит прочь, но Иоанн догоняет его, забыв старость, обещает взять на себя уготованные злодею сему вечные казни, только бы он покался. И тем побеждает сердце ожесточенного юноши, возвращает заблудшую овцу ко Христову стаду. О святой Иоанн! Не ты ли полвека назад собирался

свести огонь на таких людей? Но ты и свел его, только это не пожигающий пламень, как в Содоме, а огонь той чистой Божественной любви, которую ты приобрел с юных лет своей ревностью!

Бывали и другие случаи, когда святые подвижники, давно уже умершие для всего суетного, покидали на краткое время свои пустыни и навещали какое-нибудь греховное пристанище, где прибились их падшие ученики, и таким движением сердец приводили грешников к покаянию и исправлению.

И что говорить о святых, когда и Сам Христос допускал нечистым уста блудниц прикасаться к Его ногам (чему в житиях святых мы не имеем подобных примеров), не говоря уж о совместных трапезах с мытарями и грешниками. Только после этих бесед и трапез мытари и блудницы оставляли свои преступные мирские привязанности, а вовсе не Сам Господь или ученики Его обращались к пути мирскому.

Но поверь, что мы с тобою к этому неспособны, мы еще не знаем, что есть настоящая Божественная любовь, которую Спаситель имел изначально во всем совершенстве, а некоторые из верных учеников и последователей Его достигли лишь под конец жизни многими скорбями. Если бы святой Иоанн не был в двадцать лет Сыном громовым, то к восьмидесяти годам не стал бы и Апостолом любви.

Лукава и обманчива распространенная ныне мысль: ну и что особенного, если я, верующий, не стану отличаться от других, чтобы быть к ним ближе, и возможно, приведу их к вере; не буду вступать с ними ни в какие споры и конфликты, стану жить как они. — Кончится такая любовь не тем, что мытари и блудницы пойдут за Христом, а тем, что ученики Христовы обратятся в мытарей и блудниц. Таков опыт.

На первых порах после обращения нас тянет к «апостольству», хочется со всеми поделиться своим духовным открытием, которое досталось так просто. Но Бог не благословляет этого и почти никогда не дает таким начинаниям успеха. Мир и чада его не поверят ни Христу, ни твоему обращению. Твое духовное приобретение останется для них пустым звуком, пока они не переживут его сами, а это случается

с немногими из них. Нам же заповедано *спасаться от рода сего развращенного* (Деян.2:40).

Потом, после многих скорбей, это придет: твоя молитва и беседа, может быть, станут действенными, приводящими людей ко Господу. Но только сначала нужно, чтобы мир умер в тебе. Пока же самое лучшее, чем мы можем послужить чадам века сего – это не быть похожими на них. Они будут противиться нашей вере, но кое-кого из них мы с Божией помощью переиграем. Это будет не скоро. И десять, и двадцать лет может пройти. Только бы нам остаться верными своему христианскому званию и избранию. И они сдадутся, поймут, что только с виду они богаче, благополучнее, мудрее, лучше понимают жизнь, чем мы. А на самом-то деле все будет наоборот. Сбудутся слова Апостола, для которого мир распят и он для мира *Сокровище сие* (веру и благодать – с. Т.) *мы носим в глиняных сосудах, чтобы преизбыточная сила была приписываема Богу, а не нам. Мы отовсюду притесняемы, но не стеснены; мы в отчаянных обстоятельствах, но не отчаиваемся; мы гонимы, но не оставлены; низлагаемы, но не погибам. Всегда носим в теле мертвость Господа Иисуса,.. чтобы и жизнь Иисусова открылась в смертной плоти нашей* (2Кор.4:7–11).

Не говорю, что мы в этом отношении уподобимся Апостолу: исполнить эти его слова буквально можно только через мученичество или истинное монашество. Но смысл сих слов для нас такой: чем дальше человек от мира, тем нужнее он мирским людям. Всех люби, от всех беги – вот завет преподобного Арсения Великого всем истинным подвижникам. Мир задыхается в своей ограниченности, ему нужны люди не от мира. Кто знает, быть может когда-то и мы пригодимся кому-то именно как христиане, как носители духа иного. Но всему свое время. Нам еще надлежит пострадать сколько-то за свои грехи, научиться оплакивать их, лишь после этого научимся мы сострадать и ближним нашим – конкретным людям, и всей нашей несчастной, разоренной родине.

Входя в свою веру поглубже, ты не раз встретишься с необъяснимым и парадоксальным. Это начинается с самого момента обращения. Как одновременно ощущать бездну греха

своего и чувствовать к себе милость Божию, даже дерзновение перед Ним? Помнишь, мы уже говорили об этом. Как совмещаются эти два несовместимых чувства, знает только духовный опыт.

Подобно и отношение христианина к миру. Как одновременно соединить в одном сердце и отвращение от него и плач о погибающих в нем, горький плач до боли сердечной? Ответ на это словами не высказать, но святые знали это состояние и пребывали в нем. Если не погасишь ревности о славе Божией, если сам не будешь мирским, если избежишь лицемерия века сего, тогда и опытом узнаешь, о чем мы вели разговор.

## Мир переходит и похоть его (1 Ин.2:17)

Временные блага преходящего мира обольщают многих, по крайней мере до тех пор, пока они еще имеются у людей, а те верят в постоянство сих благ. Но ныне наша Россия стала наглядной иллюстрацией недолговечности житейского благополучия: отнялось оно от всей страны, исчезло быстро и безнадежно.

Найдешь ли ты рядом счастливого человека, довольного своей жизнью? Вряд ли. Разве только христианина, который не от мира сего и умеет быть довольным и в пустыне, и в темнице. Посмотри: людям стало жить незачем, а большинству просто не на что. Хозяйство развалено, армия распущена, наука и культура на последнем издыхании. Ни работы, ни заработка и никакого просвета впереди. Живет только мир торговый и преступный. Но в такой стране не позавидуешь и обеспеченным людям. Богатые плачут ничуть не меньше бедных. У них не жизнь, а сплошная борьба за поддержание уровня жизни и постоянный страх за нее. Жизнь каждого из них уже оценена на бандитском рынке и составляет незначительную часть от их состояния. Долго ли продолжится их благополучие, хотя бы внешнее? И можно ли назвать благополучием сытость и комфорт, если постоянными заложниками его являются члены собственной семьи?

Так проходит этот мир и похоть его. Все убегает, все течет между пальцев. Не только смерть (такая дешевка на нынешнем всеобщем рынке жизни!) отберет все, но и задолго до смерти не сумеешь удержать в руках никакого мирского достояния. Имущество уплывает, карьера рушится, друзья изменяют, близкие умирают. И даже те из мирских людей, кто способен перенести все эти невзгоды, вдруг в какой-то момент поражаются жестокой, пронзительной мыслью: да зачем же все это? Зачем я все гоняюсь за тенью и хватаю руками воздух?

Вся страна наша ныне встала перед этим вопросом, от которого уклонялась годами: для чего жить? Можно и теперь уклониться от ответа на какое-то время, вновь увлекшись

грубыми плотскими страстями, развратом и пьянством, но потом вопрос снова встанет. И если бежать от него уже некуда, то есть только два ответа: положительный – стать христианином и соответствовать цели бытия, и отрицательный – покончить с собою.

В юности каждый выбирает свою жизненную дорогу. В нашей юности перед нами было много обманчивых тропинок, а вам теперь мир цинично предлагает только две: в тюрьму или в публичный дом. По мирскому суждению идти нам больше некуда, никто из ста миллионов русского населения для строящегося мирового порядка не нужен, каждый русский труп для его устроителей – вздох облегчения. Но это не значит, что наша жизнь и вовсе безцельна. Есть и узкий путь Христов, хотя, как и предупреждал Господь, немногие его находят, но и отнять его от нас мир не в силах.

Давай же не пойдем по дороге мира, и Бог пропитает нас как-нибудь на его задворках. Нужно только верить нашему Спасителю и Промыслителю, и тогда окажется, что сыны века сего даже со своей житейской точки зрения, даже не думая о вечности, в конце концов вынуждены будут признать правильность пути нашего, а не своего – кривого и гибельного.

## Мір и среда церковная

Ждет тебя и еще одно тяжелое испытание и разочарование. Обитание в церковной среде, жизнь церковным бытом, хотя и необходимы, но вовсе недостаточны, чтобы убежать от мира. Более того, столько мирского духа, сколько в церковной среде, ты еще редко где встретишь. И, конечно, страдать от такого соблазна придется тебе немало.

Может статься, что в церкви ты увидишь стяжательство, тщеславие, карьеризм, лицемерие, зависть, клеветы, дружбу с сильными мира сего ради постыдной корысти и более страшные грехи. Знай про себя, что не так уж мало русских протестантов, католиков, сектантов – жертвы этого тяжкого зрелища. И все же они оказались не правы, отказавшись от Православия.

Пройдет время и ты, быть может, увидишь, как даже пережившие обращение ко Христу, но «застрявшие» в этой церковной системе, ставшие там клириками, семинаристами, старостами, завхозами, духовными чадами официальных старцев, холодеют сердцем, начинают мудрствовать по-земному, по-мирскому, забывают о небесном. Конечно, они заучивают всякие православные фразы, в том числе и о вечности, и об отречении от мира. Но при этом, честно сказать, полагают, что церковь в реальной нашей действительности все-таки начинается с прочной юридической крыши и с экономического фундамента. А цель всей церковной деятельности видят в том, чтобы просто «охватить» ею возможно большее число людей, не вникая при этом в их духовно-нравственное состояние: всех крестить, причастить, повенчать, освятить все рестораны, атомные станции и личные автомобили.

Есть такое выражение: бытие определяет сознание. В глубоком смысле это неверно. Человек все-таки свободен, путь за Христом на Небо или путь по земле в преисподнюю он выбирает сам. Но если он выберет второй путь, то земное бытие действительно определит ему все рамки сознания, все понятия и сердечные привязанности. Когда бытие начнет определять

человеку сознание, то на аскетическом языке это называется греховным рабством. Посмотри, кому на Руси теперь жить хорошо, кто в наибольшей степени предстоит душою в храме мамоны? Не те ли же это лица, которые телом предстоят в храме Божиим? Мамона же прочно «ставит сознание» свое всем с верою приходящим к ней.

Убойся же подражать им. По совету святителя Игнатия Брянчанинова «изучи дух века сего, чтобы по возможности избегнуть влияния его». Характерной чертой этого духа века Святитель именует лицемерие, контраст между формой и содержанием, между словом и жизнью. Ты же *ищи Царствия Божия и правды Его*, а к искушению мирским духом в самой церковной среде приготовься заранее. Его провидел еще апостол Павел, указавший на *людей поврежденного ума, которые думают, будто благочестие служит для прибыли, и велевший удаляться от таких* (1Тим.6:5). Сколь много ныне с виду православных людей во всех сословиях и возрастах на любом уровне образования, которые именно так и понимают цель православного благочестия!

Впрочем, конечно, Православная Церковь по обетованию Христову должна пребыть до скончания века, и пребыть верною. Принадлежит ли к ней **так** живущий «церковный мир»? Где же она? Это непростые вопросы, выходящие за пределы нашей темы – нравственного наставления. Человеку, у которого не слишком искажены нравственные понятия, Сам Господь откроет, где Его Церковь. Прежде нужно уяснить, **что** она собой представляет, **что** основал Христос на земле и **чему** дал именование Церкви. Поняв, **что** мы ищем, проще будет решить, **где** нужно искать, и вообще нужно ли искать. Но это тема отдельной книги, да и не одной.

Пока же довольно и сказанного.

## Глава 5. Воздержание тела, души и чувств

## **Воздержание. Эпикурейство и манихейство**

Мы уже сказали о том, что основа исправления нашего и перехода от жизни плотской, мирской к жизни христианской, духовной есть всестороннее воздержание.

Слава Богу, если дух наш обратился к Нему. Теперь духу следует навести в душе и теле надлежащий порядок. Удаление от мирского образа жизни и оцерковление быта позволяет такой порядок установить.

Наше тело, наши мысли, чувства и желания – это не мусорная свалка, куда можно кидать любые впечатления подряд. Должен быть строгий разбор: что можно, а чего нельзя позволить своему телу, какие потребности его удовлетворить, а каким похотениям отказать. То же касается ума, сердца и воли. В известной мере мы сами должны решать, какие мысли, чувства, желания допустимы в душе, а какие нет; каким впечатлениям можно открывать вход в душу, а каким нельзя. Все это и называется воздержанием.

Какую-то часть своих мыслей, чувств и желаний христианин не без труда и не без боя отбирает у мира и страстей его, посвящая их Богу. Это необходимое и похвальное дело. Представь, что ты пришел в грязную, заваленную всяким хламом и мусором квартиру, которая должна стать твоим жилищем. Ты наведешь в ней порядок, определишь, где будет кухня, где стол и кровать. Самое же лучшее место отведешь для красного угла с иконами. И лишь тогда можно будет все это признать жилищем христианина. Так и дух твой (или даже лучше сказать, Сам Христос) подходит к твоей душе в час обращения и находит такой же беспорядок в своем будущем жилище. Наше доброе произволение, засучив рукава, берется за работу.

Воздержание – одно из главных средств к очищению души, хотя, конечно, не единственное. Лучше сказать, это режим и диета души, на фоне которых только и имеет смысл применение иных лекарственных препаратов для ее излечения от страстей. Отпустить этот режим на произвол наших непостоянных

желаний – страсти тотчас же пленят и опутают душу. Таким резвым коням, как наши душа и тело, нужен крепкий повод и хороший кнут.

С другой стороны, наша цель не в том, чтобы вовсе убить или уморить тело, ум, чувства и волю, а в том, чтобы, по традиционному святотеческому выражению, **уморить живущие в них страсти**, чтобы все телесные и душевные силы выстроить в их естественном порядке, ибо ныне они состоят в порядке противоестественном, греховном.

Здесь есть две крайности. Одна из них – жизнь по всем прихотям души и тела, ради земных удовольствий, именуемая эпикурейством, по имени языческого философа, проповедавшего такой образ жизни. Мы уже поняли, что это путь к гибели.

Но есть и другой путь, для современного человека менее распространенный, но не менее опасный. Это путь манихейский (по имени его основателя). Манихеи учили, что материя есть зло само по себе и тело наше есть источник греха. Начав с суровой попытки умерщвления тела бдением, постом и самоистязанием, они кончали самыми тяжелыми плотскими грехами.

Святые же Отцы учат: мы не плотоубийцы, а страстоубийцы. Не убиваем тело (потому что не оно само по себе источник греха), а отсекая его греховные страсти, покоряем его духу. То же самое относится и к душе.

Современные последователи манихеев из сект, называемых тоталитарными, жестокими изнурениями тела и психическими воздействиями добиваются если не уморения тела, то отключения у человека воли, а затем сердца и ума. Иными словами, замаривают не тело, а какую-то часть души. Такое изуверство, конечно же, ничего общего с Православием не имеет.

Мы никоим образом не должны стремиться к убиению ума, чувств и воли. Не отсечь, а правильно воспитать и во славу Божию направить – вот что должно нам сделать и с научным знанием, и с эстетическими потребностями, и с иными чувствами, и с желаниями своими. И это обязан сделать каждый

христианин. Первый шаг к этому – воздержание души, подобное воздержанию тела.

Отметим также, что кроме обязательных для всякого христианина, существуют некие дополнительные душевные и телесные самоограничения, относящиеся к жизни монашеской. Монашество – это гвардия Христова. Многие вещи, вполне допустимые для простых христиан, живущих в миру (как говорят, мирян, но не в смысле сынов мира сего, ибо миряне – чада Церкви, а не міра), – уже не допустимы для монашествующих.

Мы здесь рассчитываем на читателя-христианина, пока еще не избравшего пути иноческого. Если он выберет этот путь, то и наставники ему нужны более строгие – святые Отцы, писавшие для монахов. Мы же здесь постараемся дойти до той точки, которая у этих Отцов принималась за начальную. Кто наши советы осуществит в своей жизни, того они, признавая за христианина, именовали бы новоначальным. Современная жизнь показывает, что до этого отеческого начала или «нуля» нынешнему человеку предстоит еще значительный путь.

## Воздержание тела

В первую очередь христианину нужно научиться ограничивать телесные потребности. Эта цель во многом достигается просто христианским жизненным укладом в противовес мирскому. Этот уклад, или православный быт, включает в себя посты; конечно, он исключает блудные грехи и предполагает девство до брака или совершенное девство в монашестве. Что требуется от тела сверх того? – Пока ничего особенного, кроме как держать такой режим неукоснительно.

Пост называют основанием добродетелей. Это первое серьезное ограничение, которому подчиняет себя всякий встающий на иноческий путь. Пока же довольно того, чтобы просто соблюдать установленные Церковью посты и постные дни, поститься с радостью, а не с тайным огорчением. Очень желательно не иметь привязанности к скоромной и всякой изысканной, вкусной пище, чтобы при возможности (когда близкие не видят) появлялось желание попоститься денек-другой сверх календаря, ради большей легкости духа, ради лучшего расположения к молитве. И конечно, любовь к посту следует не выставлять напоказ, но напротив, тщательно скрывать от посторонних глаз.

За трапезой не худо бы вспомнить, что кому-то сегодня кушать нечего, и что многие люди не имеют и куска хлеба, не говоря об изысканной пище. Такое воспоминание нужно не только для воспитания милосердия, но и для борьбы с собственным чревоугодием. Иными словами – чтобы стыдно стало объедаться.

Кроме поста любому христианскому подвижнику необходимо и трудолюбие, нетерпимость к собственной праздности. Это приобретается режимом дня и постоянной борьбой с ленью. Чревоугодие и лень друг другу помогают, равно как и пост водит дружбу с бодростью. Без этих двух тесно связанных и непрерывных деланий – поста и труда – тело смирить практически невозможно. Даже просто для здоровья то и другое необходимо.

Следует разумно ограничить и сон, и требования тела к теплу. Не станем здесь подробно говорить о таких вещах, как щегольство и безстыдство в одежде, надеясь, что уклоняющимся от обычаев мира таковое нравоучение уже не требуется.

Во всех этих деланиях мы имеем примеры святых пустынников, питавшихся корешками и сухариками, спавших на голой земле по 2–3 часа, носивших зимой и летом одну одежду. Цель монашествующих в отношении своего тела – стеснить его до предела, даже в ущерб здоровью. Цель же всякого простого христианина – отсечь телесные излишества, чтобы осуществлять свое служение: церковное, гражданское и семейное.

Все монашеские телесные подвиги не совершаются по самочинию, а всегда лишь под строгим контролем опытного духовного наставника и желательно среди таких же подвижающихся братий. В миру такая степень контроля неосуществима, да и не нужна, поэтому здесь не следует раньше времени браться за свойственное инокам, особенно за телесное подвижничество в отрыве от душевного и духовного. Но усердие и постоянство в телесном самоограничении по общим правилам Церкви необходимы каждому.

Вот вкратце и все наставление о телесной аскетике. Нам еще предстоит вернуться к сказанному, когда речь пойдет о плотских страстях, особенно о блудной страсти и связанных с нею проблемах. Следует помнить, что большинство вопросов, касающихся телесного режима христианина, носят частный характер и должны выясняться с духовником.

Поставив тело в должный режим, следует ограничить деятельность одного из самых важных его членов – языка. Корни всех грехов нашего языка следует искать не в теле, а в душе. Различные страсти берут его своим орудием, и против них-то и надобно вооружаться. Здесь же скажем лишь о том, что язык должно прикусывать всегда, ограничивая его не только в дурном, но и в добром слове. Даже через непредосудительную, но обильную беседу можно растерять все доброе, что созревает в душе. Таким образом, воздержание языка есть такая же

неотъемлимая часть христианского режима, как и пост. Сложнее и разнообразнее аскетика души.

## Хранение ума

Ум наш, как и желудок, с одной стороны, требует свойственной ему пищи, с другой – занимается ее обработкой, «переваривает». Пища ума – информация об окружающем мире. Собирает ее ум при помощи внешних чувств, а хранит при помощи своих внешних или низших сил: воображения и памяти.

Не смущайся таким «материалистическим» сравнением. Информация – вещь сугубо идеальная, как и ум, и память, и душа. Она идеальна, даже если записана не в голове, а в компьютере. Она не есть свойство мозга или дискеты и к нервным клеткам имеет лишь некое косвенное отношение, как и к микросхемам.

Более глубокая деятельность ума – собственно мыслительная или рассудочная, сопоставляющая и упорядочивающая содержимое памяти. Наконец, есть и высшая часть ума, граничащая с духом и именуемая разумом. Это способность разуметь вещи не логическими операциями рассудка с памятью, а интуитивно, как бы непосредственно проникая в суть идеи. Всякое открытие в науке, всякое творческое изобретение – дело именно этой высшей части ума, проявляющей способность к интуиции. Впрочем, большой вопрос: от Бога или от лукавого приходят подобные откровения разума в каждом конкретном случае. Но практически всегда они суть откровения низшего порядка по сравнению с духовными.

В целом память с воображением, рассудок и разум соотносятся между собою, или распределяют между собою умственный труд, подобно тому как это делают соответственно рабочий, инженер и ученый в одном научно-производственном объединении.

У каждого человека свои умственные способности. Каждому от Бога дается преимущество или в памяти, или в рассудке, или в разуме. Есть люди малорассудительные, ум которых в основном ограничивается памятью, причем память у них может быть сильно развитою. Есть люди рассудительные, склонные к анализу, сопоставлению, к построению логических цепочек от

причин к следствиям. Встречаются люди, обладающие хорошей интуицией, мыслящие оригинально, творчески. Таковы по сути все ученые, которым удалось внести свой вклад в науку. Зачастую они страдают неким недостатком памяти или забывчивостью, рассеянностью, – свойствами, о которых сложены забавные истории.

Человек сам не в силах изменить преимущественное развитие своих умственных способностей: памятливое на рассудочное или разумное на памятливое. Но в нашей воле направить рассудочные способности – какие уж Бог дал – во славу Его. Для этого нужно, чтобы Он и стал Царем в нашей голове. А это – одно из дел нашего произволения, называемое хранением ума.

Память и воображение нужно беречь от излишних и особенно от греховных впечатлений, по возможности питая впечатлениями полезными и добрыми. Рассудок следует беречь от излишнего к нему доверия, от соблазна жить по логическим схемам и собственным планам, тем более от соблазна измерять весь мир этими схемами и планами. Наконец, разум следует беречь от «откровений» бесовских и от превозношения своими «прозрениями» и «открытиями».

В те еще не очень далекие времена, когда не было не только телевидения, но и кино, когда информация и впечатления черпались лишь в личном общении, святитель Феофан так писал о хранении чувств:

«Не позволяйте без разбора все видеть, все слышать и всего касаться. Чувства наши похожи на окна или двери, а более на черпало. Кто отворяет окна и впускает дурной воздух, худо делает. Кто отворяет двери и позволяет входить в свое жилище всякой скотине, не может быть свободен от укора. Но что бы вы сказали о том, кто, взяв черпало – чашку или кружку, – ходил бы по грязным и нечистым лужам, черпал в них и себя тем обдавал? Безтолковее этого что можно придумать? Но не это ли самое делает тот, кто останавливается с любопытством пред нехорошим и слушает недобрые речи?» («Что есть духовная жизнь», LXI).

Ах, какие образы для сравнения представил бы наш духовный наставник теперь, когда лицемерие «нехорошего и недобрые речи» льются на души не как грязь из кружки или даже из ведра, а прямо-таки как из шланга!

Итак, первое и важнейшее дело: ограничить приток внешней информации, исключить впечатления суетные и злые. Первый наш враг в этом деле – тот синеглазый диавол, который стоит на почетном месте чуть не в каждом доме и отравляет духовную атмосферу в стране, как химический комбинат или лесной пожар. Даже если бы содержание телепрограмм было бы вполне удовлетворительно с христианской точки зрения, и в этом случае пользоваться им можно было бы лишь крайне ограничено. Телевизор отучает человека думать. (О его влиянии на чувства мы еще скажем ниже.) Живое общение с человеком и даже просто чтение книги гораздо лучше для передачи и усвоения той же информации, чем телевидение. При разговоре или чтении ум принуждается активно работать сам. При просмотре передачи в ее стиле и темпе ум подчиняется условиям вещателя, как бы отдается в его волю.

А какова эта воля у нынешних вещателей, мы уже знаем. Они лгут нам постоянно, подают факты искаженно или односторонне со своими толкованиями и оценками. Некоторые телезрители это понимают, поначалу раздражаются, отделяя информацию от навязываемых оценок и тем самым впустую растрачивая силу ума. Потом у многих из них складывается в целом телевизионное мировоззрение. В лучшем случае, даже если человек несколько не верит теле-лжецам, от обилия информации, совершенно пустой и никчемной, притом запоминающейся в зрительных образах, ум его станет рассеянным и блуждающим.

Если ты будешь постоянно выполнять только одно физическое упражнение, например приседать, то, конечно, физическому развитию это пользы не даст. Телевизор же в отношении ума создает постоянную никчемную нагрузку на воображение и память – естественно, за счет рассудочной и разумной деятельности.

Христианской душе вредит и всякая прочая мирская, суетная информация, подаваемая и через газеты, и через устные разговоры. Газеты менее вредны, чем телевидение, если, конечно, уметь их просматривать, выбирая не забавное, а действительно важное. Впрочем, лучше всего газет вовсе не читать, даже более-менее приличных, полагаясь на то, что важные новости в церковной среде распространяются и так, сами собою или через православные издания.

Конечно, при этом мы говорим -лишь о прессе приличной, которую еще редко где увидишь и нужно знать, где ее достать. Большинство же издаваемой в стране печатной макулатуры просто в руки брать нельзя. Порнография, гороскопы и кроссворды, рекламы и программы, сплетни и сенсации – все это, безусловно, яд для души. И особенно это относится к рекламе. Она напоминает собою последний комок грязи, который безбожный мир бросает прямо в глаза человеку, уже отвернувшемуся от телевизора и прессы. Телевизор можно (и нужно) выключить, газету можно не купить, но пройти по улице города и не заметить реклам ныне практически невозможно. И все же от нас требуется трезвиться и не засматриваться, сознательно отводить глаза от этого греховного калейдоскопа. Намного проще спастись от него в деревне, да только надолго ли это?

Итак, хранение чувств в наши дни стало одним из самых важных аскетических деланий православного христианина, если не сказать – самым важным.

Заградившись от потока информации греховной и суетной и постоянно трезвясь в этом отношении, следует научиться пресекать и собственные мечтания ума, блудные гуляния воображения под ручку с рассудком. Вот что говорит об этом святой апостол Иаков: *Теперь послушайте вы, говорящие: «сегодня или завтра отправимся в такой-то город, и проживем там один год, и будем торговать и получать прибыль», – вы, которые не знаете, что случится завтра: ибо что такое жизнь ваша? пар, являющийся на малое время, а потом исчезающий. Вместо того, чтобы говорить: «если угодно будет Господу и живы будем, то сделаем то или*

другое» (Иак.4:13–15). Апостол не против каких-то планов и преднамерений, если они постоянно имеют в виду дела Промысла Божия и тем ограничивают сами себя. Но он против самонадеянных далеких планов и мечтательных построений рассудка.

Кроме мечтаний ума есть еще мечтания сердца, не связанные с конкретными планами и рассудочными построениями. О них мы скажем отдельно. Пока же разоблачим одно ходячее выражение: мечтать не вредно. Еще как вредно! Не вредно только для тех, кто полагает, будто добро и зло имеют лишь материальное проявление. Мечтание погружает человека в ложь и в пустоту – разве этого мало? Главный мечтатель, рождающий и наши мечтания, – сам сатана. Уже в юношеском возрасте он этим парением помыслов искушает нас постоянно и весьма успешно, даже на молитве. Мечты всегда рушатся, и чем выше они взвились, тем труднее будет при их крушении.

Вообще, обычно мы живем в каком-то нереальном мысленном пространстве. Вполне понимали земную жизнь лишь святые, стяжавшие постоянную память о смерти, непрерывную молитву и глубокое смирение, почитающее все добрые свои качества за ничто. Мы же, молясь Богу лишь время от времени холодным помыслом, находимся не в действительном, а в мнимом познании жизни.

Хорошей иллюстрацией того, как можно от ощущения реальной жизни убежать в мир мечтаний, служит игра, особенно интеллектуальная, особенно азартная, и еще сильнее – компьютерная. Компьютерные игры развиваются неслыханными темпами, теперь они дают возможность человеку погрузить в игру не только свой ум и азарт, но все телесные чувства. Чем глубже в игру, тем дальше от реальности, даже от «полуреальной» земной реальности. Особый термин придуман: «виртуальная реальность», то есть такой клубок несуществующих, мечтательных переживаний, в который запутывается весь человеческий организм, и душа и тело. Самый что ни на есть нехимический **наркотик**: полная зависимость, безчувствие, рабство демонам. Суеверие или,

скорее, лживое самооправдание слышится в словах: игра развивает ум. Она развивает мечтательность и комбинации среди мечтаний, а ум она не развивает, а пленяет и убивает!

Чтобы бороться с помыслами и мечтаниями эффективно, нужен не мирской образ жизни – это дело монахов. Но научиться замечать мечтание и одергивать свою загуляшую мысль под силу и нам.

Ограничить мечтания и загрузить ум чем-то полезным помогает вам в значительной мере учебная программа. В целом она сбалансирована в смысле нагрузки на память и рассудочную деятельность. Однако при этом разум остается практически праздным и задействуется лишь у немногих, хотя пищи для него школьное образование предоставляет достаточно. Это вызвано тем, что нынешняя школа насаждает механистическое, материалистическое мировоззрение. Она представляет творение Божие в виде большой заводной игрушки, механизм которой человеку уже в основном ясен, за исключением лишь каких-то деталей, которые также планируется вскоре постигнуть чисто рассудочной деятельностью. Никаких чудес ни в прошлом, ни в будущем, никаких промыслительных действий Творца не допускается.

Такой подход в целом постепенно лишает человека разума. Лишь преодолевши такой механистический взгляд на природу, великие ученые смогли сделать свои открытия в науке. Поэтому среди них почти нет материалистов. Рассудком и памятью можно наделить даже компьютер, но разума у него не будет и законов бытия он не поймет.

Ныне вполне в наших силах дать работу своему разуму и возвести его к Разуму Высшему. Лишь тогда можно будет считать себя существами разумными. Неверующий ни в какую целесообразность мироустройства не есть человек разумный, он человек в лучшем случае рассудочный.

Для того чтобы начать развивать свой разум, время учебы самое подходящее. Только требуется самостоятельное изучение апологетики. Пусть христианская апологетика пройдет параллельно со всеми областями знания, которые рассматриваются в школе. Составители школьных учебников

аккуратно «упаковали» данные и естественных, и исторических, и иных гуманитарных наук в свое материалистическое пустословие, чтобы изгнать из них все свидетельства о Боге-Творце. Апологетика разворачивает эту блестящую, но примитивную конфетную обертку и показывает нам мир Божий таким, каков он есть на самом деле.

Есть люди, не склонные ни к рассудочной, ни к разумной деятельности, а потому вообще не интересующиеся никакими науками. Но начатки знаний по апологетике им необходимы в ту же меру, в какую им приходится изучать науки по школьной программе. Иначе к знаниям прилипнут безбожные теории и учения, выдаваемые за факты науки, и человек станет смотреть на природу как на отлаженные часы.

Если же наш читатель склонен к рассуждению и не лишен интуиции, если природа представляет для него интерес, то научная апологетика ему просто жизненно необходима. Ум человека всегда инстинктивно во всех своих знаниях стремится навести порядок, привести свои знания в систему, найти во множестве усвоенных сведений некие центры единства. Такой «инстинкт разума» есть не что иное, как естественное стремление ума знать своего Творца, правда сильно помраченное в нынешнем нашем падшем состоянии. Тяга ума к Богу в апологетике реализуется полностью – в отношении, разумеется, только всех чувственных, внешних знаний, собранных человечеством. Здесь же Открывается широкое поле и для творческой научной мысли, сбросившей оковы материалистического мракобесия.

На всяком уровне научной образованности наш рассудок способен сопоставить известные ему факты, на которые, быть может, просто не принято обращать внимания. Это позволяет задать самому себе вопрос: почему природа во множестве своих явлений устроена так разумно, так продумано, как бы намеренно для поддержания жизни и во благо человеку? Разум же получает способность довести это сопоставление фактов до Первопричины бытия. Неизъяснимая отрада проливается тогда в душу! Ум чувствует, что жил не зря, что среди всего обилия своих знаний, впечатлений и помыслов он нашел-таки свою –

Божию! – жемчужину, что из нагромождения чувственных сведений он взглянул непосредственно к Богу. Это первая, низшая ступень боговедения. Как хорошо добраться хотя бы до нее! Разум, сделавший нам даже один раз в жизни такое действительно доброе дело, плоды его передает сердцу и духу. Сердце согревается умилением, а дух молится, продвигаясь к Богу еще дальше, чем на то способен разум.

Опыт показывает, что желание познать истину о природе, о Боге и о себе в наибольшей степени свойственно юности. Это желание служит как бы некоторой компенсацией за мечтательность. Пройдет время, и еще раньше, чем отойдут юные мечты, житейская суeta может легко уничтожить тягу к истине, особенно если первым порывам ее не дать должного удовлетворения. Как нужны в этом возрасте собственные открытия во всех областях знания, соединенные общей целью – познанием Бога!

Но будем внимательны! Уму при этом нельзя позволить залюбоваться своей способностью и затщеславиться ею. Прочь от надменного ума с его ничтожным открытием! Познал он только каплю из океана Божией премудрости, да и ту усвоил, лишь поняв открытие, сделанное другими людьми. Теперь время для священного трепета перед Всемогушим и Всеведущим, но никак не для суетного надмения своей жалкой и немощной способностью. Так и знай: будешь гордиться разумом – потеряешь его, чему есть множество примеров из жизни научного мира. Надмеваясь своими открытиями в науке, некоторые ученые стали отрицать Бога, а потом дошли и до неспособности понимать самые простые и очевидные вещи.

Говоря о научной апологетике, следует помнить, что она для всего христианского мира практически едина и внеконфессиональна. Историческая же и философская апологетика уже имеют свои конфессиональные черты. Этого нельзя забывать, чтобы не усвоить себе ненароком заблуждения протестантов или католиков. Поэтому изучение апологетики должно сопровождаться и изучением основ Православия.

Наши знания и в научной, и в духовной сфере так же, как и внешние впечатления, нуждаются в ограничениях – конкретно в

тех местах, где они могут оказать вредное действие на дух или на сердце с его чувствами. Таким знаниям нужно сознательно возбранять вход в свою голову. К ним относятся прежде всего сведения из медицины и генной инженерии, касающиеся зарождения новой жизни. Почему они вредны? – Потому что добыты самыми циничными из безбожников, не желающими знать ни Бога, ни души, ни даже того, что жизнь – это глубочайшая тайна Божия, стоящая на грани чувственного и сверхчувственного (более – в области второго, чем первого). Такие знания поневоле будут однобокими, убогими, ошибочными, во всяком случае не заслуживающими доверия. Вместо обогащения ума они приносят в него свой материалистический дух, а в сердце иногда поселяют блудные мечтания. И потому сведения об успехах пересадки органов, об искусственных органах, о клонировании, о зачатии в пробирке и т.д. – должны вызывать у верующего человека отвращение и недоверие. Чрезвычайно вредны сведения по сексологии, без обладания которыми человечество обходилось тысячелетиями, воспроизводя вполне нормальное потомство. И лишь сейчас эти знания пришли вместе с падением нравственности, принесли обилие наследственных заболеваний и уродств, а также болезней половых органов.

К запретным знаниям следует отнести и парапсихологию, астрологию, уфологию (изучение «летающих тарелок»), теософию, спиритизм, духовную практику различных нехристианских религий – то есть все попытки вторгаться в горний мир без очищения сердца от страстей, без правильного поклонения Творцу этого мира мысленного – Единому Триипостасному Богу. Такие духовные эксперименты, как известно, плохо кончаются: сумасшествием, самоубийством, противоестественным блудом, наркотической зависимостью, и, конечно, богохульством и вечной гибелью.

Не следует даже ради простого любопытства внимать подобным знаниям, ради интереса или желания опровергнуть. Все подобные знания содержат богохульство, а оно вредно действует на дух и разум. Если бы ты мог полностью отключить дух и разум от вредного влияния оккультных знаний,

рассматривая их разумом со стороны! Но это невозможно. Если ты ставишь эксперимент, допустим с высокими температурами, то всячески озаботишься, чтобы наблюдаемый процесс протекал за крепкими жаропрочными стенками и никак не мог бы повредить твои глаза. А здесь ты подставляешь всего себя, свою голову и сердце этому богохульному учению совершенно открыто и непосредственно. Этот духовный эксперимент не обладает ни должной чистотой, ни, вероятно, воспроизводимостью. В ходе его душа может незаметно для самой себя сильно повредиться.

Кратко со всеми этими знаниями можно познакомиться лишь **опосредовано** (то есть поглядеть вооруженным глазом). Для этого есть специальная православная литература на эти темы, например сочинения иеромонаха Серафима (Роуза).

И не смущайся, если кто-то скажет, что все религии будто бы нужно испытать непосредственно на себе и якобы в этом будет большая объективность. Такая объективность была бы возможна для Ангела, у которого нет наследственной греховной порчи и который уже утвердился в добре. Человек, испытывая на истинность ложные религии, не может обладать объективностью – он поврежден греховно, у него уже имеется изначальная склонность к злу, к порабощенности страстям. К тому же он подвержен влиянию демонов – начальников всех оккультных знаний. В таком случае самый объективный духовный опыт из всего возможного – его собственное обращение ко Христу, потому что в этом духовном опыте, в его содержании, от человека не зависит ничего, а в результате его человек получает самое верное, подтверждаемое опытом душевным и земным, понятие о себе самом и о своей ограниченности и греховности. Получив такое сверхчувственное опытное духовное знание, перепроверять его самоизмышленными (а потому ложными и необъективными) духовными экспериментами и, не веря Богу, верить своим духовным опытам – тяжкое духовное преступление.

Неслучайно Церковь во все времена своего бытия запрещала и преследовала оккультные знания, злодейственные эксперименты безбожников над святынею жизни, типа опытов

алхимии. Церковные наказания за эти дела, за эти знания, налагались всегда и везде, а в католическом мире увлечение чернокнижием зашло настолько далеко, что и реакция на него имела некоторые перегибы, известные под названием инквизиции и «охоты на ведьм».

Кроме того, следует хранить ум и от еретических заблуждений так называемого инославия: католичества, протестанства и др. Если даже на сто умных и верных мыслей найдется одна ложная и вредная, она может принести свой горький плод в уме и в сердце. Лучше всего ознакомиться со всякими инославными направлениями лишь через православные источники – книги по так называемому сравнительному богословию, где наглядно и безстрастно показано, в чем те или иные конфессии сходны с Православием, а в чем они заблуждаются и почему. Но самовольное чтение еретической литературы до добра не доведет. Бог даст, со временем ты сможешь и практически сравнить духовные пути Православия и инославия, побеседовав с кем-нибудь из таких «инаковерующих». Если Православием ты станешь жить, если изучишь его как должно, сам увидишь все его преимущества в прямом сравнении.

Таковы в кратком осмотре те опасности, от которых должно постоянно, внимательно хранить свой ум. Срывы указанного умственного режима неизбежно приведут к возмущению страстей, к внутреннему разорению, если не к чему-то худшему, потому они должны рассматриваться именно как грехопадения и врачеваться исповедью с обязательным **восстановлением** нарушенного режима внешней информации и внутренних помыслов.

Но вот предположим, что перестройкой своего информационного поля нам удалось отвоевать желанную свободу хотя бы для малой части ума своего. Поспешим заполнить это пространство прямым духовным назиданием. Опять же используем энергию своего обращения, пока она не растрочена в суете. Дух наш жаждет знать предметы Божественные. Не дадим ему потерять эту начальную жажду.

Положительных умственных деланий можно выделить два: это чтение духовное и богомыслие.

Священное Писание Нового Завета нужно знать хорошо. Некоторые ставят себе за ежедневное правило читать по одной-две главы Евангелия и Апостола. Другие переписывают от руки, иные же читают Писание в отеческом толковании. Есть и те, кто читает параллельно русский текст со славянским. Степень регулярности такого чтения устанавливается каждому отдельно по совету с духовником. Но суть дела не в средствах, а в результате. Все слова Писания должны быть на памяти. Любой эпизод Евангелия или Деяний следует узнавать с полужелания. Должно знать, в котором из четырех Евангелий каждый конкретный эпизод описан, а в каком его нет. Характерные, часто цитируемые высказывания Апостолов желательно знать с точностью до именования Послания.

Из Ветхого Завета должно выучить Священную Историю хотя бы в объеме курса Закона Божия. Важнейшие книги Ветхого Завета, относительно доступные для понимания всем (хотя бы в целом), на наш взгляд следующие: Бытие, Исход, Книги Царств, Иова, Исаии, Даниила, Притчи Соломона, и над всеми сими – конечно, Псалтирь.

Такое чтение Писания, такой уровень знания Нового Завета, разумеется, только начало. Смысл Писания открывается понемногу в отеческой литературе, а настоящее понимание его приходит только через большие скорби, посылаемые Богом в связи с нашей верою.

Кроме Писания каждому христианину нужно освоить Катехизис – основные догматические истины Православия. Необходимо знать порядок и значение священнодействий литургии и всенощной. И начинать понемногу чтение аскетической литературы. Усвоить все святоотеческое наследие – не хватит целой жизни, но чтение отечников и житий должно быть постоянным или хотя бы частым.

Таково наше начальное христианское самообразование, первый класс. Если мы считаем неумение читать и писать для современного человека чем-то просто невозможным, то тем более это относится к грамотности духовной. Стыдно, право же,

человеку-христианину, тем более молодому, окончившему десять классов школы, не знать самых основ своей веры? '

Кроме чтения, требуется самостоятельная работа ума над прочитанным. *Все Писание богодухновенно и полезно для научения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности (2Тим.3:16)*. Но для сего научения нужно и размышление о делах Божиих в мире, о своей душе, о ее нравственном состоянии. Такое размышление, перемежаемое молитвою, именуют богомыслием.

Понятно, что это дело досуга или какой-нибудь скучной, однообразной физической работы, не требующей ни тяжких усилий, ни малейшего над нею размышления. В древности монахи нарочито подбирали себе такое рукоделие, вроде плетения веревок, корзин, циновок, чтобы и за таким занятием возносить ум свой к Богу.

В книге преподобного Никодима Святогорца «Невидимая брань» описаны два способа богомыслия. Один из них состоит в воспоминании ярких образных выражений Писания, которые у христианина обычно на слуху, и в размышлении над ними применительно к своей душе. Например, такие выражения: *многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие (Деян.14:22)*, или: *не можете работать Богу и мамоне (Мф.6и Лк.16:13)*, или: *изми прежде бревно из очесе твоего (Мф.7:5 и Лк.6:42)* и т. п.

Другой способ состоит в наблюдениях над предметами житейскими, попадающими под руку, и возведении мысли своей к каким-то словам или местам из Писания, где этот предмет упоминается. Наблюдаешь красоту лугов или садов – вспомни о рае. Заметишь радугу – вспомни, что потопа больше не будет, но будет второе пришествие Господа на Страшный Суд с родом человеческим. Увидишь пасущихся овец – вспомни евангельскую притчу о добром Пастыре. Во время сеятвы или жатвы на своем огороде вспомни притчи о Сеятеле. Глядя на красивые цветы или полевых птиц, вспомни о вреде излишней заботливости и о благодати Отца Небесного, одевающего полевую траву краше самого царя Соломона. Не случайно

Господь изъяснял тайны Царствия Божия сравнениями из самой обыденной жизни рыбаков и земледельцев.

Хорошо, если такое размышление и воспоминание станет для тебя привычным. Но надежды на это немного. Люди для того и удалялись в пустыни и дебри, чтобы суэта и толкотня мирская не кипятила им умы. Но по крайней мере не пропусти ни одного случая уединенного пребывания на природе без того, чтобы не заняться богомыслием. Усилий для этого не потребуется практически никаких, а польза будет.

Вот сколько всего требуется, чтобы привести ум в порядок. Неверующему человеку все это покажется мучительным. А верующему все это так просто и естественно, что нужно только приложить чуть-чуть внимания к себе и весь труд хранения ума будет удобоисполнимым.

## Хранение сердца

Чувствительная сторона души не менее умственной нуждается в воспитании и воздержании. Пока мы говорим еще только о внешних отправлениях ума и сердца, о том, что связывает их с внешним миром. Пищей для ума служит информация; подобно и у сердца есть своя пища – душевные впечатления.

Ум по своей падшей природе тянется к информации легкой и приятной, над которой не нужно ни трудиться, ни напрягаться. Но нужно ли давать ему такие поблажки, не лучше ли направлять его на полезное? Так же поступает и тело: ищет себе сытости, тепла и отдыха. Но мы должны принуждать его к трудам и ограничивать во всем приятном. Иначе ни ума, ни здоровья у нас не только не приложится, но и не останется.

Подобно сему и сердце требует себе свойственных ему легких и пустых впечатлений, а мы должны направлять его на чувства добрые и глубокие. Уму хочется развлечься кроссвордом или колонкою мелочей в газете, сердцу хочется найти там же веселый анекдот или любовную историю. Наибольшей же популярностью и у сердца, и у ума пользуются зрелища и фильмы, поскольку впечатления от них наиболее наглядны и легки, просты и пусты.

В наше время во многих городах и поселках часто отключают то газ, то водопровод. О горячей воде люди давно уже забыли, а отопление работает с таким расчетом, чтобы только не замерзли трубы. Последнее, что исчезнет из всех коммунальных благ – это электроснабжение. Для чего так сделано? – Чтобы обреченные до последнего момента принимали духовный наркотик телевидения, а принимая его, не пытались сопротивляться. Голубые экраны стоят и в казармах, и в тюрьмах, и в больницах, и в школах, и в домах – повсюду. Они – главные средства растления и убийства души покоренного народа. Без них держать людей в постоянном обмане и рабстве было бы сложно.

Что табак, водка и гашиш для тела, то и телевизор для души. Он обманывает и оглуляет ум, о чем мы уже говорили, но еще вреднее он для сердца, ибо питает его впечатлениями греховными, мелкими, скотскими и зверскими. Он последовательно разжигает все страсти сердечные. Добрые чувства сострадания и жалости, которые еще остаются в душе от природы, он крадет оттуда и дарит героям своих фильмов, обращая их в пустые мечтания. Зато злобу, эгоизм, блудную похоть, гордость и жестокость постоянно насаждает, питает и поддерживает.

Той же цели в отношении сердца служит все столь многотиражно издаваемое «читиво»: пустые и грязные газеты и журналы, любовные, детективные, фантастические рассказы и повести. «Пустые романы», от которых отговаривал нас святитель Феофан, еще самое безобидное в этом потоке.

Впрочем, если человек пережил обращение ко Христу, то он и сам понимает вредоносное действие таких впечатлений и не питает к ним сочувствия. Но привычка и пристрастие способны преодолевать в нас не только равнодушие к греховным впечатлениям, но даже прямое отвращение к ним. Не нравится человеку читаемое или слышимое, и умом он понимает, что оно греховно, и сердцем испытывает гадливое чувство, а оторваться не спешит. Плюется, но смеется и продолжает смотреть и слушать, питая похоть очей и ушей. Вот где видно различие и даже конфликт между волею и произволением. Воля развращена и против требований ума и сердца тянется ко греху. Нужно усилие произволения, чтобы подавить греховное страстное влечение воли. Если же произволение пойдет у воли на поводу, то и ум, и сердце, и совесть вскоре замолчат.

Стало быть, всегда нужно вовремя приказать себе относительно любых греховных впечатлений: нельзя! выключи! не смотри! отойди! не читай! брось!

Греховные впечатления прилипчивы, в отличие от добрых, легко забываемых. Они даже против желания налипают на память, используя твоё прошлое согласие на их вход в душу. Долгое время потом «варится» нечистота в сердце: вспоминаются блудные песни и анекдоты, картинки и

сквернословные выражения. Душу, обратившуюся к Богу, они годами терзают и мучают. Средство одно: преодолевать свое греховное расслабление и постоянно перекрывать вход в сердце хотя бы новым греховным впечатлениям.

Как притупляется нюх у собаки в засоренном, прокуренном помещении, и обостряется на свежем воздухе, так и сердечные чувства утоньшаются, окультуриваются лишь при отсутствии притока впечатлений греховных. Отвыкни от телевизора и почитай книги духовные, или хотя бы светские, но целомудренные, например, русских классиков (только не революционных). У христианина само собою должно появиться отвращение от той пошлости и мерзости, которыми наши работодатели постоянно промывают русские мозги и сердца. Это было бы нормальной защитной реакцией, как у нашей кожи на раскаленные предметы. У кого такая кожная реакция ослаблена, тот постоянно получает ожоги на руках. Если же у души нет защитной реакции на всякие греховные впечатления, то она будет постоянно отравлена ими. Тогда нечего говорить ни о какой добродетели, ни о каком обуздании страстей, равно как и об обретении человеком своей собственной личности.

Победить пристрастие к впечатлениям явно греховным и пустым – более или менее просто, и сделать это нужно как можно скорее. Но и после этого у сердца остаются свои потребности в эстетических впечатлениях, которые невозможно мгновенно уничтожить или сделать полностью духовными, особенно если речь не идет о монашеском образе жизни. С литературой и искусством сталкиваться приходится. И должно помнить, что во многих произведениях, глубоких, серьезных, психологически тонких, встречается столь же тонкая подпитка греховных страстей. Кроме того, вред от них может заключаться в переключении внимания читателя (зрителя, слушателя) на земное и душевное, вместо вечного и духовного. Часто художник ориентирует нас на человека, его земную жизнь, как некую негласно принятую высшую ценность бытия.

Такого рода литературы и искусства требуется избегать, а искать тех произведений, где напротив, душа читателя (зрителя) ориентируется автором на духовное и вечное. Где добродетель

похваляется не как основа земного счастья и нормального человеческого общежития, а как нечто большее; где правдиво показаны непрочность и суетность земного счастья и притом дается хотя бы намек на поиск блаженства вечного, – там и следует искать впечатлений полезных. Они также будут духовными, но лишь косвенно или, лучше сказать, в своих конечных выводах.

Таковы по сути все произведения авторов-христиан, то есть таких, для которых христианская вера была в жизни самой главной ценностью. Вовсе необязательно, чтобы в их произведениях непосредственно отражался церковный быт или обстановка, – равно как далеко не всегда художник, работающий над библейскими или церковными сюжетами, сам духовен и ищет вечного в личном общении со Христом. Здесь возможно дать лишь какой-то приблизительный перечень авторов, которых следует читать, слушать и смотреть. Важнее правильно обучить свой вкус, настроив его на духовный лад. Всякое пришедшее эстетическое впечатление следует оценивать с этой точки зрения: показало ли оно самоценность христианской добродетели, суетность земного и вечность небесного? И в зависимости от полученного ответа оценивать его достоинства.

Впрочем, есть целые жанры искусства, где авторы-христиане практически не работают, поскольку в них трудно правдиво выразить что-либо духовное. Это прежде всего искусство лицедейное: театр и кино. Актерство неслучайно издревле считается грехом, потому что изображение другого лица непременно сопряжено с ложью. Ложь эта очень редко может быть направлена к чему-то хорошему. Потому театр родился именно в языческом мире и всегда служил и до сих пор служит пристанищем разврата. Многие святые Отцы выступали резко против театральных зрелищ, как, например, Иоанн Златоуст или Феофан Затворник.

Впрочем, даже в этом жанре бывали исключения. Можно ли сказать, например, что опера «Жизнь за Царя» вызывает у слушателя чувства низкие или просто пустые? – Конечно нет. Но

все-таки такие сильные и глубокие вещи в театре составляют исключения, а не правило.

Особое слово должно сказать о современной рок-музыке. Мы надеемся, что читателя нашего уже не требуется выводить за руку из дискотеки. Однако у человека, много наслушавшегося в свое время, может еще долго оставаться тайное пристрастие к року, хотя бы к тому наиболее приличному, что в нем есть. (Мы не говорим здесь о явно ядовитом, гадком, дурманящем, что есть в такой музыке. Думается, что читатель уже мог заметить, как она усиливает в человеке наглость, дерзость, разжигает блудную похоть.) Например, лучшее, что было у Игоря Талькова, – это никак не пошло, но напротив, глубоко и с христианским духовным подтекстом.

Мы говорим о приличном, но и его советуем избегать. Причина тому та же, почему не следовало бы смотреть телевизор, даже если его программы несли доброе содержание. Рок-музыка, как и телевидение, – это прежде всего широчайшие технические возможности, богатейший инструментарий. А это для души вредно, потому что пленяет ее и расслабляет, точнее, слишком захватывает. Не случайно же первые музыкальные инструменты придумали потомки Каина, люди весьма развращенные. Не случайно и то, что в православном храме никогда не применялись музыкальные инструменты, а использовалось живое пение. Общее правило с некоторыми оговорками все-таки таково: чем меньше техники, тем больше простора для духа. Техника действует на душевно-телесное в первую очередь – и естественно, за счет духовного.

Здесь неуместно вдаваться в долгие рассуждения об эстетике, после того как общий принцип формирования вкуса задан. В качестве итогового замечания повторим, что все, даже положительные, даже духовные эстетические впечатления должны быть ограничены (а у монашествующих они и вовсе сводятся на нет, равно как и у наиболее усердных мирян во время постов). По большей части все эти впечатления сводятся к кругу читаемого и слышимого. Это необходимо для предотвращения эстетического восприятия самой христианской веры с забвением ее более глубоких духовных основ. Такой

соблазн свойствен в большей мере женщинам, как существам более душевным, нежели духовным. В те годы, когда еще не было грамзаписи и все музицирование было живым и естественным, святитель Феофан так советовал некоей благородной девице, обладавшей музыкальным даром и воспитанием, но притом тянувшейся к внимательной духовной жизни:

«Понемногу отберите пиесы с хорошим содержанием и их более пойте и играйте... Достаньте сочинения Турчанинова (известный церковный композитор – с. Т.) и разучите оттуда что вам больше понравится. Разучите «Боже Царя храни», «Коль славен наш Господь» и подобное. Если вы с полным чувством споете что из этого рода пиес, уверяю вас, что это понравится более, нежели другое что... Если вы сыграете или споете что-либо такое, что западет на душу слышащих и заставит их воздохнуть ко Господу, или вознестись к Нему со славословием и благодарением, то вы то же сделаете, что делает хороший проповедник в церкви» («Что есть духовная жизнь», LXIII).

А знаешь ли ты «Боже, Царя храни» и «Коль славен» и что-либо из этого рода песнопений? По милости Божией в наше время есть возможность слушать их и другие достойные музыкальные произведения. Мы имеем в виду не собственно церковную музыку, а светскую, но хорошую. Равно и художественная литература, достойная внимания православного христианина, ныне переиздана и доступна. И все это православное душевное наследие (хотя оно и отличается от духовного) может принести пользу нашей душе, будучи допущено до нее в должной мере. Более того, оно может произвести в ней некую благую перемену.

В юном возрасте наряду с обращением духовным (до или после него) нечто похожее совершается и в области душевной. Обращение духовное завершается, как мы говорили, тем, что у человека формируется самосознание христианина. Иными словами, дух человека обретает свое небесное отечество, начинает понимать, откуда он, для чего он. Кто его Бог и Спаситель.

И в душевной области порой так же порывисто происходит обретение человеком своей народно-культурной принадлежности. Таинственно и неведомо, но совершенно отчетливо, неотразимо вдруг зазвенит в душе голос своего народа, своих корней. И речь, и музыка, и живопись, и история – родные – вдруг скажут тебе гораздо больше, чем говорили до сих пор. И ты отвечаешь про себя: да, вот оно мое, наше, и я с этой же земли, это голос моей родины, а она мне дорога. И отчего только раньше я не замечал этого и был равнодушен!

Подобно тому как мертвый дух человека в час обращения оживает и обнаруживает, что он теперь Христов, так и ум в нагромождении разных знаний должен ожить и понять связующую все эти сведения премудрость Божию, должен осознать свою причастность к этой премудрости. И вот точно так же и сердце вдруг ощущает свою принадлежность к родине и ее душевным корням. Это как бы целых три обращения: одно большое и главное, два поменьше. И слава Богу, что все три направлены в одну сторону. О Нем Едином, о Творце и Спасителе нашем должны сказать нам и дух, и ум, и сердце. Пусть в разное время и разными словами, но содержание сказанного останется общим.

О Боге скажет уму христианская наука. И о Нем же воскликнет сердце, нашедшее вдруг свои духовные корни. Он открыл нам Себя прямо в минуту нашего духовного обращения. А теперь Его громко проповедует нам вся тварь через наши знания о ней. И Его же возвещают нам наша родная история и культура, к которым мы ощутили свою настоящую причастность, только став христианами. Им Одним жила и к Нему обращалась вся Святая Русь, вся душа нашего народа. Что в русской культуре не живет Им, то отламывается, засыхает и умирает.

Вспомни, как выражена в Евангелии первая заповедь. Не просто: возлюби Бога твоего, но показано и **как** должно Его возлюбить: *всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею крепостию твоею, и всем разумением твоим* (Лк.10:27). Видишь, в этом перечне поименованы все три силы души: сердце (чувство), крепость (воля) и разумение. И отдельно еще душа, под которую следует понимать в данном месте высшую

сторону нашей души – ее дух. Самые начатки любви подаются нам в обращении. Ощутил дух наш присутствие Божие – значит, полюбил, пусть только чуть заметно, но ему стало так тепло и радостно. Ощутило и разумение наше, что все естествознание громче трубы возвещает славу Божию. Радостно разуму – вот начаток любви к Богу с его стороны. Вот и сердце вдруг ощутило себя частью Святой Руси, тепло и радостно ему – вот еще начаток любви Божией уже в сердце. Труднее всего обращается воля. Если научится она желать исполнения Божией воли как своего собственного желания – значит, и она полюбила Бога. Вот и спасение! Только путь к нему непростой. Нужно очищение ума от предрассудков, чувств и воли от страстей, нужна полная переплавка всей грехолюбивой души, чтобы полученные пока первые предощущения любви Божией соделали бы ее боголюбивою.

Узнал ли ты по своей душе, о чем был разговор? Не пустой ли звук для тебя эти слова: обращение духа, ума, сердца? Конечно, не в одно мгновение и не по заказу обращается человек к Богу, но поверь, что здесь сказано именно о духовном опыте юности, хотя получившие его могут осмыслить все уже в зрелом возрасте.

Если дух пережил обращение, он решается служить Богу. Если ум обратился, то и для него мы берем обязательство подбирать информацию. Если сердце обратилось – значит, должно нам быть разборчивыми в эстетических впечатлениях, чтобы прививаться к культуре и душевности родной, а не чужой. На мусорной куче нашей падшей грешной души вырос цветок с тремя дивными бутонами – убери же мусор подальше, чтобы он не повредил цветку.

Православие – богатство духовное. Но в истории оно выразилось в определенной душевной оболочке. Православная духовность требует соответствующей душевности – сознания принадлежности к христианскому народу. А вместе духовность и душевность воплотились в материальной оболочке, которую составили христианская государственность, культура и быт. Вообще, никакая религия не может занимать в человеке только

духовную сферу, она пропитывает и душевную, и телесную жизнь.

Можно пояснить это немного проще. Ты не можешь, родившись, положим, греком, считать себя православным, если учение Церкви разделяешь, но к родной Византии равнодушен, если ее история и традиции, ее храмы и распевы, ее цари и святители, ее пустынники и мученики для тебя безразличны. То же самое относится и к русскому человеку (безразлично – великороссу, малороссу, белоруссу). Если он только разделяет учение Церкви, но Святой Руси не любит, принадлежности к ней не ощущает, к истории ее равнодушен, к святым ее холоден, а трагедию ее нынешнюю воспринимает желудком, но не сердцем, – то пока он не является еще вполне православным. Он скорее может считаться или философствующим интеллигентом, или фанатичным сектантом, или узким националистом.

Конечно, при этом должно помнить, что впереди идет духовное, потом душевное. Так и Россию свою мы любим за то, что она Христова. Если встанет выбор между верою и отечеством, мы не колеблясь выбираем веру. Христовы мы в первую очередь, а русские во вторую.

Подобно поступают и националисты-язычники. «Русичи» они той доисторической Руси, которая поклонялась перунам и хорсам, но не Христу. К Руси христианской они относятся так же, как и мы к языческой, только более озлобленно. Получается, что в любом случае родина определяется верою, и у нас с ними – разная родина, хотя и общая территория, и общие предки по плоти, и язык один. Точно так же и в Сербии: один язык, но три веры, стало быть, и три родины, три народа: сербы (православные), хорваты (католики), боснийцы (магометане).

Но из всех душевных чувств – низших по сравнению с духовными – самым высшим является именно патриотизм. Его должно правильно и одухотворенно воспитывать в себе и развивать, избегая в нем всяких перекосов, которых может быть много: националистический, советский, расистский и прочие. Это тема для отдельного большого разговора.

Христианский патриотизм прошлого века был торжественным и радостным, а ныне он стал скорбным. Вот первое сердечное чувство, воспитываемое приобщением к русской православной культуре – горькая скорбь о погибающей родине.

Здесь мы снова подходим к той таинственной совместимости несовместного, о которой говорилось в прошлой главе. Отвращаясь от мира, соскорбим отечеству. Не живем так, как все наши соотечественники вокруг, но не превозносимся перед ними, а печалимся об их гибельном состоянии, будучи почти не в силах чем-нибудь помочь им.

«Родина моя, ты сошла с ума» – так мог петь настоящий патриот своей страны, наблюдающий с ужасом, как она «шагает в ад широкой поступью». В родной стране мы оказываемся внутренними эмигрантами. Под словом «эмигранты» мы здесь понимаем не тех, кто родину покинул, а тех, у кого ее отняли. У таких лучше всего развито национальное сознание, они быстро понимают друг друга и сплоченно, дружно живут. Скорбь о погибшем отечестве они постоянно носят в сердце, и ничто не может утешить ее. Без крепкой веры во Христа такая скорбь может произвести душевный надрыв, но если ее совсем нет, то это гораздо хуже. Жить в России теперь вольготно и спокойно, не ощущая и не разделяя ее боли, – это путь к полному безчувствию.

Где бы мы ни поселились теперь, русские православные люди, все как-то мы не дома – взорван наш дом. И все же лучше уж жить на родном пепелище, чем в чужом доме.

Скорбь о погибающем отечестве не должна быть анонимной или безличной. Иначе это будет лишь дешевая сентиментальность и мечта о благе человечества. Эта скорбь реализуется в сопереживании ближним, прежде всего – к православным русским людям, сотелесникам во Христе. Появляется плач с плачущими и изредка, если повод есть – радость с радующимися, как заповедует Апостол (Рим.12:15). Помогает развитию этого чувства и вещественная помощь ближним, дела милосердия, которые, впрочем, только средства. Каждому ближнему от нас требуется именно милое сердце, а не

акция «Милосердие». Это разные вещи. Облегчить чужую боль невозможно, иначе как разделив ее.

С другой стороны, наше сердце инертно, медлительно, прогревается оно медленно с возрастом, по мере перенесенных скорбей, и дела милости, совершаемые без превозношения, помогают ему оттаивать. Помогает сердечному воспитанию и правильный режим впечатлений, который нельзя нарушать.

Как для разума нельзя составить «инструкцию поумнения», так и для сердца такого предписания нет. То, о чем мы сказали, – это лишь самое вводное слово, на которое даже не обращают внимания в книгах по аскетике. Дальше должно идти главное – очищение сердца от страстей. Но духовный уровень учеников, с которого начинали работу с ними святые наставники прошлого, был совсем иной, чем теперь, и тогда не было нужды в подобном вводном слове, которое требуется ныне.

## Хранение воли – послушание

*Прилежит помышление человеку прилежно на злая от юности его (Быт.8:21)* – так оценивает Сам Бог общий характер человеческой души в состоянии ее падения. Пожалуй, в наибольшей степени это относится к воле, не к области помыслов или чувств, а к области намерений и желаний. Среди помыслов наших встречаются добрые, а также много и не нравственных: не добрых и не злых. Среди чувств наших также довольно часты светлые проблески на общем греховном фоне. А вот желания наши сами по себе почти всегда эгоистичны и скверны. Все доброе в области наших желаний исходит не от нас самих, а приносится от воспитания или от голоса совести. Сама же по себе воля наша находится в наиболее растленном состоянии по сравнению с сердцем и умом. Наши добрые намерения обычно оскверняются сопутствующими недобрыми побуждениями: тщеславием, ожиданием награды, корысти, славы, желанием кого-то уязвить или посрамить и так далее. Не говорим уже о намерениях недобрых.

Чистым и добрым можно признать лишь то наше желание, цель которого была бы исполнить заповедь Божию – и только. За всю жизнь свою много ли припомним мы подобных своих желаний? Хотя бы одно?

Итак, воля наша требует наибольшего врачевания, и врачует ее она только разумным послушанием о Господе. В аскетических книгах всюду говорится об отсечении своей воли или самоволия. Но дело в том, что преуспевшие в послушании и победившие затем все свои страсти суть люди никоим образом не безвольные. В нашем обыденном понимании это люди сильнейшей воли. Как же разобраться в этом словесном парадоксе? Что понимают святые Отцы под отсечением своей воли?

Для ответа вновь вспомним о соотношении между волею и произведением, о чем говорилось во второй главе.

Естественная воля человека похожа на волю животных тем, что представляет собою простое животолюбие. Без такой воли

была бы невозможна никакая биологическая жизнь. Правильное соединение органических молекул еще не станет жизнью до тех пор, пока не появится некая идеальная жизненная сила, которая выразится в том, что это собрание молекул **захочет жить** и соответствующим образом будет взаимодействовать с окружающей средой. Иными словами, пока не появится инстинкт самосохранения и продолжения рода. Для животных этот инстинкт и есть по сути дела их животная воля. По его наличию или отсутствию можно отличать живое от неживого.

Но как живое несводимо к мертвому, отличаясь от последнего некоей идеальной сущностью – этим самым инстинктом, – так и человек несводим к биологическому виду, отличаясь от животных еще иной идеальной сущностью – духом своим.

В области воли это отличие проявляется в том, что у человека имеется орган связи духа с волею, именуемый произволением, как мы уже говорили. Сказали мы и о том, что произволение – едва ли не самое удивительное, неповторимое и таинственное святилище человека, определяющее его личность, и главное его свойство – свобода. Животолюбие зверей несвободно, также как и естественная воля человека. У человека свободно его произволение: поступать по совести или против нее. В произволение наше даже Бог не вмешивается, но именно по нему Он будет судить каждого. Естественная грехолюбивая воля часто борется с совестью за обладание произволением, но последнее само выбирает между сими противоборствующими, отдавая предпочтение то одной, то другой.

Аскетическая задача отсечения своей воли и состоит в том, чтобы произволение стояло всегда на стороне совести, притом обученной к различению добра и зла. А воля естественная при этом встает в свой первозданный чин из падшего состояния: она отказывается от своих извращений – похотей греховных и вредных, а в своем естественном и неистребимом животолюбии уступает первенство добродетели произволению. В итоге человек и хочет исполнять волю Божию как свою: хочет произволением, которому подчиняется естественная воля. Итак, воля

естественная у человека восстановленного сама по себе не умирает, но лишь очищается и преобразуется именно тем, что отсекаются почти все ее проявления, ибо они у обычного падшего человека греховны. Это и означает отсечение своей воли.

Подчинившись произволению, естественное животолюбие перерождается в любовь к жизни истинной – вечной, ради нее оно готово пожертвовать даже временной жизнью тела. Так прекращается постоянный конфликт между требованиями естественной воли и совести, свойственный падшему человеку, и тем самым обретается цельность его естества.

Наконец, нельзя забывать, что такая перемена воли совершается постоянным взаимодействием ее с благодатью Божией, без которой такой поворот воли совершенно невозможен. Впрочем, и благодать не действует помимо или вопреки произволению человека. Это очень важное аскетическое наблюдение, выстраданное Церковью на огромном множестве живых примеров в борьбе с ересями, отвергавшими роль произволения человека или роль благодати.

Такова воля восстановленного во Христе человека. И если сказанное на святоотеческом языке трудно для понимания, можно те же мысли передать кратко, например словами воинской песни времен Крымской войны 1855 года:

Жизни тот один достоин,  
Кто на смерть всегда готов.

И далее в другом куплете поется о том, ради чего воин жертвует жизнью:

За Царя и за Россию  
Мы готовы умирать.

Это не есть фанатизм или отчаяние самоубийцы. Естественная воля к жизни не пропадает, но человек хочет не просто жить, а жить достойно жизни и временной, и вечной. А так достойно живет лишь тот, кто готов к смерти за высокие христианские идеалы.

Такое же состояние воли христианина видим мы и в житиях мучеников: не презрение к жизни, как таковой, не убийство собственного животолюбия, но стремление к жизни вечной,

сперва верою и произволением, а затем и естественною волею, возвысившейся от временного и земного к вечному и небесному животолубию.

А вот и противоположный пример для уяснения разницы между волею и произволением. Пьяница, дошедший до полного безволия, или отчаявшийся человек, решающийся на самоубийство, – в какой мере они обладают волею и произволением? Ведь они тоже нисколько не дорожат жизнью. Но здесь случай противоположный. Не воля следует за произволением согласно голосу совести, а произволение подчинилось падшей естественной воле в ее скотских, противоестественных похотениях. Получив такую полную власть, эта естественная воля развращается до смертельного предела. Безвольные люди, презирующие свою жизнь, на самом деле стремятся лишь избежать житейских проблем до такой степени, что и жизнью своей играют. Это, конечно, извращение, но извращение не чего-нибудь, а именно естественного животолубия; это именно его перевертыш, а не какой-то более высокий мотив поведения.

Итак, суть нашего падшего греховного состояния в отношении воли заключается в том, что стоит только дать ей простор, как она скоро, убив в душе все, что можно убить, под конец убьет и самое себя, и все закончится вечною смертью в геенне.

Отсекший свою грехолюбивую волю сравнивается иногда с дикой яблоней, на которую прививают культурные черенки. Сам дичок не срубается, но все его сучья отрезаются безжалостно. И на оставшийся ствол с сильными соками и корнями прививают добрые, плодоносные ветви. Так и воля христианина не убивается в своем корне, но отсекается практически во всех своих проявлениях, исходящих из падшего естества, а на их место благодатиею Божиею прививаются намерения добрые.

Отсекший проявления грехолюбивой воли – человек волевой, то есть с сильным произволением. А живущий по своим похотям (по естественной воле), напротив, безволен, или лучше было бы сказать: без-произволен, то есть со слабым произволением. Когда в детских книжках упоминается о

воспитании (самовоспитании) сильной воли, имеется в виду именно подчинение естественной воли произволению. Естественная воля хочет съесть пирожное, а произволение ребенка перечит ей. Станет побеждать произволение – говорят, что у мальчика укрепились воля.

В христианской аскетике разговор о воле и ее отсечении начинается с того момента, когда произволение в общих чертах уже определилось, но еще не закалено, не проверено, и чаще побеждается естественною волею, нежели само побеждает оную. Такой момент есть опять же наше обращение ко Христу, первая самостоятельная, личная решимость стать христианином и быть им, чего бы это ни стоило. Пока произволение еще ни разу не делало такого выбора, все разговоры о воле остаются еще безпредметными. Можно, конечно, если хочется, тренировать свою волю, подчиняя ее произволению, просто ради спорта, не имея в виду ни Христа, ни вечной жизни: «Хочу посидеть в тепле, но заставлю себя нырнуть в прорубь. Для чего? – а просто так, волю закалить». Ясно, что подобный сюжет не для нашей книги.

Итак, обратившийся ко Христу, начиная с самого этого момента, должен стать послушником Христовым и ради Его заповедей, всецело принимаемых совестью и в общем уже принятых и произволением, – подчинить им свою волю. Но жизнь полна конкретных дел и ситуаций, между тем как в падшем состоянии у нас не только воля, но и ум, который может вовсе неправильно понимать заповеди Божий применительно к данному случаю. Потому для навыка послушанию евангельскому надобно навикнуть послушанию живым людям.

По милости Божией и Его благому Промыслу человеческое общежитие в целом все еще так устроено, что уже само по себе накладывает на человеческую похоть ряд спасительных ограничений, насильственно контролируемых законом. Иными словами, есть еще беззакония, юридически запрещенные, хотя круг их год от года сужается. Когда он сожмется до какого-то последнего предела, двуногие начнут просто пожирать друг друга, и видимо, это и будет концом Истории. Церковь, начиная с апостолов, хорошо понимала важность подчинения

гражданскому порядку, ограничивающему хотя бы явные преступления и злодеяния. *Начальник есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое* (Рим.13:4), – учит апостол Павел. О том же говорит и апостол Петр: *Будьте покорны всякому человеческому начальству, для Господа: царю ли, как верховной власти, правителям ли, как от него посылаемым для наказания преступников и для поощрения делающих добро»* (1Пет.2:13–14).

Следует, правда, пояснить, что сказано это еще до начала первых **государственных** гонений на христиан, которые начал официально только император Нерон, казнивший обоих Апостолов. До того времени христиан гнали в основном иудеи, подстрекавшие к этому иногда язычников клеветой и подкупом. Но сами же иудеи были давним и общеизвестным врагом Римского царства, от которого Иудея находилась в колониальной зависимости. Когда же само государство начинает гнать веру Христову и предъявлять христианам противные совести требования, то следует вспомнить и другие слова Апостолов: *Должно повиноваться больше Богу, нежели человекам* (Деян.5:29). Надобно обратить внимание и на многочисленные примеры мучеников, исполнивших эти слова делом, отказавшихся приносить жертвы идолам и отречься от Христа, хотя во всем остальном они проявляли должное послушание гражданскому порядку и власти.

Итак, первая и самая грубая ступень ограничения самоволия – гражданский закон. Он ограничивает человека лишь в тех действиях, которые наносят ущерб другим лицам или их имуществу, а потому никакая положительная мораль, даже нехристианская, не ограничивается только правовыми нормами, но выдвигает требования более высокие – тем более нравственность христианская.

Кроме государственной иерархии и подчиненности, существует и иерархия семейная – такая же богоустановленная, как и принцип государственной власти. Закреплена она и заповедью Божией о послушании детей родителям.

Родительская власть над детьми имеет тот же предел, что и государственная над гражданами. Если родители (или власть) отвращают христиан от Бога или принуждают их к явному греху, то в этом слушаться их не должно. В остальном же семейное и государственное послушание обязательно. Естественным ходом жизни получается так, что власть родителей над детьми с возрастом ослабевает сама собою; к моменту совершеннолетия, или начала монашеского пути, или создания выросшими детьми своей семьи она практически прекращается и может оставаться лишь на уровне нравственного влияния. Но ускорять это время своим непослушанием юные никак не должны.

Родители не желают своим детям зла и имеют жизненный опыт; уже только поэтому должно их слушаться. Впрочем, это наставление легко принимается и неверующими. А для верующих послушание родителям освящено Самим Богом, примером юности Иисуса Христа (Лк.2:51) и множества святых. И если *противящийся власти противится Божию установлению, а противящиеся сами навлекут на себя осуждение* (Рим.13:2), то тем более это относится к противящимся власти родительской.

Лживы и разрушительны некоторые учения современных безбожников, будто родители в семье не имеют власти и будто бы семья должна строиться на основе взаимного договора детей с родителями. Это полная чепуха. Родители с детьми не равны, семья не есть кружок по интересам, это целостный организм, установленный Самим Богом. Конечно, под властью семейною (а в хорошем случае – и под государственною) не должно понимать какое-то сплошное насилие или самодурство. Но все-таки это именно власть, авторитет последнего слова, а не парламент равных мнений, в котором нет конца спорам и раздорам.

Принимая власть родителей, как таковую, должно уразуметь и рациональные основания этой власти. Вот, к примеру, мнение святителя Феофана по этому поводу в письме к той же благородной девице:

«Долг родителей блюсти вас; они и блюдут, я думаю, как зеницу ока. Если это идет в ином наперекор вашим желаниям, надо покоряться. (В данном случае речь идет даже не о предосудительном желании – с. Т.) Несправедливо видеть в них при этом одно желание поставить на своем, а естественнее видеть здесь желание охранить вас и обезопасить от всего... Покорностью вы должны отплачивать за то, что получаете в семье. Пища, одежда, кров – это хоть и не малое, но и не главное. Главное есть обезопасение от неприятностей вовне. Орлиные крылья покрывают вас. Клюв орла и когти его готовы на поражение всякого, кто покусится причинить вам оскорбление или неприятность. Это благо ничем не заменимо. Как только орла, покрывающего вас, не станет, так заключают вас. Теперь приступа никому нет, а тогда все набросятся... Из-под родительской защиты вам надо перейти тоже опять под защиту или в стенах обители, или в общине сестер милосердия (сказано решившейся сохранять девство, а остальным мы добавим: или замужем – с. Т.) («Что есть духовная жизнь», LXXVIII).

Сказанное применимо не только к девицам, но и к юношам, пока не встанут на ноги, не станут способны сами строить свою семью. И ведь все это сказано в обстановке, где соблазнов мирских было неизмеримо меньше, чем теперь. И если ты теперь настолько смел, что не боишься людей, уверен, что тебя не «заключают», (как выразился святитель Феофан) в плане житейском, то и я буду смел настолько, чтобы уверенно предсказать: заключат твою веру, которая очень сильную трещину даст от самого факта непослушания родителям, пытавшимся ограничивать самовольство и ограждать тебя от соблазнов.

Впрочем, ныне и родители не те, что во времена святителя Феофана. Не всегда они родные, не всегда их двое, не всегда они верующие, не всегда ограждают от соблазнов, а иногда и сами подталкивают на них детей своих. Но такие случаи не для общего рассмотрения в книге, а для индивидуальной пастырской практики. Мы же говорим о нормальных семьях, если не с христианской, то хотя бы с житейской точки зрения.

К таковым семьям и воспитателям принято относить тех, кто бережет детей и воспитанников не только от грубых пороков и соблазнов, но и от матери всех пороков – праздности. В таких случаях говорят, что в такой семье детьми **занимаются**. Большая часть всех семейных и школьных послушаний не имеет прямого нравственного характера, то есть не добры и не злы. Но зато они отводят воспитанников от безделья и что-хочу-делания (выражение того же святителя Феофана), которое более всего прочего поражает волю слабостью. Это суть послушания бытовые, учебные и трудовые. Пусть от них ты справедливо видишь мало проку для счастья человечества, но тем не менее должно усердно их исполнять ради пользы для своей воли. В противном случае причинишь вред душе самой своей праздностью.

В послушаниях не нравственного характера не только дети должны слушаться родителей, желающих им всякого добра, но и рабы должны повиноваться своим господам, как велит Апостол: *Раба, повинуйтеся во всяком строев владыкам, не токмо благим и кротким, но и строптивым (1Пет.2:18)*. Мы вроде уже не употребляем понятия рабства, к кому же могут относиться эти слова? Они касаются таких наемнических трудовых отношений, когда работодатели преступают условия найма и угрозой безработицы превращают наемничество в бесовскую эксплуатацию и сущее рабство. Впрочем, существуют трудовые отношения и прямо рабские (например, в армии), и этого слова не должно бояться, но следует принимать это рабство спокойно в соответствии с заповедями Апостолов, помня, что оно полезнее в чем-то для души, нежели владычество.

Когда же послушание приобретает выраженный нравственный характер, когда велят делать то, что совесть и закон Божий запрещают, и не дают делать того, что Бог повелел, то нужно вспомнить другие слова Апостола: *Вы куплены дорогою ценою; не делайтесь рабами человеков (1Кор.7:23)*. Смысл этих слов в недопустимости нравственного порабощения себя безбожным людям, их приказам и обычаям, противоречащим христианской совести. Но тот же Апостол

тремя строками ранее не велит рабам искать освобождения от рабства физического, трудового.

Если так должно воспринимать христианину даже рабство, то тем более послушание семейное. Важно принять узы этого послушания не как нечто внешнее и отягощающее, но как важное и полезное для себя.

На примерах гражданского и семейного послушания уже видно, что самое важное в них – добровольность. Слушаться вынуждены и арестанты в каторге, но повинуются они не по совести. А христианам должно повиноваться именно по совести, идти на послушание своим благим произволением, а не просто крепко зажав в кулак свою волю. *Рабы, во всем повинуйтесь господам вашим по плоти* (не во всем по духу! – с. Т.), *не в глазах только служа им, как человекоугодники, но в простоте сердца, боясь Бога (Кол.3:22)*, – вот какого послушания ищет от нас Господь. Если бы послушание требовалось только подневольное, не было бы нужды к нему увещевать; требовалась бы только крепкая дубинка, но не аскетическое наставление. На самом же деле ценно лишь добровольное послушание, как должная жертва Господу, Который Сам и судит о ней через нашу совесть, а потом и непосредственно.

С таким только настроем нам нужно подходить к самому глубокому и тонкому виду послушания – духовному.

Это послушание – средство сильное и благотворное, если только оно правильно, осторожно и по воле Божией применяется. Но если оно применяется неправильно, то плоды от него будут ничуть не лучше, чем от самовольства.

Прежде всего, необходимо провести различие между послушанием инока и мирянина. Инок приносит обет послушания, добровольно накладывает максимальные ограничения на свою естественную волю. Такой обет исполним, если приносится в соответствующих тому условиях монашеской жизни, которых и близко нет в миру. Во-первых, послушник не имеет под собою подчиненных лиц, за которых бы он отвечал перед Богом. По крайней мере, весьма длительное время от него самого не требуется кем-либо руководить, ни семьей, ни

подчиненными по службе. Во-вторых, он слагает с себя (или с него слагают) бремя принятия важных самостоятельных решений, после того как главное решение своей жизни – о монашестве – он уже принял. В-третьих, наставник для инока предполагается один на все дела, а не так, как в миру, где начальников бывает много, а в семье еще свое подчинение. В-четвертых, отношения с наставником предполагаются предельно доверительные, с частой, лучше ежедневной, исповедью всех помыслов, к чему практически нет возможности у мирян. В-пятых, предполагается, что сам наставник опытен и духоносен, и что уж совершенно необходимо – лишен властолюбия.

При таких условиях полное послушание наставнику быстро и эффективно, как свидетельствуют и послушники, и наставники, отсекает все порывы самоволия (остригает сучья дикой яблони), что и позволяет победить страсти и привить добродетели.

Все эти условия к мирянам неприменимы, а потому и роль духовника для них поневоле ограничивается. Полное послушание здесь никак не осуществимо, но напротив, приходится приучать пасомого принимать самостоятельные решения, которые потребует от него обстановка в час, когда нет возможности с кем-то посоветоваться. У духовника остается власть запретить грех, но и эта власть не простирается дальше церковных отлучений, между тем как отчаянно грешащие обычно не обращают на них особого внимания. В остальном духовнику остается лишь давать совет, да и то, если его чистосердечно спрашивают.

Итак, даже если рабское подчинение в делах нравственно нейтральных основывалось на совести, то тем более послушание духовное. Духовник не может сделать из мирянина своего послушника по иноческому образцу, но он должен дать ему верные духовные ориентиры. Всякий жизненный поворот мирянина испытывает его отношения с духовником на доверительность и прочность. Признак доброго духовного руководства будет в том, что голос совести пасомого и его произволение к добру усилятся, а требования страстей стихнут.

При этом обнаружится, что совесть и духовник велят одно и то же.

Если же духовник потребует себе абсолютного подчинения, если он не различает между волею и произволением послушника, если для него есть только воля своя (верная и непререкаемая) и воля послушника (подлежащая отсечению), – то в этом случае не нужно быть прозорливым старцем, чтобы заранее предсказать конфликт между этой духовнической волею и совестью пасомого. Подчеркнем: не волею пасомого, а его совестью. Конфликт же этот может разрешиться двояко: или разрывом, или поправлением совести послушника. Такая установка духовника не поможет послушнику отсечь свое самоволие – ведь он именно сам должен его отсекал с помощью духовника – но зато она непременно сместит в его сознании нравственные ориентиры, называя черное белым, а белое черным. Для этой-то цели и придумывается такое извращение послушания, чтобы вместо отсечения греховного самоволия утвердить греховное же обоюдное и старца, и послушника.

Богу не нужны живые роботы. Ему нужны победившие свою волю своим же благим произволением. Но такие роботы нужны в делах греховных, поскольку узаконение греха лучше всего проходит под вывескою святого послушания.

Всему этому не стоит удивляться, ибо, как мудро заметил поэт-христианин о подобной ситуации: «Духовное с греховным по жизни рядышком идет». Сколько злодейств и преступлений в истории Церкви совершено «за послушание» лицам, лишь внешне принадлежащим стаду Христову? Не ошибемся, сказав, что абсолютное большинство! Вот, например. Разбойничий собор 449 года, на котором состоялась первая серьезная манифестация монофизитства. Монахи-монофизиты забили насмерть Константинопольского епископа святого Флавиана и его сторонников, многим нанесли раны и увечья. После этого они неоднократно убивали православных, в том числе священников и епископов, чинили страшные насилия и кощунства в православных храмах, глумились над престолами в них, над Святыми Дарами и святым миром. Может ли совесть

разрешить это человеку сама собою? Нет, но будучи связана послушанием, понимаемым неверно, – может.

Суть монофизитства в его приложении к аскетике и заключается в неразличении между волею и произволением. Для этих еретиков существует лишь замена одной воли на другую. И вот такие плоды этой «аскетики»

Извращенное понятие о послушании оторвало от Церкви не только монофизитов (раскол, «объемом» в половину христианского мира). Оно же породило ересь папизма, в которой погрязла численно большая часть оставшегося христианства. Только слепое послушание авторитету, который не обостряет, а заменяет совесть и произволение послушника, смогло создать учение о непогрешимости папы в допросах вероучения. Подобное отношение к послушанию применяется и в ряде так называемых тоталитарных сект, где это лжеучение берет себе в помощь технические и химические средства (психотропные препараты), а также средства оккультные (гипноз). В недрах секты быстро воспитываются зомби, послушные биороботы, практически теряющие человеческий облик.

Извращение понятия о послушании возможно и в Православной Церкви, хотя и не в такой степени. Еще в прошлом веке святитель Игнатий Брянчанинов говорил, что духоносные наставники – большая редкость даже в его время, а потому в духовном послушании требуется немалая осторожность, чтобы, по выражению святителя Григория Богослова, не принять волка за пастыря. Самым верным оказывается руководство, хотя бы и не духоносное, зато по крайней мере непритязательное, к греху непримиримое, но ориентирующееся на укрепление собственного доброго произволения слушающего.

Итак, правильное разумное послушание должно избежать двух крайностей: и безчинного самоволия, и убиения воли вместе с произволением. Как провести эту грань практически, да еще самому пасомому? Этому нет рецепта, кроме самого общего: надежду на Бога. Господь главный, первый и последний наш Пастырь, Который реально наставляет искренне стремящихся к Нему, допуская им, впрочем, и ошибки, и

заблуждения до времени. На Него и должно возложить все упование, дав простор и Ему действовать в нашей судьбе, не отгоняя Его ни своим, ни чьим-то еще греховным самоволием.

Высказав эти предупреждения и понимая, кого они уязвят до ожесточения, спокойно и сознательно применим их прежде всего к себе. Не должно видеть в них приказания, но лишь обоснованный совет, требующий внимания, а главное – проверки жизнью. Не следует слушаться его (равно как и любого другого совета в этой книге), если произволение читателя не принимает сказанного. Если есть внутреннее сочувствие и согласие с наставлением, а естественное самоволие ему противится, то это нормально, и такое самоволие следует самому подавить. Если же к сказанному нет никакого сочувствия и соблаговоления, даже в самой глубине, – то нам остается только извиниться.

## Глава 6. Греховные страсти

Обратившись к Богу и наведя порядок с внешними отправлениями души и тела, дух наш получает возможность рассмотреть собственную нашу душу изнутри. Такое рассмотрение производится, во-первых, достаточно спокойно, без постоянного зудящего влечения к делам и мыслям суетным, во-вторых, при свете Слова Божия и учения Церкви, принимаемых уже духом нашим за единственно верную точку зрения.

Безпристрастно взглянув на свою душу, мы вынуждены признать в ней полное расстройство и глубокую испорченность. Различные стороны или виды этой испорченности именуются страстями.

## Классификация страстей

Страсти – последствия нашего падения. Падение же состояло в том, что человек возлюбил себя более, нежели Бога. Стало быть, корень всех страстей или их общее содержание – самолюбие. Святые Отцы выделяют три основных его вида: сребролюбие, славолубие, сластолюбие. В таком разделении они основываются на словах святого апостола Иоанна Богослова о трех искушениях мира (1Ин.2:16): сластолюбие отождествляя с похотью плоти, сребролюбие – с похотью очей, а славолубие – с гордостью житейскою.

Существует и иное разделение страстей на восемь главных (можно считать его дальнейшим подразделением трех названных на более конкретные страсти), и все остальные сводятся к этим восьми. Ими являются: чревоугодие, любодеяние, сребролюбие, гнев, печаль, уныние, тщеславие и гордость.

Такая классификация предложена подвижниками-душеведами при наблюдении тонких душевных недугов у монашествующих, более или менее внимательных к своей душе и подвижающихся в очищении ее от страстей. Наши страсти грубее и как бы комплексны, то есть одновременно содержат проявления сразу нескольких главных. Так, зависть может включать нечто и от сребролюбия, и от тщеславия, и от уныния, и от печали. Страсть к нарядам и украшениям проистекает и от тщеславия, и от сребролюбия, и от тонкой блудной страсти. А уж такие грубые пристрастия, как к телевизору, к компьютерным и другим азартным играм, курению и т.п. – и вовсе до конца несводимы к названным главным душевным недугам.

Основное местопребывание страстей есть наша душа, преимущественно же сердце и воля. Естественная падшая воля человека близка к животной и животолюбива, что означает по сути пленение совокупностью всех страстей – самолюбием. Орудием страстей нередко служит и тело, особенно это касается чревоугодия, уныния (лени) и блуда.

## Краткий обзор главных страстей

Святитель Игнатий Брянчанинов дает нам перечисление этих страстей с их подразделениями и отраслями. У него мы и заимствуем наше дальнейшее изложение на эту тему, ограничившись лишь краткими добавлениями в скобках. Наиболее серьезный разговор о блудной страсти продолжим отдельно в следующей главе.

### 1) Чревоугодие

Объядение, пьянство, нехранение и разрешение (нарушение) постов, тайноядение (вкушение пищи в неустановленное время или без молитвы, для монашествующих – вообще кроме положенной трапезы), лакомство, вообще нарушение воздержания. Неправильное и излишнее любление плоти, ее живота и покоя, из чего составляется самолюбие, от которого нехранение верности к Богу, Церкви, добродетелям и людям. (Сюда же отнесем пристрастие к теплу, удобству, комфорту, мягкому ложу и сидению и т. п.)

### 2) Любодеяние

Блудное разжжение, блудные ощущения и положения души и сердца. Принятие нечистых помыслов, беседа с ними, услаждение ими, соизволение им, медление в них. Блудные мечтания и пленения. Нехранение чувств, в особенности осязания, в чем дерзость, погубляющая все добродетели. Сквернословие и чтение сладострастных книг. Грехи блудные естественные: блуд и прелюбодеяние. Грехи блудные противоестественные (содомия, рукоблудие, кровосмешение, всевозможные извращения, которые, видимо, полностью нам и неизвестны).

### 3) Сребролюбие

Любление денег, вообще любление имущества, движимого и недвижимого. Желание обогатиться. Размышление о средствах к обогащению. Мечтание богатства. Опасения старости, нечаянной нищеты, болезненности, изгнания. Скупость. Корыстолюбие. Неверие Богу, неупование на Его Промысл. Пристрастие или болезненная любовь к разным

тленным предметам, лишаящая душу свободы. Увлечение суетными попечениями. Любление подарков. (Модничество.) Присвоение чужого. Лихва (займы под проценты). Жестокосердие к нищей братии и ко всем нуждающимся. Воровство. Разбой.

#### **4) Гнев**

Вспыльчивость, принятие гневных помыслов: мечтание гнева и отмщения, возмущение сердца яростью, помрачение его ума. Непристойный крик, спор, бранные, жестокие и колкие слова, ударение, толкание, убийство. Памятозлобие, ненависть, вражда, мщение, оклеветание, осуждение, возмущение и обида ближнего.

#### **5) Печаль**

Огорчение, тоска, отсечение надежды на Бога, сомнение в обетованиях Божиих, неблагодарение Богу за все случающееся, малодушие (трусость), нетерпеливость, несамоукорение, скорбь на ближнего, ропот, отречение от креста, покушение сойти с него. (Зависть богатым, благополучным, попытка угнаться за ними в стремлении к благам житейским.)

#### **6) Уныние**

Леность ко всякому доброму делу, в особенности к молитвенному. Оставление церковного и келейного правила. Оставление непрестанной молитвы и душеполезного чтения. Невнимание и поспешность в молитве. Небрежение, неблагоговение, праздность. Излишнее успокоение сном, лежанием и всякого рода неюю. Перехождение с места на место, частые выходы из келий, прогулки и посещения друзей (сие преимущественно сказано о монашествующих, а для мирян можно сказать так: отвращение от одиночества, боязнь остаться наедине с собою, тяга к компании и увеселению в ней, замена компании телевизором или радиослушанием). Празднословие, шутки, кощуны. Оставление поклонов и прочих подвигов телесных. Забвение грехов своих. Забвение заповедей Христовых. Нерадение, пленение, лишение страха Божия. Ожесточение, нечувствие, отчаяние.

#### **7) Тщеславие**

Искание славы человеческой. Хвастовство. Желание и искание земных и суетных почестей. Любление красивых одежд, экипажей, прислуги и келейных вещей. Внимание к красоте своего лица, приятности голоса и прочим качествам тела. Расположение к наукам и искусствам гибнущим века сего (впрочем, не само по себе, но), искание успеть в них для приобретения временной земной славы. (Желание через науку познать Премудрость Божию, отыскать свидетельства ее и посрамить, тем безбожие и суемудрие, равно и стремление средствами искусства выразить глубокое и верное религиозное чувство едва ли подлежат осуждению сами по себе, хотя, конечно, всегда могут подвергаться искушению тщеславия.) Стыд исповедывать грехи свои. Скрытие их перед людьми и отцом духовным. Лукавство, самооправдание (особенно на исповеди). Прекословие, составление своего разума (или, иначе говоря, своего собственного мнения о том, что хорошо и что дурно). Лицемерие, ложь, лесть. Человекоугодие. Зависть (не тому, что другой больше имеет, а тому, что его больше ценят). Уничтожение ближнего. Переменчивость нрава (капризность). Потворство (видимо, чужим страстям). Безсовестность. Нрав и жизнь бесовские.

### **8) Гордость**

Презрение ближнего. Предпочтение себя всем. Дерзость. Омрачение, дебелость ума и сердца, пригвождение их к земному. Хула, неверие, лжеименитый разум. Непокорность Закону Божию и Церкви. Последование своей плотской воле. Чтение книг еретических, развратных и суетных. Неповиновение властям (имелась в виду, естественно, богоустановленная, а не богоборческая власть). Колкое насмешничество. Оставление хриstopодражательного смирения и молчания. Потеря простоты. Потеря любви к Богу и ближнему. Ложная философия, ересь, безбожие, смерть души.

По такому перечню можно внимательно осмотреть свою душу при подготовке к исповеди. Но задача наша не только в том, чтобы свои страсти видеть, а в том, чтобы научиться их преодолевать.

## Борьба со страстями

Для преодоления страстей в самом их корне требуется постоянное внимание к своей душе, контроль не только своих действий, но и мыслей, и чувств. Требуется постоянно **внимать себе**, то есть глядеть на свою душу глазами святых Отцов-аскетов. О страстях и их конкретных проявлениях у Отцов написано много и все это следует постоянно прилагать к душе своей.

Не станем обнадеживать себя сверх чувства реальности: для живущих в миру такое внимание практически недостижимо. Страсти продолжают жить в нашем сердце, даже если они не проявляются долгое время. Подобрал удобный момент и прикрывшись благовидными оправданиями, они внезапно восстают в душе достаточно сильно и почти непреодолимо. Момент восстания страстей всегда подбирается невидимыми врагами нашими таким образом, чтобы внимание к себе было у нас наименьшим. Живя в миру и озабочиваясь целым рядом помышлений и чувств, мы не можем сохранить достаточной меры трезвения.

В лучшем случае мы научаемся, согласно поговорке, махать кулаками после драки, то есть замечать действие страсти в себе только после того, когда дали ей ход и нагрели. Грех, как вещь смертоубийственная, всегда приносит в душу отрезвляющую горечь, которая бывает полезной, если не доходит до отчаяния.

И все же унывать не должно. Сколько бы раз ни боролись с страстями, последующее покаяние – вещь немаловажная и вовсе не бесполезная. Оно не дает страсти укрепиться в нас полностью. Полное вселение страсти характерно тем, что человек ее в себе не замечает и не признает. Если же он кается в этой страсти – значит, еще не безнадежен, может и исправиться. Поэтому важно какому-нибудь раздражению не перейти в злопамятство, случайному ропоту – в долгое уныние, радостному приобретению – в сребролюбие, огорчению по поводу ловкости товарища – в зависть и так далее. Иными

словами, ни одной вспышке страсти не дать перейти в долговременный душевный пожар. Всему этому помогает покаяние, хотя бы оно было несколько запоздалым.

Покаяние должно быть искренним, чтобы от него рождалась решимость не поддаваться искушению. Затем постепенно придет опыт, показывающий, с чего начинается и как продолжается действие страсти. Эти решимость и опыт развивают в нас внимание к себе. Внимающий же недоступен действию вражью, пока сохраняет внимание: он легко заметит и отсечет всякий прилог страсти, пока тот еще легкий, пока с ним легко справиться.

Хороший способ для воспитания внимания – аскетическое чтение. Книги Отцов-аскетов можно перечитывать и раз, и другой, и третий. Глупая книга скучна со второго раза, а слова подвижников-душеведов каждый следующий раз будут пониматься все глубже, по мере роста собственного духовного понимания. А главное, пока у нас свежо в памяти прочитанное учение о страстях, мы более внимательны. Поэтому если мы год и другой не берем в руки такой книги, то запускаем душу свою и уже не только поддаемся внезапным нашествиям страстей, но и каяться в них по-настоящему забываем, ограничиваясь крайне сухим перечислением того, что знаем за собою. И это в лучшем случае.

У святых Отцов о страстях говорится очень много, и сказано это победившими страсти, а потому познавшими их. Наше же познание страстей идет с другого конца: мы знаем, как страсти побеждают нас, как тиранят душу. В этом главное наше отличие от Отцов и потому мы уступим слово им, ограничившись лишь сказанным. Ведь у нас составляется лишь предисловие к аскетике.

Подробно задержимся лишь на аскезе пола, поскольку святые Отцы в отличие от нас обычно обращались к монашествующим.

## Глава 7. Аскеза пола

Для преодоления страстей в самом их корне требуется постоянное внимание к своей душе, контроль не только своих действий, но и мыслей, и чувств. Требуется постоянно **внимать себе**, то есть глядеть на свою душу глазами святых Отцов-аскетов. О страстях и их конкретных проявлениях у Отцов написано много и все это следует постоянно прилагать к душе своей.

Не станем обнадеживать себя сверх чувства реальности: для живущих в миру такое внимание практически недостижимо. Страсти продолжают жить в нашем сердце, даже если они не проявляются долгое время. Подобрал удобный момент и прикрывшись благовидными оправданиями, они внезапно восстают в душе достаточно сильно и почти непреодолимо. Момент восстания страстей всегда подбирается невидимыми врагами нашими таким образом, чтобы внимание к себе было у нас наименьшим. Живя в миру и озабочиваясь целым рядом помышлений и чувств, мы не можем сохранить достаточной меры трезвения.

В лучшем случае мы научаемся, согласно поговорке, махать кулаками после драки, то есть замечать действие страсти в себе только после того, когда дали ей ход и нагрели. Грех, как вещь смертоубийственная, всегда приносит в душу отрезвляющую горечь, которая бывает полезной, если не доходит до отчаяния.

И все же унывать не должно. Сколько бы раз ни бороли нас страсти, последующее покаяние – вещь немаловажная и вовсе не бесполезная. Оно не дает страсти укрепиться в нас полностью. Полное вселение страсти характерно тем, что человек ее в себе не замечает и не признает. Если же он кается в этой страсти – значит, еще не безнадёжен, может и исправиться. Поэтому важно какому-нибудь раздражению не перейти в злопамятство, случайному ропоту – в долгое уныние, радостному приобретению – в сребролюбие, огорчению по поводу ловкости товарища – в зависть и так далее. Иными

словами, ни одной вспышке страсти не дать перейти в долговременный душевный пожар. Всему этому помогает покаяние, хотя бы оно было несколько запоздалым.

Покаяние должно быть искренним, чтобы от него рождалась решимость не поддаваться искушению. Затем постепенно придет опыт, показывающий, с чего начинается и как продолжается действие страсти. Эти решимость и опыт развивают в нас внимание к себе. Внимающий же недоступен действию вражью, пока сохраняет внимание: он легко заметит и отсечет всякий прилог страсти, пока тот еще легкий, пока с ним легко справиться.

Хороший способ для воспитания внимания – аскетическое чтение. Книги Отцов-аскетов можно перечитывать и раз, и другой, и третий. Глупая книга скучна со второго раза, а слова подвижников-душеведов каждый следующий раз будут пониматься все глубже, по мере роста собственного духовного понимания. А главное, пока у нас свежо в памяти прочитанное учение о страстях, мы более внимательны. Поэтому если мы год и другой не берем в руки такой книги, то запускаем душу свою и уже не только поддаемся внезапным нашествиям страстей, но и каяться в них по-настоящему забываем, ограничиваясь крайне сухим перечислением того, что знаем за собою. И это в лучшем случае.

У святых Отцов о страстях говорится очень много, и сказано это победившими страсти, а потому познавшими их. Наше же познание страстей идет с другого конца: мы знаем, как страсти побеждают нас, как тиранят душу. В этом главное наше отличие от Отцов и потому мы уступим слово им, ограничившись лишь сказанным. Ведь у нас составляется лишь предисловие к аскетике.

Подробно задержимся лишь на аскезе пола, поскольку святые Отцы в отличие от нас обычно обращались к монашествующим.

## Общее наставление о девстве и браке

Ты уже, вероятно, заметил, что тело твое взрослеет, что в нем возникают новые, незнакомые прежде половые ощущения и отправления. Некоторые злонамеренные воспитатели, точнее, растлители делают из этого для тебя конкретный вывод: вот, мол, у организма появляется новая функция и новая потребность, которая должна быть задействована.

Это ложь. Есть два очень важных и неоспоримых возражения против нее.

Во-первых, половое созревание – это не момент, а долгий процесс, и начало половых отправлений вовсе не свидетельствует о его окончании, оно и есть лишь начало значительной перестройки всей физиологии организма. У разных людей, у разных рас и народов имеются некоторые особенности этого процесса, но во всяком случае, пока продолжается рост организма, продолжается и созревание. Раннее начало осуществления половой функции может этому только помешать.

Во-вторых, с точки зрения физиологии у человека вообще нет никакой половой потребности. Потребности тела состоят в дыхании, питании, тепле, отдыхе, движениях и шлаковых выделениях. Без удовлетворения таких потребностей в продолжение долгого времени человек просто умирает или тяжело заболевает.

Совсем иначе обстоит дело с половым влечением. Множество людей без всякого ущерба для здоровья и долголетия всю жизнь сохраняли девство, не дав ни разу в жизни ни малейшего удовлетворения этой якобы «потребности». Да и ты сам можешь вспомнить, что новые и непонятные чувства полового происхождения поднимаются в душе внезапно и отходят достаточно спокойно и безболезненно. У юношей бывают в связи с этим половые выделения во сне, совершенно безвредные и безболезненные, но тем вся телесная «потребность» и кончается до времени. У девушек же чисто плотская сторона полового влечения выражена обычно еще

слабее. Женщинам в общем легче сохранять девство, чем мужчинам. В любом случае ясно что половое влечение не есть потребность тела, но оно приходит к телу через душу.

Другое дело, если захотеть и дать себе волю, можно вселить блудную страсть в тело и сделать ее физиологически необходимою. Но это делается точно в том же смысле и ровно в ту же меру, как привычка к алкоголю, табаку и наркотикам делает телесной потребностью принятие этих ядов. Без очередной дозы зелья человек чувствует явное ухудшение здоровья и самочувствия, но никто же не делает из этого вывод, будто в человеке изначально живет или с возрастом развивается алкогольная или табачная потребность. Так и половое влечение для человека не развращенного не есть телесная потребность, но скорее – особое душевное расположение, необходимое для воспроизводства человеческого рода.

Половое влечение само по себе непредосудительно, но реализоваться оно должно только в честном браке, в христианской семье. Для того Бог и дал его людям, чтобы мужья и жены держались друг друга, совместно воспитывали детей, потому что вне семьи воспитать человека-христианина чрезвычайно трудно, если вообще возможно. Но нужно помнить, что брачные отношения установились у людей лишь после падения. До этого наши прародители были настолько ближе к Богу и духовнее, что не ощущали полового влечения. Потому-то девство ценится Церковью выше брака.

Иисус Христос, Его Пречистая Мать, Иоанн Предтеча, огромное большинство почитаемых Церковью святых были девственниками. Девственники ближе к Богу, духовное начало в них развито сильнее. Вступающие в брак познают при этом некие психологические особенности, тонкости человеческого поведения друг у друга. Мужчины начинают лучше понимать женские характеры, подобно и замужние женщины лучше понимают поведение мужчин. Но это чисто душевное обогащение всегда идет за счет некоторого оскудения духовного.

Поэтому не должно верить тем лжеучителям, встречающимся даже в христианской среде, которые учат, будто бы только в браке личность доходит до своего наивысшего развития и раскрытия, будто только здесь познает настоящую любовь. Это не так. Что бы или кого бы ни возлюбили девственники, их любовь всегда глубже и сильнее. Себя полюбят – сойдут с ума гораздо быстрее семейных, (что давно уже замечено о девственницах, сохранивших девство не намеренно, не Христа ради); но если Христа полюбят – гораздо ближе семейных будут к Нему. Живущие в браке, хотя бы и благочестивы были, всегда вынуждены делить сердце между супругом и Богом, всегда вынуждены отвлекаться от попечений духовных и небесных к земным и временным. Девственники же всегда цельнее в своем религиозном чувстве, женатые никогда с ними в этом не сравнятся.

Так учит Христова Церковь испокон веков, и у всех Отцов в оценке девства видно поразительное единодушие. Не осуждая брак, все они любят и ценят девство паче брака. Ты скажешь: они сами девственники, не испытали по себе, что такое семейное счастье. – Так вот тебе свидетельство женатого человека, вполне довольного своей женитьбой: девство действительно выше. В девстве духовная ревность о славе Божией всегда горячее, даже честный брак подрезывает духовные крылья.

Итак, храни девство и целомудрие не просто как запретительное установление Божие, защищающее от греха. Не просто вспоминай о той табличке на высоковольтном столбе – помнишь? Но всякий раз, когда половое влечение дает о себе знать каким-то образом, вспоминай о том сокровище целомудрия, которое еще осталось в душе твоей, и береги его. Теряется оно один раз, и больше не восстанавливается. Даже в христианском браке ты уже этим сокровищем обладать не будешь.

Богу и Церкви нужны служащие в иноческом, девственном звании. Может ли вообще существовать Церковь, если в ней иссякнет монашество? И может ли монашество держаться только на вдовых, увечных и разведенных, когда девственных

здоровых монахов уже не будет? По крайней мере до сих пор без девственников Церковь никогда не обходилась и не оставалась. Так что, скорее всего, без них она быть не может.

Поэтому стремление к житию девственному, с настроем на монашество с юности – дело весьма похвальное. Опасность в нем – отсутствие в наши дни духоносных наставников и крайнее оскудение наставников, относительно приемлемых, а также отсутствие условий для монашеского подвига. Поистине, сбывается мрачное предсказание: в монастыре стало как в миру, а в миру как в аду. Остается надежда, что искренне ищущим Бога Он Сам укажет путь спасения, так сказать в порядке исключения, ибо правилом уже не только в миру, но и в церкви стал широкий путь гибели.

В любом случае девство надобно хранить и тем, кто не решается на подвиг всегдашнего девства. По сути дела – это верность будущей жене, если Бог ее пошлет. Верным до брака легче и потом сохранить святыню брака, не изменяя друг другу, а в этом основа семейного счастья.

Бог поругаем не бывает, обмануть Его невозможно, и потому все желающие блудить до брака пусть помнят, что хорошей семьи у них не будет.

Впрочем, для счастливого брака недостаточно только добрачного целомудрия, недостаточно и освящения брака Церковью в таинстве венчания. Нужно, чтобы брак был заключен по воле Божией, чтобы эта воля видна была из складывающихся обстоятельств. Вступающие в брак должны быть людьми одного круга. Чем больше между ними неравенства: во-первых, религиозного; во-вторых, национального; в-третьих, сословно-социального; в-четвертых, имущественного; в-пятых, возрастного, – тем больше трудностей и проблем возникнет в таком смешанном или неравном браке.

Во времена общественного благочестия смешанные браки просто запрещались, и это было правильно. Если жених и невеста исповедуют разные религии, то им никогда не удастся создать христианскую семью. Если такой брак не распадется, то все члены семьи приобретут одну общую религию –

практическое безбожие. Даже разная по силе приверженность к одной и той же вере служит к постоянному семейному напряжению. Редко бывает, что ревностный христианин увлечет малорелигиозную жену к пути христианскому, или подобно жена пробудит мужа от сна духовного. Скорее наоборот, отношения супругов наладятся в ущерб духовным интересам.

Разная национальная принадлежность также крайне нежелательна в браке. (Здесь мы не разделяем единого русского народа на три части.) Исключение могут составлять разве только исконно православные народы: греки, сербы, румыны, болгары. Душевный склад иного народа впитывается во всех его членах и постоянно будет мешать другому супругу. Тем более, что не просто одна особа станет теперь женою (мужем), но и вся ее (его) семья будет почитаться роднею, и с нею могут возникнуть свои трудности в отношениях.

Брак, резко неравный в социальном или имущественном отношении, а также заключаемый против воли родителей, также вряд ли будет счастливым и долгим. Недаром говорится о брачных делах: руби дерево по себе.

Это общее наставление следует иметь в виду задолго до брака. Некоторые юноши и девушки легкомысленно думают, будто любовь эти проблемы победит и преодолееет. Нет! Любовь одолела бы, но влюбленность не есть любовь. Любовь ищут в горах и пустынях, на кресте или в темнице, где страждут за Христа, но такой любви не найдешь в брачном чертоге.

*Не ищи жены или мужа,* – это прямое наставление Апостола (1Кор.7:27). В особенности не ищи их где-нибудь за пределами Церкви. Хочется иметь семью – молись об этом, и Бог, когда нужно, пошлет семейное счастье. Впрочем, бывает и так, что человек до относительно зрелого возраста так и не может найти себе удачную партию. Что же, такова воля Божия. Некоторых Бог как бы определяет на службу Себе вне брака, хотя у них поначалу не было к этому решимости. Просто Он видит, кто из рабов Его склонен, а кто несклонен к семейной жизни. Кому-то лучше послужить Господу в таком несколько вынужденном безбрачии, чем создать семью несчастную.

Важно, чтобы мы всё встречали с покорностью воле Божией. Но пока об этом думать еще рано. Неслучайно и в церковном, и в гражданском отношении во всех обществах установлен определенный брачный возраст – как правило 18 лет, а то и больше. Прежде всего нужно утвердить себе на сердце одно: до осуществления законного церковного брака (а кому-то на всю жизнь) настраиваемся на подвиг хранения девства и целомудрия.

## Режим целомудренной жизни

Проще всего не пить и не курить тому, кто ни разу не пробовал. То же относится и к хранению целомудрия. Не поддаваясь чужому злему примеру – и справиться с самим собою будет не так уж сложно. Но того, кто познал запретный плод любой страсти, будет тянуть к ней постоянно, хотя после первых опытов познания греха преступники всегда ощущают некую отрезвляющую горечь. Можно выделить два вида блудных помыслов и мечтаний: собственно плотские и более тонкие, душевные, именуемые попросту влюбленностью.

А. Плотские помыслы и мечтания большей частью свойственны юношам, поскольку у них это связано с особенностями физиологии. Предметом их является собственно желание телесной близости. Особенно они могут разжигать плоть к вечеру, перед сном. Хорошо запомнив и постоянно приводя себе на память то, о чем мы сказали выше, именно, что это не плоть требует необходимого ей, а душа по развращению своему желает излишнего, – против таких помыслов следует крепко вооружаться и отсекал их безжалостно, не давать им никакой уступки. К тому есть средства и заблаговременные, и относящиеся собственно к моменту нападения страсти. Заблаговременные средства – это в первую очередь хранение чувств, прежде всего зрения и осязания. Простые правила: не смотреть на срамные изображения и фильмы, не рассматривать при встрече лиц противоположного пола, особенно летом, когда одежда слишком открыта, не читать о любовных похождениях, всячески избегать медицинских знаний об интимном. Как хранить осязание, думается, нет нужды описывать, нужно только постоянно избегать всяких, самых невинных с виду прикосновений. Под нашей кожей всюду спрятаны мины блудных ощущений. Похотный пожар может начаться от самой незначущей причины. Юношам и мужчинам в хранении целомудрия особенно помогает пост. Исключить скоромную пищу – и сразу плоть перестает помогать бесам и нашей душе

разжигать себя. А если плоть уже не противник, то и с душой легче справиться. Постоянная умеренность в пище помогает избежать сильных блудных приражений. Впрочем, это средство действительно лишь до какой-то степени. Если разжжение уже началось и никак не успокаивается, могут помочь 1–2 дня полного поста. Сутки ничего не есть – и очень велика вероятность, что плотские помыслы сами собой улягутся. Спать желательно на жестком ложе и в прохладе. Это тоже важное профилактическое средство против блудных разжжений. Против внезапного восстания блудной похоти в самый момент бушевания страсти нелегко найти такое средство, которое ты стал бы применять в этот момент. Прежде всего нужно осознать: бес меня искушает на плотской грех, это от него, а не от меня самого. С этой отрезвляющей мысли уже начинается борьба. Отогнать врага можно и молитвою (поклоны именно в этот момент не рекомендуются) и чтением житий святых, подвизавшихся за целомудрие. Если молитва не идет, а чтение недоступно в данный момент, можно постараться отвлечь мысли на нейтральную тему: уроки, прочитанные книги, дела житейские. Это средство плохое, годное лишь малодушным, но лучше уж прибегнуть к нему, чем пособствовать блудной похоти. Самым последним средством успокоиться и просто заснуть могут послужить успокоительные препараты, вроде валерианы или пустырника. Но это, конечно, самый крайний случай, годящийся для людей, обратившихся ко Христу из состояния сильного развращения души. Плотские помыслы и мечтания у мужчин во сне иногда сопровождаются семявыделением, которое в церковной практике называется осквернением. После него положено читать особое молитвенное правило «от осквернения», и в этот день обычно не положено причащаться, разве только в случае крайней нужды по благословению Духовника. Покаянная молитва от осквернения напоминает юношам о том, что оно не есть просто естественный процесс, но сопряжено с грехом, с блудным мечтанием. Желательно и во сне приходить в себя, просыпаться, если сон видится нечистым, и некоторое время бодрствовать, чтобы он больше не повторялся. Осквернение без мечтаний можно считать

относительно невинным, но молитвенное правило положено и в этом случае. Мужчины не в силах прекратить осквернения сами по себе, но мы вполне способны не сквернить свою душу блудными помыслами, ощущениями и чувствами. Пусть наша телесная нечистота телом только и ограничивается, не простираясь на душу. Кстати, и женщинам в их ежемесячный период половых выделений не положено не только причащаться, но и прикасаться к святыням: иконам, мощам, святой воде и т. д., хотя у них в это время не бывает особого усиления плотских мечтаний. Но такие ограничения и мужчинам, и женщинам необходимы, как постоянное напоминание о нашей падшей природе и живущей в ней греховности, следствием которой и является нечистота телесная. Среди юношей и даже девушек в наше время широко распространился тайный порок – рукоблудие, к которому по неосторожности некоторые привыкают еще до начала полового созревания, а потом никак не могут отвыкнуть. Рукоблудие по библейской оценке – смертный грех, за который его родоначальник Онан (от имени которого и дано название пороку – онанизм) был наказан немедленной смертью (Быт. 38, 9–10). Если обращение ко Христу застало тебя уже в узах этой греховной привычки, борись изо всех сил. Борись до изнеможения, до боли, если не помогает пост, молитва и прохладные условия для сна. Памятуя слова Христовы, что лучше войти в жизнь без руки или без ноги, чем с двумя руками и ногами гореть в вечном огне, – хотя бы за пальцы себя кусай, если не помогает ничто другое. Бросить рукоблудие нужно сразу, не так, как курильщики бросают курить, сокращая дозу понемногу. Нельзя здесь настраиваться на поражение: потерплю, мол, раз и другой, а потом опять расслаблюсь. Страсть эту нужно отражать каждый раз, как она попытается требовать свое.

С каждой победой над ней укрепится твоя воля, а сама страсть будет слабеть. Иначе привычка эта разобьет твою жизнь и погубит веру. Наказание за такой грех не откладывается до момента смерти – помни! Уже на земле рукоблудники жнут, что посеяли. Они обычно безвольны, подавлены, унылы, у них никогда не будет счастливой семьи. Уже в средние годы они

превращаются в стариков. Итак, не поддавайся этой скверной страсти.

Б. Душевные блудные помыслы и мечтания – суть более тонкие искушения той же страсти. В переводе с аскетического языка на повседневный они означают влюбленность, и свойственны как мужчинам, так и женщинам, но последним в большей мере. Они очень благовидны снаружи, окружены бывают многими благородными сопутствующими чувствами, и воспеты во всех видах литературы и искусства.

Впрочем, влюбленность не совсем и не всегда греховна, потому что в глубине своей она естественна для потомков падшего Адама. У нормального, не развращенного человека она предшествует всяким плотским помыслам и пожеланиям. К таким людям, особенно в юности, влюбленность приходит как-то ясно, тихо и чисто. Увидишь иной раз красивое или просто милое лицо, невольно залюбуешься, ветер в голове зашумит.

Вот на этом и следует остановиться, воздав славу Богу, Который сотворил человека все-таки прекрасным, так что остатки первозданной красоты проблескивают ещё в падших людях, несмотря на греховное повреждение. Люди обезобразили грехами себя, и своих детей портят еще до их рождения, и все-таки в мир приводит Господь всех еще чистыми, девственными, не обижает и телесною красотой огромное большинство рождающихся. Как же хороша станет такая красота, если оградить и украсить ее стыдливостью, целомудрием, скромностью, смирением и верностью. И напротив, как не вяжется с нею, как сквернит ее дерзость, тщеславие, наглость, желание всем бросаться в глаза!

Таким размышлением спешి оградить первое впечатление влюбленности. Затем обрати внимание хотя бы на внешнее: на одежду, речь и манеры – согласуются ли они с христианскими понятиями о стыдливости и о смирении. Чаще всего здесь ждет разочарование, ведь не случайно народ давно уже подметил: не родись красивой, родись счастливой. Трудно одаренному какими-либо внешними достоинствами не замечать их вовсе. Для этого нужно было бы с детства быть воспитанным в христианских понятиях и в суровых условиях внешнего быта,

при недостатке всякой ласки и похвалы. А где же теперь найдешь такое воспитание!

Вот и старайся нейтрализовать вредное впечатление от красивой внешности тайным скорбным вздыханием ко Господу: «Боже, хвала Тебе, создавшему такую красоту человеческую по образу Своему и подобию, так что слава образа сего не исчезает, но светится на лице и теле. Но в каком бедствии, в каком поругании сей образ Твой в каждом из нас. Увы! С первого взгляда, с первого жеста, с первого слова заметно, что человек не знает Тебя, Творца своего. Изми же его (ее) от сетей сего пагубного заблуждения, даруй ему прийти к Тебе и украси его телесную красоту целомудрием, смирением, чистотою и верою. Утай же сию красоту для того, кто достоин ее, меня же не введи в искушение, но избави от лукавого».

Вспоминай житие преподобной Пелагии, которая была прекрасна внешне и промышляла блудом в высших кругах языческого общества. Однажды она проходила мимо храма, где проповедывал святой епископ Нонн. Заметив ее и сразу догадавшись о ее ремесле по ее окружению и манере, он прервал свою речь, а затем сказал слушателям, чтобы каждый из них заботился о своей красоте душевной хотя бы так, как эта женщина о красоте телесной, чтобы каждый работал над спасением своей души хотя бы столько же, сколько она трудится над погублением себя и своих поклонников. Красота Пелагии поразила всех, и в какой-то мере тронула самого епископа, который при всех оплакивал ее погибель. И о диво! Блудница эта покаялась, стала инокиней и святой подвижницей.

Так и ты, если чувствуешь, что начинаешь влюбляться, а объект влюбленности – лицо явно не христианского круга, сочувствуй ему так же, как епископ Нонн Пелагии. Плачь о поругании образа Божия в неверующей душе, и сими слезами угавай самый маленький огонек пробуждающейся нечистой страсти. Главное же – не ищи с таким человеком близкого знакомства, всячески избегай его общества. Воспринимай его как искушение.

Еще раз повторим: руби дерево по себе. Это относится не только к выбору супруга, но и к воспитанию, так скажем, идеала

или эталона своего избранника на будущее. Такой идеал (или, если угодно, герой твоего романа) будет в душе воспитываться как бы невольно, сам собою. Тебе же требуется приложить усилие для того, чтобы подправить этот образ, подвести его под христианские требования.

Христиане выделяются в общей безбожной среде своей наружностью, манерою поведения, речью. Выделяются тем, что стараются не выделяться, не напускать на себя какого-то вида, стремятся быть естественными и скромными. Вот и ориентируйся на это. Приучай сердце к тому, чтобы тебе нравилась всякая скромность, и соответственно, сразу настораживали открытость в одежде, щегольство, косметика, всякие искусственные запахи, громкая, дерзкая речь, непринужденность и вольность с малознакомыми лицами. Папирosa в зубах должна восприниматься как признак душевной слабости; свое отрицательное слово должны сказать тебе и звезды на одежде, и напеваемые человеком поп-мелодии, и так далее.

Конечно, такие признаки не есть еще характеристика человеческого характера. И под майкой с отвратительным рисунком может биться живое сердце. В молодежи много напускного, и каждый отдельно взятый юноша на самом деле лучше, чем он ведет себя в компании. Культивировать ненависть ни к кому не нужно, но нужна здоровая осторожность и отчужденность от лиц, подающих даже внешне пример дурной манеры.

Естественно, самому нужно стремиться отвечать такому образу внешности и поведения. Как эстетический вкус у всякого имеется от природы, но требует своего воспитания, так и «образ хорошего поведения» сложится сам собою, но и мы должны стремиться формировать его правильно, в соответствии со своей верою. Этому в какой-то мере (или на каком-то этапе) может помогать хорошая (классическая) литература, читаемая в меру и с рассуждением. Проще говоря: готовься найти, заметить и оценить пушкинскую Татьяну или Машу Миронову, хотя в наше время такие почти не встречаются, а если встречаются, то их не замечают. Учись вовремя распознать толстовскую Элен,

подобные которой встречаются на каждом шагу, только в еще более пошлом виде. Девушки, не увлекитесь Печоринскими или Онегинскими, потому что с такого рода мужчинами вы не сможете создать нормальную семью, будете всю жизнь несчастны.

И если хорошая литература способна (да и то не всегда) сформировать более или менее приличный «образ героя», то дурная литература (например, советская, особенно изучаемая в школе) гораздо быстрее формирует антиобраз. Еще быстрее его внушает нам современная массовая культура, убивающая все культурные остатки в человеке. Воспитание на таких «героях» теле-видео-экрана разлагает не только христианскую духовность, но и человеческую душевность.

Итак, старайся воспитывать вкус так, чтобы понравиться тебе мог лишь **христианин** иного пола. Лишь так можно застраховаться от дурной, ненужной влюбленности, а главное – от ее последствия, блудной страсти.

Не повторяй себе весьма сомнительную поговорку: сердцу не прикажешь. На самом деле такое выражение сюда не относится. Если ты христианин, и на тебя производит впечатление неверующая, то именно сердце сразу подскажет тебе: не моего романа героиня! Ты можешь послушаться этого голоса, или же послушаться голоса другого, который в том же сердце даст тебе приятную подсказку: да, не моего, но ведь сердцу не прикажешь.

В любом случае придется именно приказывать сердцу, раздвоенному, раздираемому по своей падшей природе. Вопрос только: какому велению приказывать среди двух, исходящих из одного сердца? Сердцу нужно приказывать, потому что Бог ему приказывает. Если не научишься ему приказывать, где же оно окажется в час Суда?

Хочется надеяться, что в юность ты вступаешь хотя бы телесно не растленным. Если так, то первая влюбленность не будет похотливою. Она бывает чистою в том смысле, что сама по себе не возжигает еще плотских мечтаний и похотений. Плотское похотение приходит как бы с другой стороны, а иногда даже по отношению к иному человеку, не к предмету душевной влюбленности (отчего можно сразу понять, что это чисто

бесовское наваждение!). Оно настолько должно быть постыдным тебе самому на фоне чистой влюбленности, что ты поскорее постарайся потушить этот адский огонек.

Пройдет первое увлечение, и если не нарушит целомудрия, то и не причинит особого вреда. И вторая влюбленность может быть столь же чистой, хотя уже, вероятно, не столь безвредной. Но после того, как приобретешь когда-нибудь интимный опыт, даже в законном браке, помни, что уже никогда в жизни не сможешь иметь влюбленности первой, чистой, девственной. Как неизмеримо низко по сравнению с тем, что в девстве, падут всякие половые чувства, даже душевные! Всякая поэзия из них улетучится и уже придется вести борьбу с ними как с греховными. Кроме того, и сама эта борьба чрезвычайно усложнится.

К чему это сказано? К тому, что первая влюбленность выдерживает испытательный срок до брачного возраста и заканчивается законным браком чрезвычайно редко. Чем же она должна закончиться в «неудачном случае»? Помаешься сердцем, где-то стерпишь обиду, где-то смиришься перед соперниками и обстоятельствами, в чем-то горько прозреешь, что ошибался. Все это естественно, не ты первый, не ты последний, все так когда-то помучились. И это еще не трагедия, если только не забывать о Боге, о ценностях больших, чем первая влюбленность (обрати внимание, как тщательно избегаем мы именовать ее любовью, а слово «любовь» произносим, лишь когда речь заходит о евангельской заповеди).

Держи только все чувства в себе, делаясь ими разве только с родителями или старшими братьями и сестрами. Береги сокровище девства, сознательно подавляй всякие проявления зависти и ревности. И ни в коем случае не позволяй душевным чувствам расходиться все дальше и дальше. Не подогревай влюбленность чтением любодейных романов или воспоминанием уже прочитанного. Так влюбишься и разлюбишь, и жив останешься, и никому не навредишь своей влюбленностью.

Если же не послушаешься этого совета – сам себя накажешь. Как грубую плотскую похоть, если захотеть, можно

разжигать искусственно, так и тонкую душевную страсть можно усилить в себе. Стоит только усвоить себе ложные, нехристианские понятия о влюбленности как о любви, о чем-то высоком и возвышающем, что требует жертв и служения по подобию служения Богу. Такое ложное понятие внушает литература, утратившая духовное чувство и заменившая утраченное обильною душевностью. Например, повесть Куприна «Гранатовый браслет», где описан томный воздыхатель, ходивший по стопам замужней женщины, собиравший платочки и перчатки, которых когда-то коснулись ее несравненные пальчики, и написавший ей последнее письмо с кощунственным восклицанием: да святится имя твое! Такой человек может кончить только сумасшествием или самоубийством, что и происходит в конце повествования. Ясно, что дойти до такого можно только полностью забыв о Боге Живом и невидимом, забыв о настоящей любви к ближнему и подменив в своем сердце Бога идолом в образе возлюбленной женщины.

Идолопоклонство остается таковым независимо от того, что почитается идолом. Плюшкинское сребролюбие ничуть не большее кумирслужение, чем такая безумная любовная страсть, хотя в ней и нет ничего плотского или блудливого. Но если Плюшкин смешон и жалок, то герой Куприна, напротив, подается в ореоле славы.

Неизвестно, возможны ли в наш век грубых чувственных страстей такого рода душевные извращения, но все же предупредить против них следует хотя бы с тою целью, чтобы вообще всем «делам личной жизни», независимо от степени их чистоплотности, давать не слишком высокую цену. В этой жизни мы едим, пьем и влюбляемся, но живем мы все-таки не для того, чтобы есть, пить и влюбляться.

Хочешь ли создать семью по воле Божией? Молись, чтобы Бог Сам устроил это, когда Ему будет угодно. Условием же выполнения такого прошения твоего ставится чистота и доверие Промыслу. Верь, верь беззаветно и просто, что кому нужно, Бог пошлет именно того, кто нужен. Сколько раз доводилось встречать христианские семьи, столько раз видишь, как точно Бог определяет, кого кому вручить. Характеры супругов

поразительно подходят друг к другу или взаимно дополняют друг друга. Недостаткам одного мешают развиваться достоинства (или недостатки же) другого. Добрые качества у обоих бывают схожи. Вообще же хороша та семья, где взаимная привязанность растет с годами, а вовсе не та, где все начинается с вершины пьянящей влюбленности, а потом постепенно катится под откос.

Верь этому как проверенному факту. К зрелому возрасту многие в этом убеждаются сами. Но лучше понять это не на горьком опыте, а прежде получения его, и не на своих грехах и ошибках, а на вере и доверии Господу.

Впрочем, более всего ублажим здесь тех, кому не нужны все эти наставления, кто уже решил не делить свое сердце между Богом и супружеством. Ясно, что для таких всякое, даже самое легкое и чистое впечатление, связанное с половыми чувствами, есть уже блудное искушение, подлежащее отвержению.

## Глава 8. Духовные делания христианина

До сих пор шла речь большей частью об отрицательной стороне аскетики: как беречься от впечатлений, помыслов, пожеланий и дел греховных, как *уклоняться от зла*. Надобно сказать теперь и о том, как *сотворить благо* (Пс.33:15), то есть об аскетике положительной, о духовных деланиях.

## Божественная ревность, страх Божий и трезвение

После обращения человека ко Христу, после получения первого опыта возбуждающей благодати в сердце нашем должна возгореться Божественная ревность – постоянное стремление во всякий день и час хотя бы как-то приблизиться к Богу, делать угодное Ему и избегать неугодного. Эта ревность, повторим, подается свыше, но от нас требуется ее не потерять и не растратить впустую. Тогда она становится основой всей духовной жизни. Поясним это сравнениями. Может быть, ты видел, как сплавляют лес по реке. Впереди плота непременно движется буксир, придающий плоту еще маленькую скорость относительно течения воды. Это опережение течения необходимо для управления плотом, потому что судно становится неуправляемым, если совсем не движется относительно воды. Когда рассчитывают авиационный двигатель, какую тягу ему должно развивать, то непременно берется некий запас по сравнению с простым, горизонтальным, крейсерским режимом. Без этого избытка тяги самолет не взлетит и не будет способен маневрировать.

Когда экономисты планируют какое-то производство и стоимость продукции, они никак не могут ограничиться тем, чтобы выручка только покрывала все возможные расходы. Должен быть непременно некий запас – прибыль, даже если она не рассматривается как самоцель. Без излишка невозможно будет даже простое воспроизводство, оно остановится, если не будет получать дополнительных дотаций.

Подобно сему и наша жизнь духовная, наше спасение будет невозможно, если мы ограничимся только десятью заповедями в их буквальном понимании, если мы просто установим режим своей жизни, будем избегать только грубых грехов, регулярно ходить в храм, соблюдать посты и так далее. Все это необходимо, но недостаточно. Христианский режим не во всем подобен простому течению плота по реке, крейсерскому полету самолета, а равно и нерентабельному производству, годному лишь на покрытие собственных расходов. Человек,

настроивший свою духовную жизнь на некий заданный минимум обрядов и порядков, вполне довольный ими и не ищущий более углубленного приложения душевных сил к духовным делам, в сущности, закрывает сам себя от пастырского руководства и даже от Божия водительства.

И если на реках встречаются повороты, мели и пороги, если в полете бывают чрезвычайные режимы, а в производстве – кризисы, то тем более в духовной жизни безмятежное дремание на некотором достигнутом внешнем порядке – дело просто невозможное. Спокойствие приведет к поблажкам себе, те в свою очередь к самоугождению, ко оживлению страстей и далее к грубым греховным падениям, от которых не спасут внешние порядки жизни.

Ревность по Богу и есть необходимый «избыток тяги». Горячая ревность о богоугождении способна поднять человека из падения, а спокойное дремание непременно приведет, выражаясь языком Златоуста, к кораблекрушению в пристани. Духовной ревности ждет от нас Сам Спаситель, и не случайно в Евангелии Он сравнивает ее с пламенем: *Огонь пришел Я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!* (Лк.12:49).

А вот что пишет святитель Феофан о том же предмете, как принятие благодати должно сочетаться с нашею ревностью:

«Душа грешная нравственно расслаблена, но когда принимает в себя Господа, чувствует в себе духовную крепость и силу, то есть ощущает в себе воодушевленную ревность о всяком добре... И всегда мы делаем понемногу добро; но делаем, когда оно само, так сказать, попадетя под руки, и в исполнении не требует пожертвований и особых усилий. Но тут возраждается сильная энергия с направлением всех помышлений, желаний и намерений на одно богоугодное, что выражается не только живостию, но и некоторою неудержимостию в трудах доброделания и благочестия... Так должно быть во всяком причастнике Христовых Тайн» (Слова к говеющим о покаянии и причащении, 25).

В чем же конкретно должна выразиться наша благоугодная ревность? Для начала плоту нужно отчалить от берега, а

самолету взлететь. Обратившемуся ко Христу еще предстоит наладить православный церковный режим жизни, предстоит одолеть хотя бы грубые греховные привычки, у кого они имеются: курение, рукоблудие, сквернословие, пристрастие к компьютерной игре, рок-музыке, скверным зрелищам и чтению и т. п. Вот первая точка приложения Божественной ревности. Ведь ревность эта и есть по сути постоянное напряжение произволения на добро.

Затем ревность должна браться и за собственно христианские дела, которым практически нет конца и предела. Это и святоотеческое чтение, и изучение церковной службы, обучение себя внимательной молитве. В этих деланиях оценка уже достигнутого всегда должна не слишком отличаться от нуля. Ибо даже апостол Павел пишет о себе: *Я не почитаю себя достигшим* (духовного совершенства – с. Т.), *а только, забывая заднее и простираясь вперед, стремлюсь к цели, к почести вышнего звания Божия во Христе Иисусе* (Флп.3:13–14).

Постоянное побуждение себя к покаянию и к милостыне также немыслимо без ревности о спасении. Наконец, есть и творческие дела во славу Божию для тех, кто к ним склонен, вроде иконописи, педагогической, проповеднической деятельности, побуждением к которым должна быть именно Божественная ревность. Но это разговор будущий.

Главный побудительный мотив правильной духовной ревности – это страх Божий. Он растет вместе с ревностью, или же они вместе гаснут и затухают в человеке. Страх Божий – чувство глубокое и обширное. На разных стадиях духовного роста под ним могут пониматься несколько различные вещи. Но самое первоначальное и простое проявление страха Божия таково: это глубокое убеждение в том, что христианин никоим образом не хозяин своей судьбы. Даже когда он что-то планирует или предполагает сделать, идя против совести, то его расчеты не сбудутся и планы рухнут, а последствия могут быть весьма тяжкими и непредвиденными. Бояться наказаний вечных мы начинаем далеко не сразу, и далеко не все вообще хотя бы раз в жизни испытали страх геенны огненной. Зато

временные наказания в этой жизни случаются и бывают очень чувствительны. Так вот, первая стадия страха Божия и заключается в постоянном учете Промысла Божия, как наказующего непрогнозируемого фактора нашей земной жизни. Жаль, что хотя бы такой вид спасительного Божия страха приходит только с некоторым опытом, а юные души обычно не имеют его вовсе.

Это подобно тому, как ребенок не боится ни пламени, ни удара электротоком, ни высоты до тех пор, пока не получит самого малого опыта. Но если такой спасительный страх Божий в душе появляется, то он поистине становится началом премудрости. Человек, боящийся Бога, хотя бы в названном самом примитивном смысле, уже проявляет начатки настоящего ума, который не зависит от количества приобретенных знаний или игровой сообразительности.

Вот простые примеры. Родион Раскольников, собираясь на преступление, Бога не боялся и мысли имел самые безумные. Он рассчитывал, кому принесет облегчение и как распорядится захваченными сокровищами. Но совершенно не учитывал самого главного: что его духовно-нравственное состояние после убийства станет уже совсем другим и что в таком состоянии он нисколько не будет способен каким-то образом осуществить свои планы.

Девушка мечтает устроиться в рекламную фирму. Ей говорят, что это дурная затея и что ничего хорошего из этого не выйдет. Но она Бога не боится, Промысл Его не принимает во внимание, и потому ей кажется, что она добьется всего того, что обещают работодатели. Итог получается плачевный: разбитая жизнь, ранняя старость, собственная надменность и озлобленность на весь свет и глубокое ощущение собственной ненужности. В чем причина? В том, что не хватило страха Божия (или, что тоже самое – ума) понять, что на греховном пути непременно изменится и собственный характер, и вкусы, и интересы, и мечты, и настроение – и всё, конечно, не в лучшую сторону.

В этом смысле совершенно ложное, обманчивое отношение к жизни формируют детективные повести, типа похождения

Шерлока Холмса. Там прививается совершенно механический взгляд на жизнь. Читателю кажется, что очень нетрудно подражать этому фантастическому железному герою, у которого если и проявляются еще изредка какие-то сантименты, то лишь на краткий миг и без всякого влияния на его поступки. Между тем действительная жизнь совершенно не такова. Реальное соотношение между преступлением и наказанием протекает гораздо ближе к сюжету Достоевского, нежели Конан Дойля. Объясняется это тем, что первый боялся Бога, а второй был лишен этого страха.

Следует помнить, что описанное чувство – лишь самая простейшая форма страха Божия, обучившись которой и поумнев, христианин начинает опасаться и того, что ожидает нас после смерти. Научившись тем самым покаянию, он приобретает так называемый у святых Отцов страх раба. После первого опыта настоящих благодатных состояний подвижник обретает страх наемника – опасение утратить стяжанное сокровище благодати за беспечность. Лишь после сего, как говорят Отцы, приходит страх сыновний – боязнь прогневать Бога лишь из одной любви к Нему. Состояние, признаемся честно, нам вовсе незнакомое, хотя известны разные подделки под него.

Возбужденная страхом Божиим горячая духовная ревность (ее следует отличать от душевной ревности не по разуму, движимой тщеславием) есть надежная защита от искушений вражиих. Дьявол переживает минуты нашего духовного подъема, потому что в это время мы внимательны к себе, ему же требуется от нас беспечность ко всему духовному. Будь постоянно ревностен – и он не посмеет приблизиться к тебе.

Средство же для постоянного поддержания ревности именуется трезвением и включает в себя общий режим, о котором уже много было сказано. Полезно чтение святых Отцов, особенно аскетических писателей. Читай их труды почаще, хотя бы понемногу. Творения святых Отцов настраивают и нас на их духовный уклад, что побуждает, с одной стороны, к смирению, чтобы мы не мечтали о себе, а с другой стороны – к стремлению

хотя бы что-то исправить в своей душе. Таким образом крепнет наша духовная ревность.

## Память смертная и апокалиптическое сознание

Рядом с ревностью идет еще одно важное аскетическое делание – память смертная. Она тоже хорошо поддерживается аскетическим чтением, но еще лучше житейским опытом и наблюдениями, связанными с болезнями и смертью. Умирают не только старые люди, но и молодые, и своего часа не знает никто. А если бы знали мы наперед, когда должно нам предстать на суд Божий, то уж наверное стремились бы накануне этого удержаться от греха и прилежать делам Божиим.

В христианах прошлых веков поражает отсутствие страха смерти или по меньшей мере слабость этого страха по сравнению с нынешним временем. Удивительным безстрашием отличались не только святые, монахи и воины, но и простые люди, даже женщины. И это, конечно, потому, что христианская вера воспитывала ощущение бессмертия, и радость будущей вечности проникала глубоко в человеческую душу.

В молодости хочется подольше пожить на земле. Но жизнь дается на добрые дела и на покаяние в злых. Так и должно относиться к каждому пережитому году и дню. Лучше прямо просить у Господа: даруй мне еще некоторое время жизни, чтобы успеть мне совершить хотя бы что-то во славу Твою и научиться покаянию.

Мысль об окружающей жизни, о том, куда движется весь мир, еще быстрее обучает нас памяти смертной. Следует только трезво оценить экологическое состояние планеты и нравственное состояние общества, какими они были недавно и теперь, чтобы все мечты о светлом будущем человечества быстро рассеялись. Христианину, впрочем, не должно впадать в отчаяние, ведь все эти бедствия за многие века предсказаны были Христом и Его апостолами, которые изобразили в Священном Писании последние времена в самых трагических красках.

Память смертная не есть панический ужас смерти. Она есть лишь верная оценка земной жизни и ее временных благ. Эти блага для помнящего последний час суть не более, чем пища

червей, равно как и тело наше, пользующееся ими. Безудержная же погоня за тленным и временным влечет за собою суровый ответ в день Суда.

И Священное Писание, и святые Отцы, и богослужебные песнопения часто сравнивают земную жизнь с торгом. На довольно краткое время нам даются блага земные, служащие для нужд тела и для низших потребностей души. Это все, что только и существует для людей неверующих: «уровень жизни», богатство, слава, почести, образование, приобщение к культуре, круг друзей – короче, все, что отбирает у человека смерть. Но есть и другие ценности, над которыми смерть не властна – это вера, добродетель, богообщение, святость. Пока мы в теле, они едва ощутимы, и причиняют более страданий, нежели утешения. Но после смерти они служат основанием и залогом блаженства вечного.

И вот между двумя этими большими группами благ, вверенных Богом человеку, каждый из нас самым фактом своей жизни совершает как бы торговый обмен: одни блага меняет на другие. Направление обмена зависит от нашего выбора. Мы можем променять временное на вечное, можем поступить наоборот, можем, наконец, и растратить временные блага впустую, не приобретая вечных.

Господствующее в наше время духовное настроение общества всеми силами пытается склонить нас к благам временным. Нужно с детства помнить, что стяжание этих ценностей идет всегда за счет потери сокровищ вечных. Богу и мамоне. Богу и собственному комфорту, Богу и человеческой славе одновременно работать невозможно. Всегда одно служение будет совершаться за счет другого.

Развитие в человеке памяти смертной обезпечивает постоянное и столь необходимое нам падение курса временных благ на этой жизненной бирже. Память смертная обезценивает и богатство, и славу, и удовольствия. В меньшей степени тому же способствует правильная оценка мирового развития, показывающая, что все ресурсы земли на исходе, что конец этого мира близок, а потому счастье не может заключаться ни в чем скорогибнущем.

Впрочем, ясно было это верным рабам Христовым во все времена. Замечательно сильно передал нам это настроение святитель Иоанн Златоуст, у которого тяга к благам Небесным и презрение к временным дышит буквально в каждой строчке. Любящий Златоуста, несомненно, вскоре полюбит и Небо.

Вообще говоря, не только святоотеческая, но и просто художественная христианская литература, начиная от сказок Пушкина или Андерсена и кончая романами Достоевского, постоянно преподает нам тот же самый урок: меняйте временное на вечное, жертвуйте земным сокровищем ради Небесного. Просто нужно и нам самим понимать такие уроки, делать к тому мысленные усилия, воскрешая в себе память смертную.

Без своих собственных усилий, дополняемых благодушным перенесением попущенных от Бога скорбей, христианину спастись невозможно. Однако в нашей власти состоит до некоторой степени возможность ослабить скорби невольные – если мы с радостью принимаем на себя труды и лишения добровольные, ради Царства Небесного. Так должна бы закаляться наша душа, добавляя к памяти смертной память крестную, то есть готовность на разные страдания и скорби.

Опыт показывает, что наш духовный рост, если и осуществляется, то большей частью в периоды скорбей. Время же спокойное и благоприятное мы используем гораздо беспечнее. Стремись нагружать всякий свободный час каким-либо трудом во славу Божию. И Бог, видя твою ревность и внимание, не возложит на тебя тяжелых внезапных скорбей, ограничив тебя лишь теми произвольными скорбями, которые ты сам принимаешь на себя. Берегись и другой опасности – превозношения. Это единственный вор, который может украсть сокровище некрадмое прямо с Небес. И если мы одновременно и делаем, и разрушаем, и накапливаем, и попускаем вору грабить накопленное, то Бог врачует наше неразумие, смиряя нас невольными и тяжкими скорбями.

Всему этому тебя очень скоро научит собственный опыт, если, конечно, ты дашь в сердце своем хотя бы какую-то цену благам вечным и нетленным.

## О молитве

Центральное и важнейшее духовное делание христианина – молитва. О молитве у святых Отцов написана, вероятно, большая часть сочинений.

По этой причине нам можно быть краткими в этой главе. Мы остановимся лишь на самых предначинательных замечаниях, которые большинство Отцов просто подразумевают, но особо почти не оговаривают.

Прежде всего, должно делать различие между тем, что принято называть собственно молитвою, и псалмопением. Под молитвою подвижники обычно подразумевают краткое, многократно повторяемое со вниманием молитвенное воззвание (например, Иисусова молитва). Все остальные молитвенные правила, содержащие различные длинные связные тексты: церковные службы, каноны, акафисты, утренние и вечерние молитвы, собственно Псалтирь, – именуются псалмопением.

Эту разницу нужно помнить при чтении произведений святых Отцов о молитве. Святитель Игнатий, особо отметивший такое различие понятий, указывает тут же, что молитвенному деланию обучали лишь хорошо привыкших к внимательному псалмопению. Освоившие псалмопение и привыкшие к нему именуются впредь при разговоре о собственно молитвенном делании новоначальными. Таким образом, новоначальные богомольцы суть не только что обратившиеся ко Христу, а уже освоившие в какой-то степени псалмопение, то есть содержательную часть молитвенной сокровищницы Православной Церкви.

Это не означает, что миряне не должны заниматься Иисусовою молитвою. Это указывает лишь на правильный порядок молитвенного делания.

Душа молитвы – внимание. Научись ему – можешь считаться новоначальным. Во время молитвы часто мысли мечутся во все стороны, так что собрать их вместе и устремить к Богу бывает нелегко. Какие есть к тому средства?

Первое, конечно, хранение чувств, ограничение впечатлений, пребывание в уединении, на природе, в богомыслии. Чем больше на протяжении дня забот и впечатлений, особенно суетных, тем больше посторонние помыслы будут мешать молитве.

Второе – это настрой на молитву. Святые Отцы советуют перед началом молитвенного правила подумать о себе: кто такой я, окаянный грешник, и к Кому собираюсь обратиться с прошением! Можно вспомнить о тех, кто, по слову Пророка, приближается ко Господу лишь устами, а сердцем далече отстоит от Него (Ис.29:13), и что такое богопочитание отвергается Самим Богом. Можно, на минутку сосредоточившись, сказать себе: сейчас приступаю к важнейшему делу своей жизни – к молитве, надобно быть внимательным. Такое кратковременное напоминание себе о важности молитвенного внимания не пропадет даром.

Третье средство для молитвенного сосредоточения – обновление молитвы и внешней обстановки ее принесения. Наше внимание невольно притягивается ко всему новому и рассеивается на всем однообразном. Поэтому, если при повторении одного и того же молитвенного правила внимание постоянно рассеивается, можно предпринять следующие меры.

По совету с духовником можно изменить или расширить свое правило – разумеется, в допустимых рамках. Например, вместо вечерних молитв иногда читать повечерие, великое или малое, а вместо утренних – полунощницу. После того как вечерние и утренние молитвы от постоянного употребления запомнятся наизусть, желательно чередовать их чтение: то про себя, то вполголоса; то по книге, то без нее; то в одиночку, то совместно с верующими членами семьи. Хорошо бы ввести в ежедневное правило Псалтирь или каноны.

Пока Молитвослов таким образом будет осваиваться, ум сам собою станет собираться на читаемом, смысл которого еще не ясен, еще не запомнился. Но с годами весь церковный обиход молитвословий постепенно «приедается» и сам собою внимания уже не собирает. Хорошо бы к тому времени приобрести самый полный церковный молитвослов – Октоих и

каждый день читать из него каноны соответствующего гласа и дня недели. Впрочем, такое приобретение можно посоветовать тому, кто более или менее знаком с чтением и пением на церковном клиросе. Такой сам с помощью духовника разберется) как можно в келейном правиле использовать Октоих.

Таковы в общих чертах внешние средства повышения молитвенной сосредоточенности. Нет спора, они недостаточны, мысли могут продолжать разбегаться туда и сюда и никаким внешним приемом их не соберешь. Нужно, чтобы было желание молиться, тогда и внимание появится само собою, как дар свыше.

Впрочем, ждать молитвенного настроения – значит ждать у моря погоды. Часто оно не станет нас посещать, а потому долгое время молитва будет как бы подневольным трудом, к которому нужно себя принуждать, как и ко всякому иному доброму делу.

Иногда, в час особой духовной потребности и нужды, можно дать волю своему молитвенному чувству и помолиться своими словами, хотя бы нескладными, но зато идущими от глубины души. Такая молитва, конечно, бывает образцом в смысле внимания и соединения ума и сердца в едином порыве ко Господу. Однако вводить такую собственную молитву в постоянное правило не стоит, чтобы не приучаться сочинять себе молитвенное настроение. Если сердце холодно, нужно согревать его, а не воображать его горячим. Всякая подобная неискренность и сопряженное с нею самолюбование – это путь к прелести. Потому своими словами следует молиться, лишь когда молитва сама рождается в сердце.

Это же предостережение касается и краткой молитвы (Иисусовой). Трудность ее в том, что она поначалу кажется весьма сухою, не дает простора мыслям, мечтам и впечатлениям; а потому неопытный, повторяя ее, зачастую и не пытается удерживать внимание на ее прямом и кратком смысле, но пробегает мыслями всю свою жизнь и весь свет вдоль и поперек. Даже если это не какие-то посторонние праздные мысли, а настоящие молитвенные воздыхания о разных лицах и

об их разных потребностях, – им не место в Иисусовой молитве. Всякая молитва своими словами дает какое-то утешение в первый момент, пока молитвенное обращение было искренним, но вообще говоря, такой подход к Иисусовой молитве нужно оставить, чтобы она не стала чувственной, мечтательной, искусственно разгорячающей кровь, а не дух. Святые Отцы намеренно сократили молитвенное прошение до нескольких важнейших слов, чтобы на них сосредоточить внимание ума и сердца.

Что же еще сказать об Иисусовой молитве? Только самый первоначальный совет святых Отцов. Например, святитель Игнатий рекомендует начинать по полсотни или сотне молитовок в день (с поклонами, перед иконами; краткая молитва где-то между делом хороша, но в счет не идет). Главное здесь и самое трудное: сосредоточить ум на прямом и кратком смысле этих слов; просить только того, чтобы Господь Иисус Христос помиловал грешника – и все. Со временем к вниманию ума должно прибавиться и внимание сердца.

Но здесь нам следует уже остановиться. Кто научился внимательному псалмопению и пробовал молиться Иисусовой молитвою, тому пусть станут наставниками святые Отцы, сказавшие весьма много о молитве из собственного богатейшего опыта. Желательно таковому найти и живого опытного духовного руководителя, если это еще возможно в наши времена.

Вспомним напоследок важнейшее предостережение современного искусного продолжателя святых аскетов – иеромонаха Серафима (Роуза). Говоря о молитвенном делании, он часто подчеркивал, что оно должно соответствовать общему духовному уровню молящегося и его образу жизни. Для монахов одни требования, для семейных другие. Есть разница между стариками и юношами, между сельскими жителями и горожанами, между начальниками и подчиненными.

Когда этого не учитывают, доходит до курьезов. Так, по благословению одного «старца» его духовные дочери, стоя за прилавком в магазине, «накручивали» в кармане четки и очень гордились, что читают в день по тысяче и по две тысячи

Иисусовых молитв. Рассказывать о своих героических молитвенных подвигах им, видно, не запретили. Хотя казалось бы, первое и очевидное требование к желающим большого молитвенного подвига: уйти из торговой системы, насквозь пропитанной ложью и воровством, и научиться не болтать о своих достижениях духовных.

Другой пример. Игуменя за какую-то провинность ставит пожилую монахиню на тысячу земных поклонов. Наказанная молится Иисусовой молитвою, а стоящая рядом сестра «за святое послушание» считает поклоны по четкам. Это уже, конечно, не молитва и не курьез, а просто изуверство, но нужно заранее иметь обученные чувства, чтобы, столкнувшись с подобным типичным примером современной «аскетики», не пойти на поводу распространенных заблуждений.

## Покаяние, слезы и плач радостотворный

Говоря обо всех аскетических деланиях, мы ведем речь лишь об их человеческой части – о наших собственных усилиях, но при этом мы никогда не забываем, что усилия эти могут что-то значить лишь при Божественном вспоможении. И трезвимся, и смерть помним, и скорби переносим, и молимся мы не сами собою, но с помощью Божественной благодати. Без нее все усилия пропадут даром, хотя верно и. обратное, что и без усилий наших практически никогда не подается благодать.

Это правило относится и к такому важнейшему делу, как покаяние. Оно первое для христианина, ибо составляет главную идею и самый смысл нашего обращения, оно же и среднее и последнее – как свидетельствуют о покаянии святые аскеты. Только предмет и характер покаяния со временем меняются.

Начинаем мы с покаяния в таких делах, которые явно обличают совесть и вопиют к Небесам. Их не нужно напоминать обратившемуся, для него, как правило, они понятны сами собою. В первую очередь, обратившемуся становится ясно, что доселе он жил безбожно, хотя, может быть, «признавал Бога в душе», что по сути мало чем лучше прямого безбожия. Затем и другие грехи, тревожившие совесть, начинают вспоминаться и будить покаянные чувства.

Итак, первое – это покаяние в греховных делах. Дела такие, впрочем, христианин творит не всю жизнь. После обращения хотя бы самые грубые страсти и незаконные привычки он должен бросить сразу же, что обычно и бывает. (Возвращение же к таким порокам, если оно случается, означает, как правило, и конец христианской жизни.) Но память о прежних преступлениях против Бога и совести не должна исчезать совсем. Бывают такие грехи, о которых стоит помнить до самой смерти, лишь бы такое воспоминание было всегда растворено надеждою прощения. Пример в этом нам показывают первоверховные апостолы Петр и Павел, до самой кончины не забывшие: первый – своего отречения, а второй – своей вражды к христианам до обращения. Подобно тому и преподобный

Моисей Мурин, бывший когда-то разбойником, до самой смерти не забывал своего греха, ради прощения которого добровольно принял мученическую смерть. И преподобная Мария Египетская после достижения самых вершин святости не забыла своей молодости и до самой кончины почитала себя скверной блудницею. Таких примеров в житиях святых немало.

После первой исповеди и покаяния в своих злодеяниях приходит и сокрушение в постоянных поблажках своим страстям, в том, что именуют «мелкими» повседневными грехами. Если первое покаяние не требует учителей, ибо совесть обличает суровее палача, то для постоянного пребывания в покаянии требуется постоянное наставление и самонаставление; нужна регулярная внимательная исповедь. Без нее христианин сначала уживается со своими страстями, мирится с ними, а затем начинает любить их, отвращаясь от Бога.

Чтобы этого не случилось, нужно хорошенько усвоить, а затем почаще приводить себе на память, что евангельские заповеди Господа Иисуса Христа не сводимы только к десяти Моисеевым запретам. Строго и буквально выполненное Десятословие – это та самая праведность книжников и фарисеев, которая никогда не введет человека в Царство Небесное. Христос дал нам переосмысленное Десятословие, и только в таком расширенном и духовном виде оно становится руководством для тех, кто отличает христианство от иудейства. Так, например, запрещено убивать, но Христос повелел не гневаться всуе, то есть бороться со страстью гнева. Запрещено блудить, а Христос заповедует бороться с самыми пожеланиями блудными. Запрещено воровать чужое, а Христос обещал осудить простое немилосердие, если кто не хочет поделиться своим. И так далее.

Одним словом, жизнь по Евангелию – это не только очищение рук от грязных дел, но и очищение сердца от грязных чувств, ума – от грязных мыслей, а воли – от нечистых желаний. Если мы только на запрещенные дела станем обращать внимание, то это будет означать возврат из Церкви в синагогу, от духа к плоти, от Христа к законникам и фарисеям.

Вот нам на будущее непрестанный источник слез духовных и покаяния: неисправленная душа во всех трех ее силах, постоянная нечистота нашего сердца не только в греховных, но даже и в добрых с виду проявлениях. Кроме того, готовясь к исповеди, следует вспоминать не только о том, что сделали дурного, но и о том, чего не сделали доброго, хотя имели к тому силы и возможность. Разделяя овец от козлиц на Суде Своем, Христос обвиняет последних не в их преступлениях, а в их преступном бездействии. Этого нельзя забывать.

Итак, следует почаще просыпаться и приходить в чувство. Одно для этого хорошее средство: регулярное чтение Слова Божия и святых Отцов.

Если же мы это хорошее средство не применяем, остаемся к своей душе невнимательными, кажемся себе вполне хорошими, сравниваем себя с какими-нибудь явными грешниками, то Господь зачастую применяет к нам и более суровое средство, чтобы мы познали свою немощь. Так, Он попускает нам какие-то крупные греховные падения за нашу самонадеянность и беспечность. Приходится оплакивать уже не саму страсть, а порожденное ею злодейство. И мы возвращаемся обратно к точке своего обращения, только уже с большими духовными потерями.

Таковы первые две ступени богозаповеданного плача и покаяния. Это делание духовное, оживляемое Божественной благодатью. Следует помнить отеческое выражение: не плач приходит от слез, а слезы от плача. Здесь плач – это наше собственное сердечное сокрушение, плод душевных усилий, а слезы – благодатный дар утешения за него. Сокрушение необходимо, и мы должны над ним работать, благодать же подается в ответ на наши усилия.

Впрочем, во время обращения или после него случается, что благодатные слезы опережают собственное сокрушение о грехах, чтобы дать человеку лучше прочувствовать свою греховность и тем самым понудить его к покаянию.

Третья, может быть более высокая ступень духовного плача, которую мы обычно мало знаем по себе, но встречаем в писаниях святых аскетов. Это плач Адамов о своей падшей

природе, о разобщенности с Богом, о неспособности восходить к предметам духовным. Пребывание в таком плаче предполагает достаточный духовный уровень, некоторое опытное познание благодати, познание и промыслительного лишения ее. Пребывание в таком плаче невозможно для страстных, во всяком случае, в период возмущения страстями. Впрочем, и здесь не станем переходить свою меру и меру читателя. Кто узнал по себе, о чем идет речь, тот имеет более совершенных святых наставников и уже не нуждается в нашем совете. Кто не узнал, пусть почитает, например, аскетическую лирику святителя Григория Богослова или святителя Игнатия Брянчанинова.

Надлежит теперь сказать немного о слезах не духовных, а душевных, более частых и легких, более естественных, но менее ценных пред Богом. Без них, впрочем, жизнь не прожить, и в большинстве случаев они скорее добры, нежели дурны.

Если слезы духовные, о которых шла речь, это признак живого духа, то эти слезы свидетельствуют о том, что в человеке живо его сердце. В первую очередь это слезы страдания (в которых ничего доброго еще нет), затем это слезы радости и, так назовем их, слезы умиления. (Хотя у Отцов под умилением чаще понимается плач Адамов, о котором мы только что сказали, но просто трудно подобрать более подходящее наименование.) Они посещают человека в часы воспоминания каких-то добрых духовных переживаний, в часы чтения умилительных страниц, показывающих примеры горячей веры и любви к Богу, показывающих преимущества благ Небесных; так плачут о горе близких к сердцу людей, о горе всей своей страны. Такие слезы вызываются и внешними впечатлениями: умилительною церковною службою (редко здесь бывают настоящие слезы духовные, чаще – душевные), хорошою, высокою музыкою, чьим-то проникновенным словом...

Повторим, что цена этим слезам не столь велика – да и кто, плача, тут же подсчитывает эту цену! – и все же они заповеданы нам Апостолом, повелевшим плакать с плачущими (Рим.12:15).

Да что говорить! Живя в такой стране, в такое время, постоянно встречая скорбь соотечественников, – как же не

плакать! Только камни не плачут. Камни же суть сердца, одурманенные пропагандой красивой жизни. Они свой плач откладывают до времен вечных, конца не имеющих.

Нам не довелось встретить наставников покаяния, молитвы и плача духовного. Но в наставниках плача душевного о погибающих собратиях недостатка не ощущалось никогда. Особенно отличились в таком «наставничестве» твои ровесники, отпадавшие от веры, привыкавшие к тяжким грехам. И поверь, что новый такой наставник в твоём лице уже не нужен...

Плач – делание всем доступное, и в некотором смысле последнее, что нам остается. Если мы не успели в духовной жизни сделать ничего, но только проливали слезы о своих грехах и о чужих страданиях, – то надежда спасения нас не покинет. Если мы на суд Христов принесем только собственные слезы, если с ними встретим последний час и не потеряем надежды на Господа – действительны будут за нас молитвы Церкви, веруем мы, что спасемся. Известно святоотеческое выражение, что не будем мы осуждены за то, что не достигли высокой жизни, не творили чудес, не воскрешали мертвых, но мы непременно будем осуждены, если не плакали о грехах своих, хотя бы и сотворили дела добрые.

Плач рабов Христовых спасает не только их самих, он созидает и саму Церковь, приводит к ней и прилагает людей далеких, но страждущих и ищущих спасения. Плач этот удерживает карающий меч, занесенный над главами упорных грешников, а потому он не есть только наше личное дело.

Плач именуется радостотворным, потому что он приносит дивные утешения, впрочем, не сам по себе, но такие утешения подает Господь всем сокрушенным сердцам. Нужно только закрепить это делание благодушным терпением скорбей. Терпеть все неприятное, что подается нам за грехи, терпеть с плачем, но без ропота, принимать наказание, как заслуженное и милостивое, – все это путь ко спасению, к духовной мудрости, начало которой полагает страх Божий, а продолжает покаяние и плач.

## **Вместо заключения. Выбор жизненного пути**

Итак, мы заканчиваем наш пролог или введение в аскетику. Сказали мы о том, что нужно освоить молодому христианину, чтобы далее с пользой читать святых Отцов и устраивать из своей души дом добродетелей. Когда все, о чем шла речь, будет продумано, пережито и принято к постоянному исполнению, тогда вполне справедливо христианин может почитать себя новоначальным, не сотворившим еще ничего доброго для своего спасения, но уже получившим первоначальные дары благодати Божией.

Остается лишь дать несколько советов по самому важному практическому вопросу для юношества: выбору жизненного пути.

Есть еще, возможно, такие юноши и девушки, кто, не сообразуясь со всякими советами людей посторонних, определили свою жизнь на служение Богу в иноческом чине, имея уже теперь условия для начала сего высокого и трудного подвига. Бог им в помощь, но наша речь теперь не к ним, а к тем, кто своего жизненного выбора еще не сделал и кому предлежит хотя бы некоторое неопределенно долгое время искать свое место в жизни в качестве мирян.

Учиться ли, работать ли, где и кем – у каждого к тому свои возможности, своя сердечная предрасположенность, свои семейные обстоятельства. Прошли те времена, когда «молодым везде у нас была дорога», никто не оставался неприкаянным. Ныне – не будем скрывать очевидного – русские люди никому не нужны, особенно молодые, особенно здоровые, особенно христиане. Чем нас меньше, тем, похоже, всему миру радостнее. Созданы все условия к тому, чтобы молодым нигде места в этой жизни не находилось.

Производственная сфера разрушена, сельское хозяйство разорено, наука, культура, образование при последнем издыхании. Честно заработать на хлеб практически нигде. Имеется лишь ограниченное число мест в той сфере, где честно жить очень сложно: в торговле, управлении, финансах,

пропагандистском аппарате, в криминальных структурах. Устроители такого порядка отбирают часть молодежи на смену себе, на обслуживание своей паразитической системы: юристы, экономисты, менеджеры, коммерсанты, работники прессы и средств информации, телохранители, проститутки и т.п. Это «золотые пять процентов» населения с обслуживающим персоналом.

Всем остальным молодым людям уготована одна дорога – в могилу: через кабак, через наркотики, через тюрьму – все едино. Жить молодому поколению «в этой стране» не дадут. Над его истреблением кропотливо и неусыпно работают. На это дело тратят огромные средства: на бесплатные наркотики, на разработку лживых и безнравственных школьных программ, убивающих религиозное и патриотическое сознание, на оболванивающее телевидение, на дешевые журналы, книги и видеокассеты, на пропаганду сексуальных знаний и сатанинских духовных методик, над тем, чтобы молодые люди не имели здесь рабочих мест и были праздными, ведь праздность – мать всех пороков.

Так задумано. Но во всяком механизме бывают сбои, ошибки и течи. «Инженеры» этого «открытого общества», поскольку в истинного Бога не верят, не учитывают реально действующего фактора – Промысла Божия. Если и ты не станешь веровать в Бога и стремиться к Нему, то и для тебя это спасительное действие будет закрыто. Тогда ты оказываешься в рамках хорошо рассчитанной схемы, настроенной на более или менее быстрое твое убийство (если, конечно, тебе не удастся самому пристроиться в эту систему, убивающую твоих сверстников).

Но верующего христианина, не произволяющего встать на пути беззакония. Господь силен избавить от них и сохранить на служение Себе. Но для этого требуется горячая вера, живая надежда на Бога и готовность на подвиг за любовь Христову.

Ныне подвигом может стать любая, самая заурядная профессия, вообще любое, только не преступное, занятие, суть которого – служение Богу, своему отечеству и народу, а не обслуживание преступного режима и его структур. Но хочешь

иметь такую работу – заранее обреки себя на бедность, унижение и скорби.

Например, школьный учитель, пытающийся воспитывать людей из тех, кого «инженеры общества», вооруженные гораздо большими деньгами и техническими средствами, а равно жестокостью, лицемерием и цинизмом, усиленно тщатся превратить в скотов и преступников, – разве это не подвиг, такая профессия? Это тяжкий крест, где давит не столько традиционная бедность, сколько черствость и бездушие уже растленных воспитанников при непонимании неверующих коллег. И в то же время такой человек, если не сломается, если превозможет все невзгоды и будет свидетелем Христовым, может силою Его сделать великое дело: согреть хотя бы несколько сердец за всю свою жизнь.

Нынешней школе нужны такие подвижники, которые могли бы нейтрализовать все козни растлителей из высших этажей системы образования. Встретишь ли возле себя таких учителей – помоги им, поддержи их. Величайшая награда для них – любой порядочный ученик, для которого нравственные понятия – не пустой звук.

Подобна же и профессия врача. Здесь тоже есть где приложить способности христианину, есть возможность возрастая в памяти смертной и нести утешение ближним. И здесь придется преодолевать материальную нужду, ожидая себе награды лишь в вечности.

Удастся ли найти себе какую-то производительную работу: в промышленности, на транспорте, в сельском хозяйстве, короче там, где не делают деньги, а ждут по полгода зарплату – вот место твоего подвига. Сумей при этом не роптать, не спиться, поддержать того, кто рядом, сумей сознательно отказаться от путей легких и преступных, или даже просто безнравственных – вот и подвиг жизни, вот лестница к Небеси. Почему бы нет?

Подвигом может стать и терпение безработицы, если только это не пьяное тунеядство. Не поддавайся праздности и порокам, помогай, чем сможешь, ближним, посвяти все досуги молитве и чтению святых книг – неужели же Господь не увидит

твоей решимости и попустит такому помереть с голоду и от праздности?

Подвиг для женщины-христианки в наше время – родить и воспитать столько детей, сколько Бог пошлет, не «планируя» своей семьи в сторону сокращения. Сколько нужно для этого терпения и упования на Бога, какие трудности порой приходится преодолевать в борьбе с родственниками, соблазняющими и принуждающими прервать беременность! В наше время нам не доводилось встречать таких многодетных семей, где трезвые родители воспитывали бы детей просто из удовольствия или любви к самим детям. Большая семья – тяжкий крест, который принимают родители в первую очередь ради Христа и заповедей Его.

...Ах, если бы у всего нашего терпеливого народа хватило бы еще надежды на Бога, чтобы вытерпеть весь этот кошмар государственного разрушения, не соблазнившись на преступные пути, то и самого кошмара бы не было, и государство стояло бы, хотя бы как нынешняя Белоруссия. Но мы, к сожалению, терпим развал своей страны и связанные с ним скорби только в смысле отсутствия революционных настроений. Мы не сопротивляемся разрушителям своего отечества и растлителям своей веры, потому что мы не противимся их соблазнам.

Сопротивление – это не демонстрации под красными флагами и не забастовки, когда и без того работы нет. Сопротивление заключалось бы во всенародном бойкоте телевидения, растлительной прессы (при поддержке изданий патриотических и православных), в бойкоте всяких голосований за «красных» и за «желтых», в бойкоте импортных товаров при поддержке своих производителей, в защите собственных детей от дурных влияний и в других подобных «тихих» мероприятиях. «Тихих», но не пассивных. Здесь не нужно ни насилия, ни беззакония, ни баррикад, ни стачечных комитетов. Здесь нужна только христианская совесть и жизнь по ней. И никогда Россия не превратилась бы в такую помойку, как теперь.

Чужой соблазн и наше на него согласие – вот двуединое орудие уничтожения нас, как государства, как народа, как Церкви, как христиан.

...Три дороги идут от камня, у которого остановился сегодняшний добрый молодец. Налево – звериная тропа, на которой можно «выбиться в люди», в среду тех, кому вольготно в «этой стране». Прямо – широкая дорога, на которой быстро и просто станешь навозом истории, пытаюсь некоторое время сводить концы с концами и влачить жалкое существование, умирая от отчаяния и грубых греховных страстей. И третий узкий путь направо – сделать жизнь подвигом и служением Богу и отечеству.

По которой дороге путешествие продлится дольше – неизвестно. Смерть равно забирает молодыми и богатыми, и безнадежными, и подвизающимися, равно и не трогает иногда подолгу и тех, и других, и третьих. Но вот последующая судьба после этой жизни у всех сильно различается.

Главный порок нынешней школы и вообще всей общественной системы ценностей заключается в том, что полностью забыты и осмеяны понятия долга, служения и героизма. Страшна и отвратительна жизнь, брошенная на поиски комфортного существования или даже просто биологического выживания. Еще страшнее бесконечно долгое послесловие к книге такой жизни.

В этой связи стоит задуматься о том, что сгубило коммунизм. Он пережил и преодолел много противников. Не одолели его христианские монархи – прячась в подполье, он умел поспорить с ними и в удобный момент коварно вонзить им нож в спину. Не победили его ни белые воины, ни народное сопротивление, ни чужие войска – он умел натравить одних на других и на третьих и вновь выходил сухим из воды. Смело ввергал он страну в голод, разруху, репрессии, в потоки лжи и безбожия. Все сошло ему с рук, пережил он всех своих неприятелей. Только себя пережить не сумел и покончил самоубийством.

Погубили коммунизм не его злодеяния, а как раз то, что он ставил себе в заслугу, то, ради чего он считал оправданными все свои преступления. В этих своих беззакониях коммунизм всегда умел опереться на мобилизованное каким-нибудь обманом героическое чувство недавних христиан. Вместо слов

«за Русь Святую» он подставлял в песню: «за власть советов» и направлял героические порывы в своих целях.

Борясь с врагами, коммунизм создал свою героику и свои «святцы». С юных лет нас воспитывали на подвигах большевиков: от героев-пионеров до «железных чекистов». Нам постоянно внушали, что ради великой цели нужно и похвально рисковать и жертвовать жизнью, ее удобствами и благами. В годы борьбы не возникало и вопроса: а что это за великая цель? Она стояла где-то за победой. Сначала, мол, победим, а потом будет счастье.

Но кончились войны, и пришлось коммунистам назвать народу свою великую цель. И назвали: постоянное удовлетворение растущих потребностей советских людей. Вот святая святых коммунизма. Итак, нас начали учить постоянно жертвовать земными благами... ради земных же благ! Круг замкнулся. Обман работал лишь до тех пор, пока не ставился вопрос: зачем?

Советские люди скоро поняли, что же является высшей целью и быстренько занялись удовлетворением своих «постоянно растущих», теперь уже прямо, не обращаясь к героической риторике. Этим они уже выкопали могилу коммунизму. А столкнуть его туда помогло понимание, что «постоянно растущие» лучше всего удовлетворяются при другом общественном устройстве. И вот мы опрометью бросились растаскивать и пропивать собственную страну, надеясь на ее обломках удовлетворить свои «растущие», а потом уже просто самые насущные, потребности при каком-нибудь капитализме, коль скоро он в принципе более сытый строй.

Коммунисты в своем Манифесте 1848 года хвастливо заявили, будто буржуазия воспитала своего могильщика – пролетариат. Но вот сами-то действительно воспитали своего могильщика – советского человека, в котором умерли высокие стремления к целям Небесным, а остались лишь ненасытные поиски земного благополучия.

Так быстро и безславно рухнул коммунизм, захвативший полмира и растливший еще большую часть человечества,

рухнул в один день и без единого выстрела.

Туда бы ему и дорога, но главная идея и высшая цель его живет до сих пор и точно так же губит все человечество, принимающее эту цель, как некую духовную печать зверя. А идея эта проста: долой высокие идеи, даешь жизнь для своего блага и комфорта. Только теперь не для блага коллектива советских людей, а для своего частного блага и личного удовольствия. Жизнедательной героики и самоотверженности стало еще меньше, чем в коммунизме, и нет сомнения, что в этом же будет могила и нынешнего режима, как и коммунистического.

С верою в свои силы, со стремлением к собственному комфорту долго не проживет ни один народ на земле, ни одно государство. Его падение – вопрос времени. Мы не говорим уже о том, что ждет после смерти каждого отдельного поклонника такой религии.

Глядя на эту историю, мы лучше можем понять глубокий смысл слов Христовых: *кто хочет душу (жизнь) свою спасти, погубит ее* (Мф.16:25; Мк.8:35; Лк.9:24). Для кого земная жизнь – самоцель, тот не будет счастлив и на земле. Эта синяя птица не любит тех, кто гоняется за нею, пытаюсь накрыть сачком, но она сама берет корм из рук тех, кто не обращает на нее ни малейшего внимания.

Эту истину глубоко усвоили русские люди, оказавшиеся после революции за границей. Они поняли, что если не будут жить ради вечности, ради служения России, то просто исчезнут. «Право на отдых имеют только мертвые» – вот что было написано на их знаменах. Так и вышло. Русскими остались только православные, только живущие Святой Русью. Прочие же исчезли во языцах.

Вот и нам теперь ставится задача: стремиться прожить не житуху, а жизнь, высокую, достойную, подвижническую. Благо христианину не нужно гоняться за какими-то призрачными земными целями, как это пришлось делать коммунистам. Цель нашего подвига не на земле. Временным и тленным мы должны жертвовать ради вечного и нетленного. И в этом христианском подвиге ради Царства Небесного есть место и для немощных, и

для больных, и для стариков, и для детей, и для женщин. Здесь нет места только для лодырей и гордецов, не желающих подвизаться под крестной хоругвью нашего Господа и Спасителя.

Что же, воодушевляйся и ты. Напоследок расскажу и старое сказание о православном воине. Спросили его как-то о предках, и он с похвалою поведал, что его отец и дед погибли в бою за Веру, Царя и Отечество. Спросили его: как же ты не боишься идти в бой? – Он отвечал вопросом: а что, ваши отцы и деды все умерли в своей постели? – Да. – Почему же вы не боитесь всякий вечер ложиться в постель? – резонно возразил безстрашный солдат.

Такова земная жизнь всех Адамовых потомков. В их воле выбрать богатство, славу, удовольствия земные или же Небесные. В какой-то мере в их воле выбрать общий характер жизни и соответственно общий характер смерти. Но не в их воле отменить исшествие из этой жизни на суд Божий. Сделай же правильный выбор пути своего с самой юности.